

Российская Академия Наук
Институт философии

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ
МОДЕРНИЗАЦИИ:
ТЕОРИИ, МОДЕЛИ, ОПЫТ**

Москва
2013

УДК 300.36
ББК 15.56
С 69

Ответственный редактор

доктор филос. наук, профессор *В.Г. Федотова*

Авторы

Введение – д.ф.н., проф. *В.Г. Федотова*, глава 1 – д.ф.н. *И.Н. Сиземская*,
глава 2 – к.ф.н. *Г.А. Хакимов*, глава 3 – д.ф.н., проф. *В.Г. Федотова*,
д.ф.н. В.А. Колтаков, к.с.н., доц. *Н.Н. Федотова*, глава 4 – к.ф.н. *В.Б. Власова*,
глава 5 – к.ф.н. *Д.А. Кузнецов*, глава 6 – к.пол.н. *Г.Ю. Канари*,
глава 7 – аспирантка *Ю.В. Хазова*, глава 8 – д.ф.н. *И.А. Крылова*,
глава 9 – д.ф.н. *С.А. Королев*, глава 10 – д.ф.н. *Ч.К. Ламаажа*,
глава 11 – д.ф.н. *В.В. Денисов*, глава 12 – к.ф.н. *В.П. Веряскина*,
глава 13 – д.ф.н. *М.Г. Алиев*, глава 14 – д.ф.н. *Ю.В. Олейников*
Научно-техническая работа выполнена *И.Б. Рябушкиной*

Рецензенты

доктор социол. наук *Л.А. Беляева*
доктор филос. наук, профессор *Н.Н. Зарубина*

С 69

Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Г. Федотова. – М. : ИФРАН, 2013. – 221 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0250-8.

Коллективная плановая монография Сектора социальной философии ИФ РАН посвящена социально-философскому анализу теорий, моделей и опыта модернизаций. В разделе «Капитализм и модернизация» анализируется первая модель капитализации России и дальнейшее развитие капитализма в мире. Второй раздел посвящен соотношению модернизации и науки в различных аспектах. В третьем разделе «Модернизация повседневности и повседневность модернизации» рассматриваются тренды постсоветской эпохи, в том числе и архаизация общества, развитие депрессивного региона, персональная модернизация. В четвертом разделе «Среда модернизации» обсуждаются ее цели, средства и перспективы постиндустриальной модернизации. Монография содержит новые результаты.

ISBN 978-5-9540-0250-8

© Коллектив авторов, 2013
© Институт философии РАН, 2013

Введение.

Оказался ли «проект модерна» незавершенным?

Социальная динамика в историческом обозрении характеризуется сменой типов рациональностей и в связи с этим разным пониманием прогресса и модернизации.

Рациональность и динамика традиционных обществ

Традиционные общества – это общества, воспроизводящие себя на *традиционной основе*. *Ценностная рациональность* – имманентное свойство традиционного общества, предполагающее приоритет ценности над целью. Господство традиции и религиозно-мифологических форм сознания создает этот тип рациональности и поддерживается им. Традиционное общество организовано как целое. *Ценностная рациональность – это рациональность целого*, где индивид ориентируется на общие ценности, не выделяет себя четко из целого. Его рациональная собственная позиция состоит в том, чтобы следовать рациональности общества, обеспечивающей его выживание, функционирование, существование и в определенной мере развитие. Подобная ориентация определяет выживание самого индивида, его гармоническую связь с обществом, и любая попытка быть более четко выделенной индивидуальностью, субъектом творческой деятельности, особенно типичная при наличии незавершенной модернизации, соседстве и контактах традиционного и современного обществ, выглядит *иррациональной* со стороны общества, поддерживающего традицию в качестве своей основы, и опасной для психологического состояния индивида, его социального статуса, его идентификации. Традиционное общество полно условных, ритуальных форм деятельности, имеет недостаточно эффективный труд, но фактически в нем *разрабатываются многие смысловые и символические содержания, которые наследуются современным обществом* автоматически, без особой рефлексии, подобно тому, как в XX в. усвоены правила поведения за столом XVIII–XIX вв. Выработанные в нем примордиальные и сакральные значения составляют коды культуры, сказывающиеся на жизни этого общества и при его переходе в современное состояние

и пребывании в нем. Традиционные общества имеют механизм усвоения только тех инноваций, которые не мешают традиции, а рациональность не теряет свой ценностный смысл. Даже на «карте памяти» уже начавших модернизироваться обществ сохраняются точки возврата к традиции, архаике, большая значимость прошлого, мифов, преданий. Архетипы традиционного общества могут возобладать при неуспешной модернизации, о чем свидетельствуют опыт революционной ломки 1990-х в России. Традиционное общество всегда смотрит назад, вглубь своей традиции. *Социальная динамика традиционных обществ состояла в накоплении кодов культуры и символических содержаний на основе ценностной рациональности.* Далее эти механизмы не срабатывают.

Модернизация Запада и догоняющая модернизация незападных стран

Изначально модернизации – это переход традиционных обществ в современные, включающий господство инноваций, персональность, индустриализацию, научно-технический прогресс, принятие современных институтов власти, новую форму рациональности, определяемую М.Вебером как *целерациональность*, в отличие от ценностной рациональности прошлого¹. Под целерациональностью понимается способность к постановке целей и нахождению адекватных и легальных средств ее достижения. В ходе модернизации происходит смена форм ментальности: упомянутый переход от ценностно-рационального к целерациональному отношению к миру; перспектива будущего, не волновавшая традиционные общества; активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация). По мнению философа русского послеоктябрьского периода В.П.Вышеславцева, «такова мировая тенденция индустриальной цивилизации. Она одинаково проявляется в Европе, в Америке и в Азии, в демократиях и тоталитарных государствах, везде, где существуют массы, включенные в индустриальный аппарат»². Запад совершил этот переход *органически, естественно-исторически*, оказавшись в точке бифуркации распавшегося мира Средневековья перед множеством траекторий, в

том числе и неудачных, он в конечном итоге выступил наследником *Ренессанса, Реформации и Просвещения*. Его развитие не было предзадано, не было сформулировано в виде цели и проекта.

Незападные страны, не пройдя подобные процессы, отреагировали на возвышение Запада идеями и моделью догоняющей модернизации – в России военно-технической у Петра Первого, социально-политической у Александра Второго, способной построить обходным маневром лучшее, иное и более справедливое общество у большевиков, догнать уровень жизни Запада и заимствовать его политическую систему – у неолибералов. Догоняющая модель имеет свои пределы, поскольку ей следуют общества с отличными от Запада культурами, не обеспечивающими адекватность поставленных задач имеющимся возможностям. В какой форме осуществляется «догоняющий» Запад процесс – в форме политической демократии, свободы или в форме тоталитарной – зависит от уровня развития страны, начального старта, степени осознания массами стоящих перед ними экономических задач, рациональности, готовности к усилиям в условиях гедонистической альтернативы в развитых странах или в условиях отсутствия таковой в бедных. В отличие от XIX в., где источником легитимации модернизации была наука и протестантская этика, рационально-научная легитимация XX в. требовала ориентации на имеющиеся образцы развития в качестве норм. «Догоняющая модель» модернизации западных стран находила образцы в опыте Запада. Однако успешные модернизации конца XX в. (Япония, другие страны Юго-Восточной Азии) ставят под сомнение этот источник легитимации. Изменения, которые происходили и в которых нуждался мир, подвергли сомнению наличие универсальных форм легитимации модернизации. Догоняющая модель модернизации обнаружила свои пределы, мешающие достичь ее завершения.

Постмодернизация – идеи конца 1960-х – начала 1990-х

Многие западные ученые С.Лэш, П.Вагнер, К.Поланьи и др. дали периодизацию современности, складывающуюся в ходе модернизации на Западе: Первая либеральная современность XIX в. с ее автономным и ответственным индивидом, целерационально-

стью; организованная современность XX в. с появлением социал-демократии и технократии, социального государства, массового общества. Следующий этап современности представлялся двум первым из указанных авторов либеральным. Каждый этап современности завершается кризисом, из каждого находится свой выход³. Основываясь на этой концепции, мы показали суть кризиса второй современности 1960 – начала 1990-х. Этот продолжительный кризис возник из-за исчерпанности либеральных идей с началом Первой мировой войны, связан с Великой Октябрьской революцией, давшей иную идею модернизации, с наличием модернизации в коммунистических обществах и множеством прежних дискурсов современности, не способных объяснить новые явления – студенческий бунт на Западе конца 1960-х, подъем Японии в 1970-е. Именно эти события стали причиной появления идеи постмодернизации, которая была обязана новому философскому течению – постмодернизму, возникшему путем синтеза архитектурных, литературных и культурных идей. Современным мы называли индустриальное, западное, капиталистическое общество. Это была теоретическая конвенция, так как в современности живут и традиционные, и примитивные общества. В годы, когда второй организованный модерн вступил в стадию кризиса, появилась идея конца модерна. Ю.Хабермас задал вопрос «Завершен ли проект модерна?», используя слово «проект» в аллегорическом смысле – не как план или задание, а как перспективу, данную Просвещением⁴. Постмодернизм поставил вопрос о высокой цене перехода к современности – насилии, отказе от традиций, когнитивных нарративах, имеющих принуждающую силу, о постоянном напряжении человека, об универсальности модели современности, на деле недостижимой для многих, противопоставил смертельной серьезности иронию. Цель развития с постмодернистских позиций – это уже не современное, а постсовременное общество, так как теоретики, казалось, проглядели какой-то этап между современным (индустриальным) обществом и его фазой в 1960–1990-е, осознанной сегодня как кризис второго модерна, а тогда воспринимавшейся постмодернистами как отказ от модерна, переход к ситуации «пост», притягательной тем, что пока она означала только «после модерна», не говорила о том, что же это будет, однако обращала внимание на утраченные традиции, необходимость учета

социального и ценностного факторов. Соответственно, переход от традиционного общества к постсовременному был назван постмодернизацией (а затем постпостмодернизацией, термином, имеющем ввиду возможность последующих многих отрицаний). Постмодернизм вернулся к антимодернистской, даже предмодернистской критике современного общества⁵. Постмодернизм обновлял модернизм. Концепция постмодернизма была вызвана разочарованием в Западе тех, кто его не догнал, но и разочарованием Запада в себе самом. Она связана с самим представлением о времени, которое никогда не останавливается в своей исходной «современности» и всегда наполняется определенным (позитивным или негативным) содержанием, связывает прошлое и будущее, традицию и инновацию. Уходящее время уносит незавершенные проекты, не дает им завершиться, заменяет их другими, но и ставит вопрос о сохранении содеянного.

Интересно, что концепция постсовременного общества вызревала у тех, кто изучал незападный мир, низшие слои общества на самом Западе, советскую систему и социализм, развивающиеся страны, Восток в его классическом противостоянии Западу, Юг в его современном противостоянии Северу. Экономическая отсталость сопровождалась в этих регионах наличием таких форм жизни, которые были утрачены Западом, к которым он начинает стремиться: отсутствие или меньшая степень отчуждения (ценностная рациональность при нехватке целерациональности, в противоположность целерациональности) и недостаточности ценностных регуляторов Запада; отсутствие худших образцов массовой культуры, солидарность и пр. Представление о постсовременном обществе сближало черты традиционного и современного обществ. Оно включало в себя: ориентацию на новое с учетом традиции, соединение ценностной и целевой рациональности; использование традиции как предпосылки модернизации; светскую организацию социальной жизни, но и значение религии и мифологии в духовной сфере; значение выделенной персональности и, вместе с тем, одобрение и использование имеющихся форм коллективности, массовости; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; демократический характер власти, но признание авторитетов в политике; эффективную производительность, но и ограничение пределов роста; совмещение психологических характеристик че-

ловека традиционного и современного общества; эффективное использование науки при осуществлении традиционных, ценностных легитимаций социального выбора. Такой список «всегда хорошего» показался бы утопическим, если бы ряд стран – Япония, «азиатские тигры» 1970-х, Индонезия и др. страны не демонстрировали успешность поиска структур современности (modernity) на основе традиции. Япония осуществила успешную модернизацию не потому, что она следовала какой-то рационально-научной модели, а потому, что она сумела использовать традиционные ценности – семьи, труда – в своем развитии, равно, как в определенной мере и Турция – традиции торговли, ремесленничества. Японская модернизация использовала собственные традиции, не заимствовала европейской модели модернизации и не явилась моделью для других стран. Понятие модели, связанное с рационально-научной легитимацией, в эти годы теряет смысл.

Третий модерн

Трактовки того, что было названо постмодернизацией сегодня изменились. В настоящее время есть немало работ, помимо постмодернистских, в которых идея объединения основ современных и традиционных обществ звучит все более определенно и все более настойчиво. Это нашло отражение в концепции третьего модерна. В то время, как на Западе утверждалась идея постмодернизма, привлекательная в научном смысле и для многих теоретиков в России, политическая практика устремилась к неомодернизму, к воспроизводству модели Первого либерального модерна XIX в. Это стремление приняло революционный, а не реформистский характер («Иного не дано»). 2000-ные оказались временем модернизации России, Китая, Индонезии, Индии, Бразилии, затем Южной Африки, но не догоняющей модернизации, а модернизации нового типа, обозначенной известными учеными – Ш.Айзенштадтом, С.Хантингтоном, Л.Харрисоном как модернизация на основе собственной культуры, иначе названная как национальная модель модернизации⁶. Особенностью модернизации стало отсутствие универсальной модели, постановка задач, необходимых каждой из стран и присущим каждой из них способам их решения. Постмо-

дернист может сказать, что это постмодернизм, а не третий модерн. Во многом он будет прав, т. к. этой форме развития присуще взаимодействие черт традиционного и современного обществ, ориентация на новое при опоре на традиции, соединение ценностной и целевой рациональности (ценностно-целе-рациональность); использование традиции как предпосылки модернизации; светская организация социальной жизни, не устранившая значение религии и мифологии в духовной сфере; значимость выделенной личности и, вместе с тем, одобрение и использование имеющихся форм коллективности, массовости; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; совмещение психологических характеристик человека традиционного и современного общества; эффективное использование науки при осуществлении производственных функций, совмещаемое с традиционными, ценностными легитимациями социального выбора. Имеются политические, ценностные отличия от модели постмодернизации. И главное из них – полное отсутствие, усилий, лишенное даже намек на иронию стремление России, Китая, Индии, Бразилии, Южной Африки, Индонезии, Азербайджана и других стран к развитию и улучшению жизни. Таков Третий модерн, представляющий собой новую фазу развития, определяемый нами как новое Новое время для незападных стран⁷.

Известный английский социолог Э.Гидденс изложил свою позицию в книге «Ускользающий мир», опубликованной им на основе прочитанных лекций и изданной в 1999 г. Гидденс – убежденный модернист. Он отстаивает модернистскую позицию во всех своих работах. Обычно позиция такого рода вряд ли совместима с идеей ускользания мира. Поэтому с самого начала обратим внимание на то, что Гидденс чувствует наступление Нового (третьего) модерна, для которого подобная метафора окажется приемлемой. Гидденс оказывается перед выбором – остаться ли на позициях модернизма, в чем его упрекает постмодернист Дж. Александер, называя проponentом модернизации, признать ли модернизм более невозможным, перейти ли на позиции постмодернизма или найти новые формы модернизма. Он предпочитает последнее. Гидденс показывает, что об изменениях мира говорили с давних пор и задается вопросом, оправдано ли в связи с этим считать верными утверждения о радикальных переменах в сегодняшнем мире. Его

ответ: «Так ли уж отличается от прошлых времен мир, в котором мы живем, – мир конца XX столетия (и начала XXI. – *Авт.*)? Да, отличается. Существует немало объективных оснований считать, что мы переживаем важный с исторической точки зрения переходный период. Более того, затрагивающие нас перемены не ограничиваются каким-то одним регионом земного шара, они происходят почти повсеместно»⁸. «Ускользание» происходит из-за перемен в мире, неадекватности старых способов познания, потребности изменить представления о мире: он перестает быть рационально-прозрачным, каким его видело Просвещение, предсказуемым и подвластным человеку, как считали до недавнего времени, восхищаясь успехами науки. В нем, отметим, мегатренд модернизации сменяется мегатрендом глобализации, а модернизации ввиду их множественности становятся локальными трендами. Риск, который всегда рассматривался как негативный фактор при всем своем увеличении и даже неизбежности, сегодня несет и позитивные черты: «Современный капитализм внедряется в будущее благодаря тому, что оценка будущих прибылей и убытков, а значит и риска, превращается в непрерывный процесс»⁹. Прогресс начинает пониматься не как общее направление развития всех стран, а как многообразие путей, по которым идет человечество для улучшения своей жизни¹⁰. Гидденс показывает, как меняется все. Происходит изменение сознания, нравов, обычаев, интимности, семьи. Сегодня тот, кто решается вступить в брак, подобен, по мнению Гидденса, первопроходцу, т. к. семья изменилась, и люди не знают, куда они вступают. Таким образом, не отступая от своего имиджа модерниста и продолжая ориентироваться на модернизацию, Гидденс находит в сегодняшней современности, а мы называем ее третьей современностью, являющейся новым Новым временем для западных стран, значительные изменения и перспективы изменений, которые иногда ускользают от нас и делают сам мир ускользающим. *З.Бауман использует для этих процессов иную метафору – «текучая современность».* Под текучестью он понимает свойство жидкости, которая, в отличие от твердых тел, не держит формы. Он, как и Гидденс, сознает всю метафоричность своих диагнозов состояния и перспектив общества. Но то, что сегодня приходится обращаться к метафорам, говорит о слишком многообразных изменениях, не схватываемых существующими понятиями. Бауман,

почти так же, как и Гидденс, спрашивает, не преувеличиваем ли мы характер и скорость изменений, ускользание современности или ее текучесть: «Я охотно соглашусь с тем, что такое утверждение (о текучести современности. – *Авт.*) может вызвать замешательство у любого, кто свободно ориентируется в “дискурсе современности” и знаком с понятиями, обычно используемыми при изложении современной истории. Разве современность с самого начала не была процессом “разжижения”? Разве “растопливание твердых тел” (традиционных обществ. – *Авт.*) не было основным занятием и высшим достижением? Другими словами, разве современность не была “текучей” с самого начала?»¹¹. Его ответ состоит в том, что растапливая твердые тела традиционного общества, современность не стремилась стать текучей, жидкой (второй перевод нам кажется лучше, но книга Баумана переведена в России как «Текучая современность». – *Авт.*), а строила новые «твердые тела». Самым «твердым телом» «традиционного общества была традиция, самым «твердым телом» современности стала экономика. По мнению Баумана, твердость современности поначалу оказалась больше, чем «твердость тел» традиционного общества, расплавляемая современностью. Это делалось с целью построения лучшего общества. Но признаком сегодняшней текучей современности является то, что она не ставит целью установить лучший порядок. Итак, Гидденс был и остался модернистом. Бауман был постмодернистом, стал модернистом. Оба они говорят о новом модерне. Что же побуждает их к этому, хотя новый модерн, скорее, несет в себе ряд черт того, что называли постмодерном в 1970–1980-е гг. На наш взгляд, коренным отличием модерна от постмодерна является серьезность намерений, отсутствие иронии, присущей постмодернизму по поводу своих целей, направленность на достижения, прежде всего, экономические. Нельзя стать чемпионом глобализации в экономике, как этого добился Китай, иронически относясь к этой цели. Запад, получивший новых соперников, локальные войны и революции, приводящие в действие радикальные исламские силы, ощутил те риски плавания в новых водах, которых он сам ранее не предполагал. Он потерял свою прежнюю иронию. Он сознает имеющиеся угрозы и риски. Основная литература о постмодернизме вышла в конце XX в., новых книг о нем почти нет. Есть некоторые извлеченные уроки из постмодернист-

ской критики модернизма. Это – критика радикализма модернизма в искоренении традиции. Это – критика модернизации в форме догоняющей модели, для которой имеет значение только культура Запада, а не своя собственная, требования рекультивации в либеральных версиях модернизации незападных стран по образцу Запада. В современных теориях модернизации дан убедительный ответ на эту критику: *появилась «третья современность»*, (новое Новое время для незападных стран). Подобно тому, как неоднородный и имеющий многообразие культур Запад вступил в модернизацию в Новое время, преобразовав себя и сформировав свою культуру на базе Ренессанса, Реформации и Просвещения, сегодня культурно многообразный не-Запад пытается модернизироваться как на общих основаниях незападных культур – ценностной рациональности, коллективизме, способности к имитации, трудолюбию, дешевой рабочей силе, так и на специфике культуры регионов, например, конфуцианской этики. То есть «твердые тела» западной культуры – традиции и культура не разжижаются третьим модерном, а к ним добавляются твердые тела модерна, сложившегося на Западе – экономика, хозяйственная рациональность, консюмеризм. Текучесть и разжижение на Западе – отчасти фаза третьей современности, когда Запад отодвигается с ведущих позиций чемпионами развития среди незападных стран, отчасти же – продукт чрезвычайной экономической рациональности и самоуверенности Запада, по отношению к которым нарастает религиозная, культурная, экологическая оппозиция. *Фактор культуры и наличие традиций начинает пониматься не как препятствующий модернизации, а необходимый для ее осуществления* в незападных странах. Это хорошо видно в Китае, в Южной Корее и других странах. Россия, прошедшая в 1990-е через неомодернизм – либеральный революционный проект, в котором «Иного не дано», заплутала в «текучести» общества и «убегавшем мире», возникших на Западе из-за экономического предшествования фаз модернизации, а у нас из-за последствий модернизационного радикализма, приведшего к *архаизации, дающего нам уже «жидкие структуры» традиционного общества, разрушенные предшествующей модернизацией, но не давшей «твердых тел» предшествующих модернизаций, а потому и фактически-го сходства ни с Западом, ни с успешными в модернизациями незападными странами*. Мы разрушили старое, не создав нового. Мы не

можем считать себя равным Западу в «текучести» и «убегающем мире», поскольку *природа наших реалий – разрушенность, в том числе, и культуры, а не просто трудности новой фазы третьего модерна*. Нынешнее состояние во всех своих формах – *перенапряжения на Западе, разрушенности в России или проблематизируемой возможности в успешных незападных странах*, вряд ли окажется сутью новой третьей современности, а, скорее, проблемой, которые она будет решать.

Поскольку книга З.Баумана 2010 г. «44 письма из текучей современности»¹² пока не переведена на русский язык, сообщим читателю, что заметил Бауман в сегодняшнем мире, в котором мы живем, не замеченного другими. Он развивает свои прежние идеи о текучей современности, спрашивает о том, когда мы научимся отличать важное, существенно новое от ложной тревоги. Бауман обращается к истории известного немецкого философа и социолога В.Беньямина о том, что и как рассказывают людям, с одной стороны, моряки и, с другой стороны, крестьяне. Моряки говорят о путешествиях, неведомых мирах, приключениях, драконах. Их рассказы живописны, интересны и необычны. Крестьяне рассказывают об обычной жизни, трудах, заботах, семье, урожае в самом повседневном духе. Сегодня рассказ моряка не отличался бы, считает Бауман, от рассказа крестьянина. В рассказах моряков было бы меньше экстраординарности, а в рассказах крестьян, чуть спрятанная, она бы все же была. Действительно, на Московском экономическом форуме в МГУ (20–21 марта 2013 г.) в докладе главы сельскохозяйственного кооператива из-под Екатеринбурга было сообщено о стольких приключениях и необычных вещах, что моряку было бы трудно состязаться с крестьянином. Истории повседневной жизни содержат сейчас много экстраординарности, которую мы не всегда замечаем. «Если мы хотим, чтобы они стали известными нам, то очевидно, что знакомые вещи надо воспринимать как странные»¹³. Знаменитый социолог назвал свои эссе письмами, рассматривая их как остановки в путешествии по незнакомой повседневности. Он выбрал 44 остановки, потому что у великого польского поэта А.Мицкевича есть персонаж с таким именем (44) и потому, что 44 очень красиво звучит по-польски. А Бауман – поляк, живущий в Лондоне. Об этом он общается в первом письме. Когда-то он жил и в Москве. Во втором письме он говорит о заполненном толпами одиночестве. В третьем

и десятом письмах Бауман пишет о родителях и детях. Они поменялись местами. Дети живут в мире, неизвестном родителям и могут дать им советы. То, что кажется нормальным младшей возрастной когорте, воспринимается взрослыми как странное, лицемерное, нелегитимное. В периоды прежнего модерна (первого и второго) была паника из-за резкого возрастания власти родителей в ходе выполнения ими обязательств по отношению к детям. Этой властью они могли даже злоупотребить. Паника текучей современности (в наших терминах – третьего модерна) состоит в том, что взрослые освободились от своих прежних обязательств по отношению к детям, которые более свободны и находятся в коммерческих отношениях с родителями. К этому примыкают одиннадцатое письмо о тратах подростков и двенадцатое о различии поколений. Подростки тратят деньги на мобильники, гаджеты, плееры, прически, соблазнами для них являются музыкальная продукция, кино. Это было недоступно родителям, но труднодоступное осталось в памяти. Сегодняшним подросткам важен момент покупки, возможность покупки. В их памяти не остается ничего. Приобретенное теряется, ломается, снова мечта о покупке нового.

Что же будет с теми, кто так счастливо, беззаботно живет, не думая ни о ком. Тут прорывается страшный прогноз. Они ни к чему не приспособлены, не готовы. В случае беды они не выдержат, сломаются, потерпят поражение. Может быть это один из пунктов «путешествия» Баумана, как и консьюмеризм, где сломался его постмодернизм с равноценностью всех образов жизни и привел его к текучей, но все же современности. Современность как раз серьезна, не обладает иронией, ищет идеалы, отличает должное от сущего. Последний раз Бауман называл себя постмодернистом с 1992 по 1997 гг.¹⁴. Ряд причин привели его к отказу от постмодернизма. Среди них, по его собственному признанию: излишнее согласие постмодернизма с разрывами с прошлым, с особенностями теоретизирования, применяемыми в эпоху современности. Постмодернизм прикрепил себя к осмыслению плюсов и минусов модерна, а так же субъективное предпочтение работать в самостоятельном направлении, т. к. постмодернизм стал обозначать мир, освободившийся от своих пут. Баумана не устраивала, прежде всего, как нам кажется, идеология восхищения постсовременным миром и в попытке его не только принять,

но и продолжать изменять, что было присуще ранее модернизму, Бауман перешел на концепции модернизма, претерпевшего изменения в сторону большей «текучести». В трех письмах об образовании (двадцать третьем, двадцать четвертом, двадцать пятом) Бауман отмечает, что мир недружественен к образованию, существует кризис образования. В этом новом мире ожидается, что люди будут искать частное решение социально генерированных проблем, а не, как раньше, когда искали социально-генерированное решение частных проблем. Раньше, когда была «твердая» фаза модернити, а не текучая, как сейчас, было четкое разделение между правильным и неправильным, создавались санкции для неправильного и поддерживали правильное направление. «Твердая» современность была всеобъемлющей, жестко управляемой и надзираемой. В своей «текучей» стадии такие менеджерские функции уже никому не нужны, но подчиненные все больше стараются вести себя так, чтобы заслужить симпатию боссов. Продается различие, а не сходство, способность быть самим собой, а не как все. Не достаточно иметь знания и навыки, необходимые для данной работы и имеющиеся у уже работающих и тех, кто устраиваются на работу, знания, полученные путем образования.

Междущарствие тридцатого письма – это описание ситуации, когда старый порядок умирает, а новый еще не приходит.

На вопрос, кто сказал, что нужно жить по правилам, Бауман отвечает в тридцать пятом письме. Кто сказал, что работа выше отдыха? Новое понимание мира, отрицающее правила, предпочтение отдыха работе стало своего рода культурной революцией. Многие люди требуют понимать свободу как то, что подходит именно тебе, а не другим людям, предпочтения порядка, в котором правит эгоизм, перевешивает желания порядка, основанный на солидарности. Это требует отсутствия фиксированных мест работы. Принадлежа к поколению воевавших во Второй мировой, добровольцем ушедший на фронт, Бауман оказался не в восторге от каждой из 44 остановок своего путешествия. Многим из этих остановок он посвятил отдельные книги¹⁵. Но в чем он остался непреклонен, *что не со всем мы должны смириться – излишнее потакание революционности приводит к тирании, а излишнее попустительство развалу создает энтропию, грозящую нашему осмысленному существованию.* Такова феноменология З. Баумана и методология анализа повседневности.

РАЗДЕЛ I КАПИТАЛИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Глава 1. П.Б.Струве: первая модель капитализации России

Сегодня все исследования о будущем России обязательно включают тему модернизации. Это понятно и оправдано, но, к сожалению, последняя чаще всего предстаёт в виде *разнообразных средств* её приближения – достижений научного и технического прогресса, инновационных прорывов в производственных, образовательных, зрелищных и прочих технологиях и т. п. Всё это бесспорно есть подтверждение масштабности *начавшихся модернизационных процессов*, но не более того. Ибо модернизация – это *многофакторный социально-культурный феномен*. За ней всегда стоят соответствующие мироощущение и мировоззрение человека, его понимание окружающего мира, мотивация и стиль поведения, усвоенная система ценностных ориентаций и культурных предпочтений, наконец, общественные, в том числе политические, формы жизни, определённая система прав и обязанностей государства и его граждан. В этом смысле *модернизация есть реформация*, охватывающая в наше время, в отличие от её более ранних исторических проявлений, и материальную и духовную жизнь людей *в их системном единстве*. Способность социума к ней есть его атрибутивное свойство, гарантирующее от экономического, политического, культурного застоя, т. е. движение общества «по вертикали».

Принимая во внимание сказанное, представляется продуктивным для обсуждения перспектив и моделей модернизации нашего общества обращение к проектам, учитывающим названные её составляющие. Одним из таких, не утратившим своей теоретиче-

ской и практической значимости, является проект капитализации России, предложенный в начале 90-х гг. XIX столетия П.Б.Струве. С ним связана первая отечественная попытка социального моделирования, ориентированного на практические нужды страны с учётом её национальной истории, сложившихся культурных традиций и новейших тенденций промышленного развития Запада. Обращение к этому проекту не должно вызывать удивления из-за факта его давности потому, что начало XXI в., в котором мы живём, и конец XIX в. по странной иронии отечественной истории «упираются» в одну проблемную ситуацию – вхождение страны в капитализм.

Если давать общую характеристику предложенной Струве модели, то её суть сам автор сформулировал предельно чётко: как порвать с «азиатчиной» и превратить Россию в богатую капиталистическую страну. Струве обозначил две составляющие такого превращения: *экономический рост и вхождение в мировое сообщество на правах цивилизованного государства*. Предлагаемые для этого средства, как и сама задача, сегодня не утратили своей практической значимости. «Нервным центром» проекта была актуальная в наши дни *проблема ответственной свободы лица и исповедующей демократические принципы власти*. От решения этой задачи зависит, как был уверен Струве и в чём мы сами убеждались не раз, успех и культурная наполненность модернизационных преобразований.

Сам автор видел ценность предложенной им модели в том, что за ней стояла «сила вещей и жизни». В 1901 г. он писал: «Я считаю до сих пор верными взгляды на экономическое развитие России, высказанные в 1894 году. Мне кажется, что именно эти взгляды, чуждые крайностей как ортодоксального марксизма, так тем более народничества, в полемике с которыми они были высказаны, вполне уже в значительной степени вошли в общее сознание <...> Случилось, что эти взгляды имели за собой сильную союзницу – силу вещей и жизни»¹⁶. Как это ни покажется странным «сила вещей и жизни», стоявшая в своё время за проектом Струве, мало в чём потерпела изменения сегодня.

Проблема модернизации России в контексте идей «легального марксизма»

В отечественной историографии творческое наследие П.Б.Струве до сих пор рассматривается преимущественно в связи с его социально-политическими идеями, анализируется в рамках интереса к истории отечественного либерализма в том его проявлении, которое вошло в его анналы как *консервативный либерализм*. Струве был автором главных его идей, а будучи энциклопедически образованным человеком, всегда активно включённым в политическую жизнь страны, сумел наполнить эти идеи глубоким не только идейным, но и философским смыслом, включить в научный аппарат социального знания (экономики, социологии, политологии, психологии), т. е. *концептуально оформить*¹⁷. Сегодня, как отмечают исследователи, идеи консервативного либерализма предвосхитили многие подходы современных исследователей к оценке роли либерализма в жизни модернизирующегося общества, в решении жизненно важной проблемы, как соединить экономический либерализм с духовно-культурным консерватизмом и сильным государством. Но при всём интересе к творческому наследию Струве до сегодняшнего дня без должного внимания остаются его *экономические исследования* и прежде всего системное исследование экономического состояния России конца XIX в. «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»¹⁸. Работа была опубликована в 1894 году на заре его юношеских увлечений, как тогда называли, «экономическим материализмом». Но она не стала его единственным исследованием по экономике. Интерес к экономической проблематике и экономической истории России Струве сохранит надолго, свидетельством чего являются его магистерское исследование «Хозяйство и цена. Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни» (Ч. 1–2. 1913–1916) и работа «Понятие и проблема капитала в системе политической экономии, построенной на понятии цены» (1917). Следует в этой связи напомнить, что в 1917 г. Струве был избран членом Академии наук по отделению политической экономии. К сожалению, ни первая книга, ни две последующие работы при массовой републикации его статей в последние двадцать лет до сих пор не переизданы¹⁹. Наконец, говоря о Струве как экономисте следует

назвать труд, над которым он работал долгие годы – «Социальная и экономическая история России с древнейших времён до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности»²⁰.

С изданием «Критических заметок к вопросу об экономическом развитии России» связывают начало своеобразного общественно-философского течения, получившего название «*легальный марксизм*». Как известно, идеи Маркса стали известны в России гораздо раньше²¹. В 1865 г. в пересказе П.Н.Ткачёва появилось Введение из «К критике политической экономии» К.Маркса, в 1869 г. был издан на русском языке «Манифест коммунистической партии», в 1872 г. – первый том «Капитала» в переводе Г.А.Лопатина и Н.Ф.Даниельсона. В 1894 г. вышел русский перевод книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Появились активные последователи и пропагандисты экономического учения Маркса, среди которых наибольшее влияние имели известные отечественные экономисты И.И.Кауфман, Н.И.Зибер, А.И.Скворцов, М.И.Туган-Барановский, выступившие с серией статей на страницах легальной печати. Так, Н.И.Зибером, профессором киевского университета, был опубликован ряд статей под общим названием «Экономическая теория К.Маркса»²², А.И.Скворцовым работы «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (1890) и «Экономические этюды»(1893)²³.

Усилившееся к 90-м гг. влияние идей марксизма объясняется в первую очередь уверенностью его приверженцев в том, что его идеи позволяют дать критику идеологии народничества с его абсолютизацией субъективного метода в социологии и интерпретацией модернизации отечественной экономики в духе славянофильства. С.Л.Франк отмечал, что марксизм в России на рубеже веков был прежде всего критической реакцией на народничество, на пропагандируемую им идею об особом, русском, пути к социализму. Марксизм был воспринят, как последнее слово европейской науки. После политического удушья 80-х годов он, как писал С.Н.Булгаков, «оживил упавшую было в русском обществе веру в молодость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению»²⁴. В экономических идеях Маркса услышали ответ на вопрос, *как России приобщиться к достижениям капиталистической цивилизации*.

Представители «легального марксизма» (П.Б.Струве, С.Н.Булгаков, М.И.Туган-Барановский, Н.А.Бердяев, С.Л.Франк) отождествляли марксизм не с научным социализмом (учением о классовой борьбе как движущей силе истории, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата), а именно с политэкономическими идеями Маркса, которые пытались адаптировать к двум болезненным российским проблемам: 1) как раздвинуть границы политических и гражданских свобод в стране, не прибегая к революционной борьбе, и 2) как поднять уровень народного хозяйства до европейских стандартов. Заразив здоровьем своих ответов значительную часть российской интеллигенции, «легальный марксизм» легко, хотя и не надолго, нашёл нишу в рамках социал-демократического мировоззрения²⁵. Представ, как своеобразный сплав западничества с отечественной общественно-философской мыслью, он сразу *был сориентирован в сторону либерализма*. Можно сказать, что в «Критических заметках к вопросу об экономическом развитии России» была сделана *первая попытка либерализации марксизма*.

Это наложило свой отпечаток на направленность критики, методологию предпринятого анализа, постановку исследовательской задачи и даже на научный аппарат работы. Нарушив монополию народников на социологическое осмысление экономических реалий, отнеся их «к категории устаревших шляпок», Струве противопоставил доктрине «самобытного экономического развития России» *новую теорию развития народного хозяйства*²⁶. Эта теория исходила из признания экономических отношений (способа производства и товарного обмена) объективным основанием любого хозяйствования и капиталистической фазы цивилизационного развития.

Книга Струве сразу получила широкую известность, идеи и методологические позиции автора стали предметом широкого обсуждения на страницах журналов «Мир Божий», «Русское богатство», «Новое слово», «Начало», «Вопросы философии и психологии». Одновременно со Струве против признанных теоретиков народничества выступили М.И.Туган-Барановский («Промышленные кризисы в современной Англии» СПб., 1894) и В.И.Ленин («Что такое дружба народа и как они воюют против социал-демократов», 1894), но, работа Ленина осталась менее известной, поскольку была издана маленьким тиражом на гектографе. (Всем троим было столько лет, сколько метру народников Н.К.Михайловскому.) Сле-

дует отметить, что на этом этапе представители «легального марксизма» не афишировали своё несогласие с «ортодоксами»²⁷. Их объединяла борьба с общим врагом – самодержавием, неприятие народничества, понимание, что продуктивная критика последнего возможна только с позиций марксова учения о капитализме как закономерном этапе (общественно-экономической формации) человеческой истории.

Одновременно, что следует отметить отдельно, книга Струве стала первым опытом критики многих положений марксизма. Не случайно сам термин «легальный марксизм» Струве считал неудачным и полагал более подходящим для него (и для своих взглядов) термин «*критическое движение в марксизме*». В 1902 г. он писал: «главной задачей «Критических заметок» была полемика с народническим пониманием экономического и общественного развития России. И этот антинароднический характер моей первой литературной попытки в значительной мере скрадывал от материалистических противников мою неортодоксальность, а ортодоксальных марксистов с нею до известной степени примирял. В то же время я и разумом и чувством понимал тогда, что прежде всего необходимо вести и покончить союзную борьбу против народничества и готовить новое практическое и действенное понимание русской действительности. И не будучи никогда ортодоксом, я чувствовал себя в этих двух задачах вполне солидарным с ортодоксией. В это время <...> мне казалось преждевременным резко выдвигать и развивать критические сомнения, тем более, что они во мне самом ещё не утвердились в достаточной мере»²⁸. Но именно это своё первое, *экономическое*, исследование сам Струве считал работой, в которой им «была намечена и, если так можно выразиться, преуказана в значительной мере критическая эволюция»²⁹. Примечательна реакция Г.В.Плеханова на книгу Струве. В Приложении своей работы «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю – ответ Михайловскому, Карееву, В.В. и К.» он лишь посетовал на то, что Струве слишком неосторожно выразился (речь шла о нашумевшем призыве «идти на выучку к капитализму»). Объясняя это «благородным увлечением западника», он полагал, что шуметь по поводу книги позволительно только тому, кому нечего возразить на экономические доводы писателя. Позже в 1901 г. в работе «Критика наших критиков – г. Струве в

роли критика марксовской теории общественного развития» он обвинит Струве и всех «легальных марксистов» в попытках реформировать марксово учение об общественном развитии. Та «европеизация» русской общественной мысли, которую он приветствовал в критике народничества, не оправдала, по его оценке, надежд, поскольку осуществилась «в неожиданной форме», а именно – «под знаменем пересмотра марксизма»³⁰.

Каковы же были экономические доводы Струве в пользу капиталистического пути развития России?

Струве о путях капитализации России

«Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» были первой в отечественной экономической мысли попыткой *социального моделирования*, ориентированной на капиталистическое преобразование экономики страны. И хотя до Струве, как отмечает Р.Пайпс, «были русские авторы, отмечавшие при случае цивилизаторскую роль капитализма, например, Белинский, Петрашевский и Писарев, ни один русский мыслитель до него не приписывал капитализму столь жизненно важный исторической миссии»³¹.

В качестве методологии прогнозирования экономического развития России Струве предложил учение Маркса о роли экономического фактора в жизни и развитии любого общества, воспринятое им как научная теория и как эвристический принцип, указывающий «подобно ариадновой нити, куда преимущественно следует направлять исследователю общественных явлений своё внимание»³². Утопизму народнической модели социального развития России была противопоставлена основанная на экономическом анализе модель трансформации хозяйственной структуры общества, отвечающая техническим и политико-правовым достижениям европейской цивилизации. Струве видел, что натуральное хозяйство пережило себя исторически, что оно стихийно вытесняется меновым хозяйством в силу его экономической и культурной несостоятельности. Народническая «идиллия «земледельческого государства» и «народного производства», т. е. натурального хозяйства, разрушалась «под свист локомотива». При этом подчер-

кивал Струве, «роль парового транспорта не ограничивается областью экономических отношений: его влияние охватывает всю жизнь общества и производит в ней глубокий переворот. Благодаря паровому двигателю возникает мировое хозяйство, благодаря ему создаётся действительно социальный строй и отдельные хозяйства связываются крепкой органической связью»³³. (На память приходят слова другого мыслителя, который писал, что династия Габсбургов выдержала Французскую революцию 1848–1850 гг., но пара она выдержать не сможет.) Революционизирующее воздействие технического прогресса на развитие всей системы общественных отношений Струве признавал полностью, но не безусловно: значение первого, считал он, есть необходимое, но недостаточное условие второго. – Модернизация мыслилась Струве как процесс, охватывающий *все* сферы российского общества, более того, рост производительности труда, структурные и технико-организационные изменения в общественном производстве (материальная база модернизационных преобразований) увязывались с развитием правовых основ государства, демократизацией его институтов и принципов общественной жизни на всех уровнях, с ростом дисциплины труда и общей культуры населения страны на «почвенном материале». (Эта идея позже стала главной в его концепции «Великая Россия».)

Модель Струве предупреждала, с одной стороны, о недопустимости отставания экономических реформ от социально-политических преобразований, а с другой стороны, от преждевременного разрушения исторически сложившихся государственных структур и образа жизни страны, от крайностей разных вариантов левого и правого радикализма, дабы, избежав социального хаоса, защитить автономию человеческой личности, её право на самовыражение. Важно заметить, что в «Критических заметках к вопросу об экономическом развитии России» Струве говорил не о программе партии, как это станет позже, а о *типе социально-экономического развития*, предпочтительного для России, что освобождало предложенную им модель от каких бы то ни было идеологических предвзятостей.

Какие идеи определили смысл проекта капитализации России?

Первая идея. Прогресс экономики есть необходимое условие социального прогресса. Последний «исторически вытекает из первого и на известной ступени развития между обоими про-

цессами должно являться и на самом деле является органическое взаимодействие, взаимная обусловленность»³⁴. Поэтому вопрос об организации производства и росте производительности труда есть «первенствующий» перед вопросом о распределении, о который «споткнулись» народники, строя свою модель развития страны. Достижение социалистического идеала, если возможно, реально лишь через прохождение этапа капитализма, для которого важно «платящее потребление, а не потребление вообще»³⁵.

Вторая идея. Капитализм есть необходимая фаза цивилизационного развития, его историческая миссия заключается в создании материальных и интеллектуальных условий для дальнейшего продвижения человечества по пути прогресса. «Социальные реформы составляют звенья, связующие капитализм с тем строем, который его сменит и – каков бы ни был политический характер того заключительного звена, которое явится гранью между двумя общественно-экономическими формами – *одна форма исторически вырастет из другой*»³⁶.

Третья идея. Объективным основанием капитализма является товарное производство, которое «обобществляет не только производство, но и производителя», делая человека «настоящим социальным существом, связывая индивидуальное существование тысячью нитей со всем общественным организмом»³⁷. Товарное производство предполагает существование правовых институтов, а соответственно определённое правосознание. Иными словами, товарное производство является могучим культурным фактором. «Раз страна стала на путь его развития, весь культурный, политический и экономический прогресс зависит от дальнейших успехов на этом пути»³⁸. Ближайшая и важнейшая задача России – развитие товарного обмена, рыночных отношений.

Четвёртая идея. Для страны, в которой превалирующим является сельское хозяйство, какой была Россия 1890-х гг., социально-экономический прогресс связан с *развитием земледелия на основе товарного обмена и обрабатывающей промышленности*. Превращение сельскохозяйственного производителя в товаровладельца, вовлечение его в товарное обращение придаст мелкому земледельческому хозяйству жизненные силы, а обрабатывающая промышленность приведёт его в соответствие с общими требованиями экономической и технической рациональности. Рынок, превращает земледельца в производителя товара, а развитие обра-

батывающей промышленности обеспечивает замену натурального хозяйства рациональным хозяйством, основанным на применении передовой техники, технологии и организации труда.

Пятая идея. Движение по пути капитализации предполагает возрастание роли государства, осуществляющего социальную политику *на основе идеи права и правопорядка*. В регулировании модернизационных процессов и в смягчении социальной напряжённости, неизбежно сопровождающей процесс капитализации экономики, политика государства должна по возможности выражать *равнодействующую общественных сил*. Но не исключено, что перед многими явлениями социально-экономического неравенства государство может оказаться *бессильным* в своих попытках следовать такой политике.

Шестая идея. Хозяйственная система не есть нечто мёртвое, лишённое духовности, её обязательным элементом является человеческая личность, отмеченная духовно-нравственными свойствами, *отвечающими* осуществляемым трансформациям (добросовестность, ответственность, расчётливость, профессионализм). *Идея личной годности* в трактовке Струве – это *идея подчинения общеобязательным нормам*. Более производительная хозяйственная система опирается на более высокую *«личную годность»*, как «основу и мерило всех общественных отношений». «Личная годность» есть обязательное условие любых модернизационных преобразований³⁹.

Седьмая идея. Осуществляемые модернизационные преобразования должны быть признаны на уровне общественного и индивидуального сознания как *национальный идеал и национальное служение*. В этом смысле модернизация, если она ориентирована на прогрессирующее развитие страны, всегда реализуется как *национальная идея*.

Итак, первичным моментом предложенной Струве модели было требование вовлечения «земледелия в обмен, дифференцирующее сельское население на класс сельской более-менее мелкой буржуазии и сельский пролетариат, из которого рекрутируется и пролетариат промышленный»⁴⁰. Возражая народникам, сетовавшим на то, что капитализация крестьянского хозяйства в России невозможна из-за отсутствия развитого внутреннего рынка, Струве убеждал, что разорвать эту зависимость можно только одним способом – вытеснением натурального хозяйства, основанного на

примитивной технологии и нерациональной организации, хозяйством *товаропроизводительным*. «Прогрессивное развитие земледелия на почве мелкого хозяйства, создаст рынок, опираясь на который будет развиваться русский промышленный капитализм. Рынок этот по мере экономического и общекультурного развития страны и связанного с ним вытеснения натурального хозяйства может неопределённо расти. В этом отношении капитализм в России находится в более благоприятных условиях, чем в других странах»⁴¹. К этим благоприятным условиям Струве относил обширность российской территории, которая может стать катализатором развития товарных отношений при условии строительства путей сообщения и, выражаясь современным языком, соответствующей инфраструктуры. Примером тому, считал Струве, является опыт развития капитализма в Северной Америке. Правда, «процесс нашего капиталистического развития будет, конечно, в силу нашей экономической и общекультурной отсталости идти медленнее, чем в Америке и носить очень болезненный характер. С этим нужно считаться», предупреждал он⁴².

Преобразование сельскохозяйственного собственника в товаропроизводителя будет сопровождаться усилением социально-экономического расслоения в деревне, о чём справедливо беспокоились народники. Но это меньшее зло по сравнению с «нивелированием» крестьянства на основе всеобщей бедности и нищеты, потому что, чем богаче общество, тем больше у него возможностей для регулирования экономического расслоения. Сегодня мы, делая выводы из собственного опыта, можем сказать, что, думая так, Струве впал в изрядный утопизм, не предвидя (или не желая предвидеть) в должной мере всех тех социальных последствий, которые несёт с собой свободный рынок. Однако трудно не согласиться с его характеристикой ситуации в России того времени: «техническая нерациональность хозяйства, а не капитализм – вот тот враг, который отнимает хлеб насущный у нашего крестьянина. Если капиталистический строй и исполнен противоречий, то из этого вовсе не следует, что капитализм всюду, где он ни существует, виноват во всех бедствиях»⁴³. С этим тезисом трудно спорить.

Технической базой капитализации сельского хозяйства является обрабатывающая промышленность. Её развитие – это краеугольный камень предложенной Струве модели экономического

роста. *Обрабатывающей промышленности он отводил главную роль в расширении границ внутреннего рынка, модернизации сельскохозяйственного производства и социального развития деревни.* (Не с этой ли проблемой мы сталкиваемся сегодня?) Именно она даёт тот необходимый рост производительности труда в сельском хозяйстве, который, в свою очередь, *решает проблему накопленный для осуществления индустриализации.* «В области обрабатывающей промышленности капитализм в обширном смысле слова неминуемо влечёт за собой рано или поздно капитализм в узком смысле слова: развитие крупного, производства.»⁴⁴. Утверждая это Струве был несомненно прав в том смысле, что при осуществлении модернизационных процессов нужно ориентироваться на максимальное использование собственных ресурсов. К тому же, связывая решение проблемы инвестиций в промышленное производство с развитием обрабатывающей промышленности как базы сельского хозяйства, он и подозревать не мог о существовании сегодняшних источников в виде нефти и газа. Но, может, это незнание было к лучшему. Во всяком случае, предлагаемая им модель опиралась в первую очередь на внутренние ресурсы и возможности, что обеспечивало ей большую устойчивость, а экономике большую независимость от внешних (экономических, финансовых, политических) факторов.

Итак, политика, ориентированная на первоочередное развитие сельскохозяйственного производства на базе товарного производства, расчистит в России почву для капитализации всего народного хозяйства. Превращение крестьян в товаропроизводителей с одновременным развитием обрабатывающей промышленности, способной «довести» сельскохозяйственный продукт через рынок до потребителя, приведёт к развитию, как бы мы сегодня сказали, агропромышленных комплексов, на базе которых будет происходить ожидаемый и необходимый экономический рост деревни и города. (Тезис, подтвердивший свою истинность в наши дни.) Внедрение меновых отношений в сельском хозяйстве при этом не обязательно должно сопровождаться искусственной ломкой общины, до поры, до времени, предостерегал Струве, государство может её сохранить и даже приспособить к новым экономическим условиям, ибо со временем отношения обмена, укрепив позиции самостоятельного

производителя, сами всё «расставят по местам». (В этой позиции очевидно просматривается парадигма будущего *консервативного либерализма* Струве.)

Словно оправдываясь за некоторую абсолютизацию в своей экономической модели роли сельского хозяйства, Струве писал: «Мои личные симпатии вовсе не на стороне экономически крепкого, приспособленного к товарному производству крестьянства, но я не могу не видеть, что политика, которая направится на создание *такого* крестьянства, будет единственной разумной и прогрессивной политикой, так как она пойдёт на встречу исторически неизбежному прогрессу капиталистического развития, смягчая в то же время его крайности»⁴⁵. (Цель, в данном случае оправдывала возможные, т. е. реальные, средства её достижения.) Конечно, Россия не останется страной исключительно земледельческой. Но начинать надо с сельского хозяйства, его капитализация есть в сложившихся условиях (отсутствия необходимого промышленного капитала) единственный способ последующего индустриального развития. Только *таким* путём Россия *из бедной капиталистической страны, какой является, сможет стать богатой капиталистической страной*. Струве был уверен, что другого пути не дано. Этим «превращением» Россия дополнит существующую «историческую схему новыми чертами: меновое хозяйство и капитализм в узком смысле слова могут развиваться без сильных средств первоначального накопления, без экспроприации, т. е. без прямого насилия»⁴⁶. Увы, этого не случилось.

Политика на капитализацию экономики требует *усиления роли государства* в реализации этого процесса. Это убеждение Струве вытекало из его понимания природы государства и исходных мировоззренческих взглядов как либерала. Не отрицая за государством функции насилия, он видел в нём *продукт культуры*, возлагая в связи с этим на него большие надежды как на «орган», обеспечивающий необходимый, допустимый обстоятельствами порядок, в том числе и в сфере экономики, хотя его вмешательство в последнюю (как и в другие сферы общественной жизни) не может простираться *дальше определённых границ*. Так, государство может проводить фритредерскую и протекционистскую политику, может бороться путём фабричного законодательства с эксцессами капитализма, а может при случае открыто защищать интересы капитала, может

склоняться в пользу крупного землевладения, а может – в пользу мелкого фермерства. Но оно в состоянии делать только то, что не выходит за рамки целесообразности реального исторического момента и существующего в стране законопорядка. – В противном случае его действия, направленные на управление процессом, будут обречены на неуспех. Политика государства, не раз повторял Струве, *должна* выражать равнодействующую социальных сил, но при условии, что этому не мешает вмешательство разнообразных «факторов объективного порядка», действие которых может оказаться сильнее его собственных устремлений. (Струве как будто видел нашу сегодняшнюю ситуацию.)

Предлагая свою модель капитализации России, он несколько не абсолютизировал культурную миссию капиталистической цивилизации, в чём его сразу же после выхода книги стали упрекать и народники, и ортодоксы-марксисты. Он не отрицал, что капитализм не свободен от «некультурных элементов», ведь, он сохраняет эксплуатацию, социально-экономическое неравенство, а значит, очевидные искусственные границы человеческой свободы – политической, интеллектуальной, хозяйственно-предпринимательской, границы самореализации человека в творчестве и т. п. И тем не менее капитализм – это неизбежная фаза исторического движения человечества по пути социального прогресса, а переход от него к другой социальной формации может осуществиться только через *непрерывное и причинно обусловленное изменение всей общественной системы*. Не в оправдание, а предвидя все возможные нападки в свой адрес, он скажет: «Симпатии к трудящейся народной массе не монополия народников, и мы так же чувствуем глубокое сострадание к разорённому страдальцу-народу. Но картина его разорения лучше всего доказывает нам его культурную беспомощность»⁴⁷. И закончит книгу словами, которые станут программным требованием мыслителя: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму»⁴⁸.

Чему следует учиться у капитализма?

Отвечая своим критикам на этот вопрос, Струве так раскрывал смысл своего призыва: «Я должен с полной определённой заявить, что инкриминированные слова: “пойдём на выучку к ка-

питализму” вполне соответствуют моему убеждению. Всё дело в смысле “страшных слов”. Во-первых, русское общество в его целом потому нуждается в капиталистической выучке, что только эта выучка, развивая производительные силы страны, создаёт и будет создавать условия культурного прогресса и предпосылки новой более высокой экономической формации. Во-вторых, только капиталистическая выучка может взрастить классовое самосознание – этот могущественный рычаг общественного развития. В-третьих, только капиталистическая выучка внесёт во взаимные отношения общественных классов полную ясность, которая сделает совершенно невозможной путаницу понятий о роли интеллигенции и государства в экономическом процессе, до самого последнего времени, можно сказать, безраздельно господствующую у нас»⁴⁹. И добавлял: «Это вовсе не значит – для меня по крайней мере – “будем служить буржуазии”, ибо капиталистические отношения подразумевают не одну буржуазию, но и её антипода везде, а тем более у нас, нуждающихся в капиталистической выучке»⁵⁰. Иными словами, у капитализма следует учиться принципам хозяйствования, его умению рационально организовать хозяйство, творчески использовать достижения мировой цивилизации и прежде всего достижения научно-технического прогресса, умению проводить политику, направленную на поддержку товаропроизводителя. Капиталистическое ведение хозяйства, организуя массы, *«учит их сознательно относиться к условиям своего существования»*⁵¹, и это один из главных уроков капитализма, который следует усвоить. Создавая фактически обобществлённое производство, капитализм развивает в массах способность *к коллективным действиям, подготавливает их к участию в историческом движении общества*. В условиях капитализма массы проходят своеобразную школу социального коллективного поведения на основе усвоенных прав и обязанностей, формирующих у них необходимый уровень правосознания, потребность в демократических нормах общежития.

Призывая идти на выучку к капитализму, Струве был далёк от апологетики последнего как образа жизни, говорил, что не является его адептом и не идеализирует его как общественный строй. Но нельзя, считал он, оставаясь на позициях современного научного знания, исходить из моральной парадигмы в оценке истории. «Капитализм как эксплуатация человека человеком, есть зло с точки

зрения наших идеалов. И если мы будем смотреть на него *только с этой точки зрения*, то мы придём прямым путём к простому выводу: не надо капитализма! Раз этот вывод подчинит себе наше мышление, нам трудно будет приблизиться к пониманию объективного процесса: капитализм <...> в наших глазах явится тогда чем-то только вроде, если можно так выразиться, “злоумышления”. Но капитализм, как и всё, имеет своё *достаточное* основание, для понимания которого таких категорий, как добро и зло, *недостаточно*. С этой точки зрения взглянули мы на вопрос об экономическом развитии России. Капитализм разрушает так называемые “устои”, но это удаётся ему только потому, что “устои” никуда негодны и сами разваливаются. <...> Таким образом, капитализм не только зло, но и могущественный фактор культурного процесса – фактор, не только разрушающий, но и созидающий. Это прекрасно понимали и понимают на Западе те, кто во имя идеалов социальной справедливости выступили на борьбу с капитализмом»⁵². – Так разъяснял свою точку зрения Струве не без упрёка в адрес отечественных социал-демократов.

Придерживаясь материалистического толкования истории, Струве видел историческую миссию капитализма в создании материальных и культурных условий для дальнейшего прогресса и потому был далёк от мысли рассматривать его в качестве вечной формации. Он считал, что капитализм, достигая вершин товарного производства, создаёт *обобщественное производство* и уже поэтому «не может мириться с беспорядочным, чисто индивидуалистическим распределением и потреблением: таким образом, капитализм объективно выдвигает народно-хозяйственные принципы, отрицающие его частнохозяйственную основу»⁵³. И *этому* тоже следует учиться у капитализма – его умению предвидеть начало зарождающихся тенденций и вовремя открывать социальные шлюзы для их благоприятного (с точки зрения интересов системы) развития. Правда, рассматривая возможность исторического преодоления капитализма другой организацией хозяйства, Струве, признавался, что «склонен задать еретический вопрос: будет ли “крушение” капиталистического общества в действительности означать победу социализма?»⁵⁴. На еретический вопрос Струве история не дала пока положительного ответа, но она подтвердила истинность исходного постулата, определившего направленность его эконо-

мических изысканий: *«Социальная победа достигается гораздо чаще постепенным ослаблением противоположностей, чем революционным подъёмом потенцированных противоречий»*⁵⁵.

Сегодня проект капитализации России, предложенный Струве, предстаёт как *универсальная модель модернизации*, обосновывающая движение общества по общему для человечества пути цивилизационного развития, предусматривающая право каждого народа на сохранение национального достоинства.

Глава 2. Капитализм без модернизации: Россия как сама по себе мир-экономика

В современной зарубежной социальной науке большое значение приобретает дискурс сопоставления понятий «капитализм» и «модернизация», «капитализм» и «современность» («modernity»). Некоторые исследователи (Ф.Джеймсон, Д.Харви) полагают, что модернизация является периодом в капиталистическом развитии, детищем капитализма, а на смену модернити приходит постмодернизм или постиндустриальное общество, работающее по все тем же капиталистическим принципам. Другие теоретики (Ю.Хабермас, П.Вагнер), напротив, концептуально различают капитализм и модернити, говорят о «второй» или «другой» современности, о неспособности капитализма завершить модернизационный проект⁵⁶. Отечественные исследователи В.Г.Федотова, В.А.Колпаков и Н.Н.Федотова анализируют трансформации глобального капитализма от первой либеральной современности XIX в. ко второй организованной современности XX в., а от нее к третьей современности XXI которую они называют новым Новым временем для незападных стран, осмысливая модернизацию как один из способов (наряду с глобализацией) формирования и распространения капитализма⁵⁷.

Капитализм под «стеклянным колпаком»

Социально-экономическую и региональную неодновременность развития России скорее всего можно объяснить, используя модель «стеклянного колпака» французского историка Ф.Броделя. Он отмечал, что капитализм на начальной стадии своего исторического развития создает неравномерный доступ к экономическим ресурсам, которые распределяются внутри «стеклянного колпака» – замкнутого в себе круга капиталистического производства. Преобладающая же часть экономики просто не входит в капиталистический сектор, являясь скорее «материальной жизнью» (внеэкономическими связями, реципрокацией, перераспределением, домохозяйствами, мелкими мануфактурами и т. д.) и рыночной экономикой. Материальная жизнь, таким образом, представляется

Броделю своего рода «гумусным слоем», из которого и прорастает рынок, действующий по законам конкуренции, цены, спроса и предложения. Используя модель «стеклянного колпака», Бродель описывает социально-экономические противоречия, которые он находит во Флоренции времен правления Лоренцо Великолепного, когда в ситуации депрессивной экономики покупались земли, возводились роскошные резиденции и монументы.

Для Броделя развитие городов является ключевым фактором модернизации, поскольку именно в них, по мнению историка, зарождается дух капитализма. С некоторыми оговорками можно сказать, что Москва и Санкт-Петербург демонстрируют сегодня во многом капиталистический характер развития, тогда как провинция живет в основном по правилам смешанной экономики, или внеэкономических отношений. Подтверждением тезиса о наличии большого внекапиталистического сектора материальной жизни в российской экономике является её *многоукладность* – наряду с современными отраслями значительное место занимают традиционные и архаичные отрасли. Многоукладный характер экономики определяет и специфику модернизации страны. Политолог Б.И.Макаренко выделяет три исторических пласта на территории России: *во-первых*, «*раннеиндустриальный*» (Северный Кавказ, Бурятия, Тува), где сохранились элементы традиционных укладов (аграрная перенаселенность, клановая организация общества, проблемы социальной сферы и т. д.). *Во-вторых*, территорию «*реиндустриализации*» (или «доиндустриализации»), включающую развитие традиционных отраслей (энергетика, железные дороги), а так же освоение новых месторождений и развитие нефтегазовой добывающей промышленности. *В-третьих*, территорию «*вторичной индустриализации*», в которой воспроизводится экономика экспортной ориентации и технологически развиваются те отрасли, где Россия сохранила свои конкурентные преимущества – нефтегазовую, атомную и оборонную промышленность и др.⁵⁸. Развитие России сочетает в себе «одновременность неодновременного», а потому её модернизация должна быть многовариантной, учитывающей разновременные и географически неравномерные уровни хозяйственной и социальной жизни.

Перуанский экономист Э. де Сото применил броделевскую модель для исследования стран Латинской Америки. По его мнению, «разбить стеклянный колпак» можно только путем создания пра-

новых институтов, позволяющим создать частную собственность, доступную бедным слоям. Для этого, по мнению экономиста, нужна политическая воля⁵⁹. Российская же элита, существующая внутри «стеклянного колпака», продолжает расширять сферу неформальной экономики и подавлять конкуренцию через использование административного ресурса, рейдерских захватов предприятий, коррупцию и т. д. Создавая «привилегированное общество потребления», правящая элита не осознает своей ответственности за судьбу основной части российского общества, остающейся за бортом капиталистических отношений. Российская олигархия закрыта в этом «стеклянном колпаке» и чувствует себя в нем весьма комфортно, монополизируя свое право на европейский, вполне капиталистический, стиль жизни. Она не заинтересована в модернизации экономики собственной страны и всю свою активность направляет на поддержание своей экономической монополии.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в России реализуется латиноамериканская модель «развития недоразвитости» («*development of underdevelopment*»)⁶⁰. Национальная элита заинтересована не столько в развитии, сколько в сохранении распределительного характера производства и удержании излишка, что мешает экономическому развитию и оставляет национальную экономику на периферийных позициях по отношению к развитым странам. Современной российской элите легче охранять и консервировать выгодную ей экономическую систему, чем предоставлять возможность мобильности потенциально активным группам. Такая система создает иллюзию развития и модернизации, способствуя «росту без развития» (В.Л.Иноземцев) или демонстрируя «перманентное состояние замедленного развития» (Д.Лэйн).

В схеме Броделя, в отличие от концепции Маркса, капиталисты не являются представителями класса буржуазии. По мнению историка, различные акторы экономической деятельности, – мелкие торговцы, купцы, промышленники, негоцианты, лавочники, ростовщики, крестьяне, – становятся предпринимателями и попадают под капиталистический «стеклянный колпак» в зависимости от успеха их предприятия.

Известный ученик Броделя, социолог И.Валлерстайн отмечает, что капиталистический мир возникает при помощи сознательных усилий феодального правящего класса (позиция, высказанная

ранее Й.Шумпетером и Б.Муром). То есть феодалы превратились в буржуазию, а не были ею побеждены (согласно концепции К.Маркса). В начале своего исторического пути капиталист представляется Валлерстайном как пуританин, которому жалко потратиться даже на Рождество. Позднее же любой капиталист стремится превратить прибыль в ренту, ведь цель многих «буржуа» – стать «аристократами». Капиталист не просто бесконечно накапливает капитал, он ещё хочет насладиться плодами этого накопления. Демон «феодального ленивца-аристократа», запертый в душе буржуа, вырывается на свет, поскольку буржуа стремится «жить красиво». Психология капитализма требует демонстрации богатства, и, следовательно, «показного потребления». Поэтому, заключает Валлерстайн, любой привилегированный субъект этого капиталистического мира стремится сменить статус предпринимателя на статус рантье, а никак не наоборот. Капиталисты не хотят быть «буржуа». Они непременно хотят быть «феодальными аристократами»⁶¹. Капиталист развивает свое хозяйство в рамках свободных экономических отношений, которые ещё не освоены «большинством», он представляет «меньшинство» феодального общества. Но вскоре он начинает монополизировать подвластную ему социальную реальность – монополизация рынка, монополия на власть и т. д. Уже в эпоху Возрождения купцы-банкиры практиковали сочетание банковского дела и торговли, становились крупными промышленниками. Постсоветский переход к рынку создает подобный «капитализм без капиталистов» (И.Селеньи). На базе советского «административного ресурса» («красные директора», представители номенклатуры, комсомола) в начале 1990-х гг. сформировалась характерная для архаического капитализма «бюрократическая буржуазия» – класс, занимающийся подражательством и посредничеством, ведущий торг за государственное перераспределение. В результате «номенклатурной приватизации» власть и собственность оказались в руках прежних бюрократов. Прочность института власти-собственности и сегодня является камнем преткновения на пути к рыночной экономике. Это и объясняет то, почему в России, сегодня имеющей собственников, за последние двадцать лет так и не сформировался класс собственников, заинтересованный в модернизации страны. Не случайно, многие зарубежные исследователи, анализируя экономику России, говорят о «великой

инволюции» или «переходе без трансформации» (М.Буравой), о «пиратизации России» (М.Голдман), о «неопатримониальном капитализме» (М.Гарселон).

Низкий уровень социального и человеческого капитала в России (и его основных компонентов – доверия, ответственности, участия, терпимости, солидарности) явно препятствует инновационному развитию страны. В этическом смысле российский предприниматель пока не превращается в «экономического человека» или, говоря словами Адама Смита, «разумного эгоиста», сочетающего эгоистическую природу с альтруистическими чувствами, которые на практике способствуют не только индивидуальной наживе, но и приводят к общественной выгоде. Налицо нарастание тенденции *социального цинизма* у экономически активных россиян. Многие бизнесмены становятся уверенными в том, что окружены враждебными бюрократическими институтами, а потому считают бесполезным служить благу общества, применяют полулегальные и неформальные практики в своем собственном бизнесе – невыполнение трудовых договоров, черная бухгалтерия, бегство от налогов и т. д.

В социально-экономической политике российское государство практически использует модель «стеклянного колпака», применяя на практике диспропорциональное распределение национального дохода между бедными и богатыми. С одной стороны, государство ориентируется на большинство граждан с низкими доходами (бюджетники, рядовые военнослужащие, работники сельского хозяйства, пенсионеры) и поддерживает у них ощущения стабильности нынешнего политического курса. Власть использует «консерватизм бедных», тоскующих по советскому прошлому, не заинтересованных в результатах модернизации и обеспокоенных проблемами собственного выживания. С другой стороны, государство поддерживает тот небольшой процент капиталистов, которые играют по установленным властью правилам.

Такая ситуация социальной дезинтеграции и разобщенности вполне устраивает бюрократическую буржуазию, ведь мобилизация заинтересованных в модернизации слоев будет означать усиление их притязаний на участие в политике. Очевидно, что без модернизации политической системы сегодня невозможно говорить о модернизации экономики. Перед государством и обществом

стоит непростая задача попытаться осуществить экономическую модернизацию не за счет демократии, а с ее помощью, на основе рыночной и политической конкуренции.

В условиях слабости конкурентной рыночной экономики в России не происходит продуктивного взаимодействия между рынком и капитализмом. Российский капитализм не взаимодействует «по вертикали» с нижними этажами – рынком и материальной жизнью (которые Бродель считал существующими и до капитализма. – *Отв. ред.*), он лишь осуществляет «горизонтальное» взаимодействие с государством (административной системой), находящимся на вершине социально-экономической пирамиды. Формы хозяйственных отношений (материальная жизнь и рынок) не способствуют формированию капитализма (по логике Броделя), а скорее создают способы социально-экономического отчуждения большей части российского общества от капиталистической трансформации. Можно заключить, что многие постсоветские экономические институты (домохозяйства, фирмы, предприятия, монополии и т. д.) до сих пор демонстрируют *нерыночное* (семейное, клановое, административное и т. д.) *приспособление к капитализму*.

Данная специфика российской экономики резко отличает её от китайского варианта модернизации. В Китае, в отличие от России, в рамках сохраняющейся социалистической системы активно развиваются рыночные отношения без трансформации в капитализм. Последователь Броделя, известный социолог Дж.Арриги назвал такой феномен китайской модернизации «*некапиталистическим рыночным развитием*»⁶². В России же, напротив, рыночная экономика зажата монополией государственно-олигархического капитализма, который продолжает развиваться внутри броделевского «стеклянного колпака». Можно сказать, что у нас реализуется модель «*нерыночного капитализма*», характерная для ранних форм капиталистических отношений и стран с развивающейся экономикой. Такой «капитализм под стеклянным колпаком», «капитализм вверх ногами», замкнутый на самом себе (монополизм, «право сильного», неформальная экономика), не способствует созданию правовых регуляторов, рыночной и политической конкуренции, тормозя тем самым проект модернизации страны в целом.

Россия как сама по себе мир-экономика: история и современность

Имеющиеся концепции российского развития не позволяют объективно интерпретировать процессы российской модернизации, учитывая не только ее эндогенные (внутренние) факторы, но и экзогенные (внешние) глобальные условия. Нам представляется особенно актуальным обратиться к концепциям, использующим принципы мир-системного анализа.

Ф.Бродель определял Россию как «долгое время саму по себе мир-экономику»⁶³, отмечая, что Россия до XVIII в. имела тенденцию организовываться в стороне от Европы как самостоятельная мир-экономика со своей собственной сетью связей. Торговые связи с Югом и Востоком были по объему большими, чем с Европой. В то время, как Запад требовал от России лишь сырьё и снабжал её предметами роскоши и чеканной монетой, Восток покупал у неё готовые изделия, поставлял ей красящие вещества, полезные её промышленности, снабжал Россию предметами роскоши, но также и тканями по низкой цене, шелком и хлопком⁶⁴. Причинами российской «квазиавтономии» в разгар развития капитализма на Западе (в XVI–XVIII вв.), по мнению Броделя, была не отрезанность её от Европы, а внутренние факторы развития самой страны: недостаточная плотность населения, обширные территории, «многотрудное и без конца возобновляющееся установление её внутреннего равновесия»⁶⁵, всемогущество государства (например, рынок хорошо функционировал в национальном масштабе, но на экспорт зерна требовалось разрешение царя, а потому процветала контрабандная торговля), ужесточение крепостничества, незначительная роль городов (за исключением крупных торговых портов и столиц) и др.

Бродель отмечает, что в России феодальный строй закрепился именно тогда, когда на Западе он уже начал разрушаться. В период с XV по XX в. европеизация страны усилилась, но затрагивала при этом лишь небольшую часть населения: дворянство, крупных землевладельцев, интеллигенцию, политиков. Развитие торговли с Западом превращало землевладельцев России в производителей зерна и торговцев, не развивало промышленность. Следствием этого стало закрепощение крестьян, которое, как полагает Бродель, не

было в полном смысле отменено в 1861 г. и во многом явилось причиной революции 1917 г. Но и после революции в результате последовавшей за ней коллективизации «в России крестьянин так и не получил долговременного статуса полноценного землевладельца»⁶⁶. По мнению Броделя, в Советском Союзе сложился социализм авторитарного типа или, в терминологии К. Маркса, «казарменный социализм». Строительство социализма в России Бродель называет «драмой слаборазвитости», это был «выбранный государством способ быстрого, невзирая на человеческие жертвы, прохождения этапов промышленного развития в отсталой аграрной стране»⁶⁷. Бродель отмечает противоречивую двойственность российской модернизации: «современность перед лицом Европы и реакционное Средневековье внутри страны»⁶⁸. Все эти исторические тенденции обусловили сырьевой характер российской экономики по отношению к Западу, обеспечив России вместе с тем возможность осуществить частичную модернизацию.

Глава 3. Какая модернизация и какой капитализм нужны России?

Что объясняет и чего не объясняет в России концепция Броделя?

Бродель пытался построить концепцию капитализма и перехода к нему применительно к средиземноморскому первому очагу капиталистической экономики, и многие аналогии являются своего рода аллюзиями, *поскольку российский капитализм вдохновлялся, в отличие Средиземноморского, выращивающего себя на уже имеющемся рынке, ремесленничестве и пр., либеральной доктриной, в России практически отождествившей капитализм с рынком.* Для лучшего понимания уже сказанного в первой главе этой книги отметим, что теория капитализма Броделя строится на основе *различения материальной и экономической жизни: «Между “материальной жизнью”... и экономической жизнью располагается поверхность их контакта... контакт материализуется в тысячах неприметных точек – рынках, ремесленных мастерских, лавках... Такие точки суть одновременно и точки разрыва: по одну сторону лежит экономическая жизнь с ее обменами, деньгами, с ее узловыми точками и средствами более высокого уровня – торговыми городами, биржами и ярмарками, по другую – “материальная жизнь”, “неэкономика”, живущая под знаком неотвязно ее преследующей самодостаточности. Экономика начинается с порогового уровня меновой стоимости»*⁶⁹. Бродель показывает, что экономике в конкретном обществе надо рассматривать как целостную иерархическую структуру, каждый из слоев которой прорастает друг в друга: «нижний “этаж” “не-экономики”, своего рода гумусный слой, где вырастают корни рынка, не пронизывая, однако, всей его массы. Этот нижний “этаж” остается огромным. Выше него, в зоне по преимуществу рыночной экономики, множились горизонтальные связи между разными рынками; некий автоматизм обычно соединял там спрос, предложение и цену. Наконец, рядом с этим слоем или, вернее, над ним зона “противорынка” представляла царство изворотливости и права сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу как вчера, так и сегодня,

как до промышленной революции, так и после нее»⁷⁰. Примечательным в позиции Броделя является признание рынка необходимым, но недостаточным условием формирования капитализма. Он восхищается рынками, ярмарками всех эпох, но *капитализм – это система властвования и создания монопольных ограничений, включающая рынок, но и противостоящая ему*. В полном соответствии с этим мы видим, что в российских условиях призыв к либеральной экономической политике обернулся монопольной и государственно-монополистической политикой бывших неоллибералов, что доказало невозможность или по крайней мере чрезвычайные трудности капитализма, взявшегося «ниоткуда». Это понимание имеет отношение к сегодняшней России. Самому распространению рынка должны способствовать некоторые факторы – географические, демографические, сельскохозяйственные, промышленные, торговые. Рыночная экономика везде одинакова, везде основа любого общества, считает Бродель. Но она – необходимое, но недостаточное условие капиталистического развития. В России к моменту ее либеральной трансформации, представлявшейся как модернизация, *в 1990-е, годы практически отсутствовал развитый гумусный слой, который является, по Броделю, предпосылкой капитализма, – действующие семейные хозяйства, надомные работники, мелкие хозяйства, с несколькими работниками, мелкие мануфактуры и частные предприятия и пр. вплоть до промышленных предприятий среднего и крупного размера, ставших новым явлением в производстве с XVIII в.* Гумусный слой – не только предпосылка капитализма, но и то, что монополия капитализма стремится подавить. *Однако, когда гумусный слой мал, капитализм в большей мере произрастает на месте, оставшемся от социалистической общественной собственности и государственного регулирования, он возникает в качестве нового «противорынка», «царства изворотливости и права сильного», что и произошло в России 1990-х.* Понять это Бродель помогает нам методологически, но не в плане полной аналогии со средиземноморским очагом капитализма. Как вся экономика в обществе не может быть сводима к одному промышленному слою, хотя и непрерывно разрастающемуся и занимающему доминирующее в развитых странах положение, так и рынок не является определяющим для понимания экономической жизни

ни, поскольку «он не представляет ни совокупности всей экономической деятельности, ни даже строго определенной стадии ее эволюции»⁷¹. Для Броделя экономическая жизнь сращена со структурами повседневности. В современных обществах экономика также не ограничивается только производством, она распределена среди многих сфер, имеет в том числе и упомянутый гумусный слой. В России этот гумусный слой сегодня огромен. Возник теперь и собственник, которого не было в 1990-ые годы. И сегодня полное представление о хозяйственно-экономической жизни общества может быть получено только с учетом многообразия ее проявлений. Возникновение капитализма на Западе рассматривалось многими как рационализация, обуздывающая страсти постфеодальной эпохи после выхода из Средневековья, когда жизнь по правилам перестала существовать. Кипение страстей было таким, что современники не верили в возможность выкарабкаться из хаоса, подобно тому, как слабо верили в это люди в России после Великой Октябрьской революции и в революционные («Иного не дано») 1990-е г. Как только капитализм укрепился после Средневековья, наступила эпоха «расколдовывания» (М.Вебера), «прогрессивного разложения магического взгляда на мир»⁷². Это пугало и разочаровывало отсутствием «страстного притяжения» (Ш.Фурье), наступившим «отчуждением» (К.Маркс), «подавлением либидо» (З.Фрейд). «Во всех этих эксплицитных и имплицитных критических выпадах в адрес капитализма есть лишь очень смутное осознание того факта, – пишет выдающийся американский экономист А.О.Хиршман, – что прежняя эпоха, мир “целостной человеческой личности”, насыщенный страстями, казался его современникам угрозой, требовавшей максимально быстрого устранения»⁷³. Россия пережила множество страстей в своей истории. Революционные страсти Октябрьской революции начали изживаться после Великой отечественной войны и окончательно исчезли в 1960-ые годы, не произведя особой рационализации. «Вечно бабье», приписываемое России в публицистике, «выиграло» новыми *страстями в эпоху перехода к капитализму вместо того «усмиряющего начала» рационализации, которые приобретали с помощью капитализма народы Западной Европы: возобладали не экономические интересы, а страсти*. Русским присуща чрезвычайно активная рефлексия, бросающая их от самовозвеличения к само-

уничижению и обратно. Это – творческая черта, которая однако противостоит рационализации. Культура народа оказалась фундаментально значимой в процессах модернизации XXI в., взявших за основу своего развития в 1990-е гг. догоняющую Запад модель модернизации и переход к капитализму.

Бродель впервые ввел понятие «мир-экономика» или, «миро-экономика» и «историческая долговременность» путем обобщения географически-временных особенностей Средиземноморья как специфического мира раннего Нового времени. Он уточнил использование таких понятий, как «рынок», «капитализм», «разные скорости развития», «цивилизация», «ядро – периферия». Он предпочитал говорить не об обществах, а о социоэкономиках – «одни – с рабством, другие – с сервами и сеньорами, третьи – с деловыми людьми и предкапиталистами»⁷⁴, четвертые – с капиталистами, если продолжить его логику. Бродель разделял взгляды Маркса, что владение средствами производства, землей, судами, станками и пр. дает преимущества в преобладании над людьми, которые этого не имеют. Но отношений общества и экономики для развития капитализма было недостаточно. Здесь большую роль играло государство.

С чего же начинается капитализм согласно Броделю? Над «материальной жизнью» – первым этажом – надстраивается, говорит Бродель, – второй этаж – экономика, а над ним третий этаж – капитализм. Он отмечает, что термин «капитализм» появляется достаточно поздно, в начале XX в., но время рождения явления, которое он описывает, 1400–1800 гг. Капитализм – это не только экономика, но все то, что сопутствует ее становлению и окружает ее – Столетняя война, Возрождение, гуманизм, Реформация и пр. *Таких предпосылок в западных странах не было. А именно они сделали модернизацию Запада – его переход к современности естественноисторическим процессом, чего не произошло в России и требовало модернизационного проекта.* Бродель анализирует этимологию терминов «капитал», «капиталист», «капитализм», их историческое употребление и сосредотачивается на современных значениях, в которых не просто что-то осмыслено по-новому, но хранится история происхождения изучаемого явления. Он ссылается на русского консула во Франции в период итальянской кампании Бонапарта, сказавшего, что Франция «ведет войну своим

капиталом», а ее враги «своим доходом». «...В этом ярком суждении слово *капитал*, – говорит Бродель, – означает национальное достояние, богатство нации. Это уже более не традиционное слово для обозначения суммы денег, размеров долга, займа или торгового фонда... Заменить его понятием производительных денег, трудовой стоимости – на это потребуется много времени»⁷⁵. Слово «капитал» постепенно приближается к тому смыслу, который придал ему К.Маркс, трактуя его как средство производства, отмечает Бродель. Слово «капиталист», считает Бродель, было употреблено в Голландии XVII в. и чаще использовалось в качестве прилагательного «капиталистический». Первоначально это было обозначение людей, обладавших деньгами, затем не просто имеющих их, но оперирующих ими и предоставляющих средства. Во время Великой Французской революции призывали к расправе не только над дворянской аристократией, но и над аристократией капиталистической. Капиталист еще не рассматривался как предприниматель, как он стал пониматься позже, а просто как носитель богатства. Сегодня установлено, термин «капитализм» появился позже, чем «капитал», «капиталистический», «капиталист». Слово «капитализм» было введено в научный оборот В.Зомбартом в работе «Современный капитализм», вышедшей в Германии в 1902 г. и появившейся в России в двух томах в 1903–1905 гг. В отличие от Маркса, который считал капиталистическое общество явлением, зарождающимся в XVI в. в городах Италии, а капитал и зрелый капитализм – порождением индустриального производства XIX в., Бродель пишет, «что капитализм прошлого (в отличие от капитализма сегодняшнего) занимал лишь узкую площадку в экономической жизни... Но тем не менее он был некоторым миром в себе, отличающимся от всей окружающей его глобальной социальной и экономической обстановки, даже чуждым ей. И именно по отношению к этой последней он и определялся как “капитализм”, а не только по отношению к новым капиталистическим формам, которые появятся позднее. На самом деле тем, чем он был, он был только относительно огромных размеров *некапитализма*. И отказываться признавать эту дихотомию экономики прошлого под тем предлогом, будто бы “истинный” капитализм датируется XIX в. – значит отказываться понимать смысл того, что можно было бы назвать старинной топологией капитализма... Если капитализм и

обосновывался в каких-то местах по собственному выбору, а не по недосмотру, так это и в самом деле происходило потому, что *эти места были единственно благоприятны для воспроизводства капитала*»⁷⁶. Это методологически важное замечание ориентировало нас в анализе генезиса и эволюции капитализма, в частности новых капитализмов в Азии, в посткоммунистических странах и в России, *где капитализм некоторых сегментов хозяйственной системы не сделал ни ее в целом, ни общество капиталистическими*. Капитализм возникает лишь при поддержке обществом предкапиталистических генеалогических линий, обеспечивающих постоянное накопление: «Фактически должны были вмешиваться тысячи факторов, в гораздо большей степени политических и... “исторических”, экономических и социальных»⁷⁷. *Отсутствие такого «вмешательства», т. е. многих предпосылок капитализма влияет на характер российского посткоммунистического общества, где капитализм на самом деле выделяется только в море некапиталистических отношений*. Бродель не считает, что всеми капиталистами движет стремление к максимизации прибыли. Капиталисты – это люди, и мотивы их различны. И расчетливый и неосторожный могут сделать состояние. Эти аргументы ведут Броделя к следующему заключению: «... Я вовсе не считаю, что в капитализме все материально. Или все социально, или все есть общественное отношение. Вне сомнения остается... одно: он не мог выйти из одного сугубо ограниченного истока. Свое слово сказала здесь экономика; свое слово – политика; свое слово – общество; свое слово сказали и культура, и цивилизация. А также и история, которая зачастую была последней инстанцией, определяющей соотношение сил»⁷⁸. Понимание многофакторности генезиса капитализма, имевшее место и у В.Зомбарта, было усилено Броделем вплоть до отказа от генерализаций. В противоположность Зомбарту он считал, что государство не всегда могло воспользоваться своими возможностями и часто было вынуждено обращаться к услугам аристократии, а затем капиталистов, что мы можем заметить в отношении последних и в сегодняшней России. Бродель ставит вопрос о влиянии культур и цивилизаций на восприимчивость капитализма, сегодня практически ключевой: «Всякий раз, когда в обществе обнаруживаются тенденции к появлению трещин и провалов (а капитализм вносит их в докапиталистические традиционные общества. – Авт.) вез-

десущая культура заполняет или по меньшей мере маскирует их, окончательно замыкая нас в рамках наших повседневных задач... Цивилизация, особо старая, враждебна инновации. Следовательно, она будет говорить “нет” рынку, “нет” капиталу, “нет” прибыли... Европейская цивилизация оказалась вовлеченной в постоянный конфликт, разрывающий ее на части. И тогда ей пришлось без особой радости дать новому зеленый свет. И этот опыт – не только опыт Запада»⁷⁹.

Мы видим, таким образом, что генезис капитализма не прекратился, а генезис западного капитализма имеет многообразие трактовок, в которых сменяются точки зрения, ракурсы интерпретации, высвечивая те или другие стороны процесса. Возникают новые страны, вставшие на путь капитализма. Государственная власть и финансовый капитал нашли поддержку друг в друге, что привело, в конечном счете, к возвышению капитализма в той форме, в которой он возник в Европе, и к трансформации государственных экономик в глобальный капитализм. Бродель подчеркивал: «Если интересы государства и интересы национальной экономики в ее целостности часто совпадали... то капитализм всегда находился в том секторе экономики, который обнаруживал тенденцию включиться в самые оживленные и самые доходные потоки международных дел»⁸⁰. Можно подчеркнуть не столько конкурентность и альтернативность трактовок, сколько их взаимодополнительность и смещение в сторону большего интереса к незападным странам, к роли культуры этих стран, их большей или меньшей склонности к выработке предпосылок капитализма. Сам же капитализм для Броделя – это способ накопления богатства и власти. Бродель тем не менее обращает внимание на важнейшее качество капитализма – его природную гибкость, изменчивость и адаптацию к существующим условиям: «Подчеркнем еще раз это важнейшее для общей истории капитализма качество: его испытанную гибкость, его способность к трансформации и *адаптации*. Если, как я полагаю, существует определенное единство капитализма от Италии XIII в. до сегодняшнего Запада, то как раз здесь его следует помещать и наблюдать в первую очередь... В масштабах глобальной экономики следует остерегаться упрощенного изображения такого капитализма, который будто бы прошел в своем росте последовательные этапы от стадии к стадии, от торговли к

финансовым операциям и промышленности, т. е. к стадии зрелости, стадии индустриальной, единственно соответствующей “подлинному” капитализму. В так называемой торговой фазе, как и в фазе, именуемой промышленной, – термины эти, и тот и другой, покрывают большое разнообразие форм, – капитализм отличала (и это главнейшая его характеристика) способность почти мгновенно переходить от одной формы к другой, из одного сектора в другой в случаях серьезного кризиса или резко выраженного понижения нормы прибыли»⁸¹. Сегодняшняя эпоха формирования новых капитализмов в Азии и в посткоммунистических странах пока не позволяет сделать общие выводы о путях перехода к капитализму и характеристике его стадий, причем это возможно и «не пока», а вообще, поскольку *генерализующая схема становления капитализма при влиянии различных культур на модернизацию не работает и требует конкретно-научных исторических, культурологических, экономических, психологических и социологических исследований*. Убедившись в достаточной эвристичности понимания капитализма Ф.Броделем для анализа некоторых российских особенностей формирования капитализма посредством модернизации постсоветского пространства, рассмотрим другие модели.

Модель эксполлярной экономики.

Экономика и демократия в проекте модернизации России

О влиянии неформальной экономики на процессы в обществе можно было задуматься и при рассмотрении концепции Броделя, поскольку идея «ядра – периферии» отчетливо указывала на принадлежность России к последней, а значит в ней постоянно присутствует гибридизация традиционных и более поздних укладов, многоукладность и неформальность. Под неформальной экономикой понимают «деятельность экономических агентов, не регулируемая законами и контрактами, не облагаемая налогами и не фиксируемая статистикой. Рассматриваются экономические практики как нарушающие законы, так и не подпадающие под их регулирование»⁸². Книга на эту тему появилась в 1999 г., когда эта неформальность отождествлялась в большей мере с криминальностью, сочеталась с понятиями о «серой» или «маргинальной

экономике» и характеризовалась ориентацией на выживание, на максимизацию занятости, а не прибыли, на множество способов заработать, на трудоемкие работы на нерегулируемых рынках, незащищенном договорами характере труда, домохозяйствах, соседских и родственных связях, интеграции легальных, нелегальных и криминальных видов деятельности и пр.⁸³.

Московский экономический форум, который состоялся 20–21 марта 2013 г., привлек внимание общественности интересными обсуждениями многих проблем социально-экономического развития России. В изданном при подготовке форума документе «Экономика человека» отмечалось, что «наша страна едва приближается по производственным показателям к отметке РСФСР образца 1991 года»⁸⁴, а экономика превращается в экономику периферийного типа, которая все в больших масштабах воспроизводит такие негативные социальные явления, как бедность и нищету. Тем самым успешное развитие рыночной экономики и улучшение институтов демократии ставятся под вопрос. Однако присутствующий в документе диагноз, что все дело в «неолиберальной модели», положенной в основу экономического развития, представляется нам несколько упрощенным, тем более, что, как мы заметили выше, неолиберализм трансформировался в идеологию монополистического или государственно-монополитического капитализма. Неолиберализм 1990-х, сводивший капитализм к рынку, существует в виде остатков политического неолиберализма. В целом в мировой экономике полемика между сторонниками либерализации экономики и ее противниками никогда не прекращалась как между левыми и правыми партиями, так и между либеральными и консервативными подходами. Для иллюстрации этого факта достаточно упомянуть недавно и одновременно изданные у нас книги американских ученых – политолога Дж. Фридмена и экономиста В.Крауса «Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования» и известного эксперта в области экономического развития Р.Андерсона «Просто не стой на пути: Как государство может помочь бизнесу в бедных странах», авторы которых придерживаются диаметрально противоположных позиций⁸⁵. В российском понимании политики и экономики сложилась устойчивая модель полюсов. В аналитическом плане ситуация свидетельствует лишь о теоретической неадекватности «комплексной

модели полюсов», как ее называет Т.Шанин: «Эта аналитическая модель политической экономии предполагает два типологических полюса или “идеальных типа”: с одной стороны, полностью огосударствленная “тоталитарная” экономика, управляемая согласно директивному плану, и с другой – полностью капиталистический “свободный рынок”. Реальные общества помещаются между этими полюсами»⁸⁶. На протяжении XX в. не прекращался идеологический спор между двумя системами капиталистической и социалистической – воплощавших идеи противоположных подходов к организации экономической жизни. Но после коллапса фундаментализма государственной плановой экономики победа перешла к рыночному фундаментализму, который мы постоянно пытаемся адаптировать к реалиям постперестроечной России и не только теоретически использовать, но и воплотить практически. Отметим, что рыночный фундаментализм в отношении западных экономик не подвергал сомнению значимость рынка, но при этом речь все же шла и идет об *определении оптимальной роли государства* в регулировании экономики, о наличии капитализма, а не только рынка.

В экономиках западного типа после теоретических работ Дж. Кейнса, и практической реализации их идей Ф.Д.Рузвельтом постоянно можно наблюдать «умное» регулирование со стороны правительств. По своей сути любая современная западная рыночная экономика в этом смысле является смешанной, а неолиберальная идеология – лишь вуаль для незримого присутствия государства в ней⁸⁷. В XX в. жесткое государственное регулирование «рыночной Америки» ассоциируется с именем Ф.Д.Рузвельта, с именем нобелевского лауреата Дж.Тобина. Противостоящая Тобину позиция другого нобелевского лауреата либерала М.Фридмана, рейганомика и не менее жесткая приватизация и «разгосударствление» в «рыночной Англии» – с именем недавно ушедшей М.Тэтчер. Поэтому реальная политика в капиталистических странах находится в постоянном поиске оптимального соотношения рынка и государства. «Зарегулированность» рынка тормозит экономику, но и свободный полет рыночных стихий порождает кризисы и диспропорции – все это очевидно и многократно описано. Двухпартийная система США ориентирована на маятниковое решение в отношении ослабевающей социальной справедливости, приводящей к власти демократов, признающих государственное регулирование, и не-

достаточную эффективность производства, которую исправляют победившие республиканцы, либералы, отпускающие экономику в свободное плавание. Но здесь нам важны не столько реальные процессы, а адекватность наших аналитических инструментов этим процессам. Западные страны дают богатый материал для идеализаций типа «рыночное капиталистическое государство», но насколько эти идеальные модели адекватны нашим реалиям, это вопрос другого порядка. Рыночный фундаментализм, как и «неолиберальная модель» развития для незападных стран сегодня достаточно сильно дискредитированы, поскольку «больше рынка» уже не конвертируется в «больше здоровых социальных отношений». Требуются другие аналитические подходы, помимо «комплексной модели полюсов».

Т.Шанин одним из первых предложил не ограничиваться «моделью полюсов», когда речь идет о целом классе новых явлений – об экономиках переходного типа, которые самым разнообразным и самым творческим способом используют идеи рынка и рыночного хозяйства как инструмент построения современных обществ. Шанин обратил внимание на появившиеся в 1980-е гг. новые классификации экономик, такие как «неформальная экономика» и «эксполярные структуры»⁸⁸. Его идея состояла в том, что переходные экономики отличаются большой вариативностью. «Отсюда – трудности концептуализации, тем более, что они также не укладываются полностью ни в одну из имеющихся академических дисциплин (хотя затрагивают многие). Отсюда – недостаточное развитие методологии ... исследования... Используемая наряду с “неформальной экономикой” концепция “неформального экономического сектора” сыграла также свою положительную роль в определении явления, которое не учитывалось в моделях, объясняющих современную экономику»⁸⁹. После исследований коллектива авторов под руководством Шанина, появилось множество работ, которые подтвердили методологическую состоятельность концепции «неформальной экономики». Анализ современного состояния этой проблемы, представленный, например в работе С.Ю.Барсуковой, показывает, что сегодня неформальная экономика обнаруживает свое присутствие не только в странах бывшего третьего или второго мира, являясь «равноправной составляющей их экономического развития», но и в классических рыночных экономиках Запада, таких как США

или Германия⁹⁰. Возможно, наличие или даже «расползание» неформального сектора в российской экономике, является не просто эмпирическим фактом для новой концептуальной парадигмы, но позволит по-новому осмыслить целый спектр проблем не только экономического, но и социального и культурно-антропологического порядка⁹¹.

Барсукова в своей работе приходит к довольно пессимистическому выводу: «Что касается современной России то, несмотря на явные признаки индустриальной деградации последнего десятилетия, вряд ли можно отрицать ее высокий промышленный потенциал и научно-технические возможности. Это касается таких важнейших отраслей, как авиационная промышленность, космические разработки, уцелевшие от конверсии сегменты ВПК и т. д. Нисходящая индустриальная состоятельность страны еще не перешла границы, за которой начинается отсчет индустриальной несостоятельности. Вместе с тем, масштабы неформальной экономики в России таковы, что теневизация давно перешагнула границы материального, поглотив социально-культурные нормы и поведенческие ориентации во всех сферах российского общества. Произошел переход от теневой экономики к теневому обществу, материально-технические основания которого по-прежнему защищены результатом индустриального рывка прошлых десятилетий. Таким образом, эмпирические факты противоречат версии исключительной ответственности экономической неразвитости, стагнации и индустриальной несостоятельности в развитии неформальной экономики»⁹². Неформальная экономика понимается сегодня как часть экономической жизни общества, а не как экзотическое явление, примеры которому нужно искать в далекой Африке. Экономисты и социологи обнаруживают ее присутствие в экономике *любого типа*, в том числе и в высокоразвитых Западных странах. Россия в этом смысле не исключение, но причина «расползания» неформального сектора здесь иная, чем в странах третьего мира. «Именно маргинализация значительной части российского общества как печальный итог либерального реформирования создала социальную базу современного неформального сектора России»⁹³.

Однако, на наш взгляд, за время между 1990-ми и 2013 г. произошли большие изменения, которые позволяют отделить теневую и криминальную экономику, «серые» и другие ее непрозрачные

сферы от того, что произошло за это время модернизации и развития по несоциалистическому пути – эксплоярность экономики, невозможность вместить ее в обозначенные полюса государственного регулирования или рынка. Экономику России и сейчас называют капиталистической не просто потому, что у нас есть капиталисты и капиталистические предприятия, рынок, а скорее потому, что она отрицает социалистическую форму хозяйствования. Социализм у нас строился как антикапитализм, капитализм формируется как антисоциализм с неолиберальной риторикой при наличии капиталистических монополий. Все, что находится за пределами монополий и государственного регулирования, и есть неформальная экономика.

Что же дает концепция эксплоярных структур и неформальной экономики сегодня? Если любая экономика содержит неформальную часть, то эксплоярность становится нормой, а не аномалией. Ровно к такому выводу приходит известный американский социолог, Президент Международной социологической ассоциации, М.Буравой, который пишет: «...»неформальная экономика» не совершила концептуального чуда. Пусть и эксплоярная, она все-таки имеет дело с классификациями экономик, а не с экономическими процессами»⁹⁴. Этот вывод основан на анализе западных моделей перехода от государственного социализма к капитализму. Он выделяет четыре таких модели.

1. *Тоталитарная модель* присутствует в работах тех ученых, которые считают, что Советский Союз являлся «тоталитарной страной, в которой нет “общества”, а партийное государство является всем. Когда партийное государство терпит крах, рушится весь строй»⁹⁵. В этой модели общество поглощено государством, вследствие чего нет ничего неформального, наличие которого противоречило бы идее диктатуры власти. Крах диктатуры поэтому оставляет после себя груду обломков социальности.

2. *Неолиберальная модель* или «рыночный путь в рыночную экономику»⁹⁶ как раз предполагала, что капитализм должен и может строиться с нуля. Поэтому ее сторонники были за «шоковую терапию», которая должна была очистить место рыночным отношениям. Неформальное в этой модели ассоциировалось с традицией, с культурой, с советским стилем управления, все это должно было отмереть по мере продвижения к рыночному обществу.

3. *Эволюционные модели* перехода к капитализму предлагались в основном сторонниками институционального направления в экономической мысли. Они призывали к тому, «чтобы выращивать семена рыночной экономики, а не разрушать с одержимостью все оставшееся от прошлого»⁹⁷. В этой модели неформальная экономика, встроенная в структуры командной государственной, и есть протокапитализм, который требуется наращивать и выращивать. Образцом здесь является Китай и его идея постепенных реформ в построении «рыночного социализма».

4. *Модели наследия* также ориентируются на капиталистическое будущее, но в их рамках выдвигается идея «неслучайного пути», который предопределен институциональным прошлым. Особенность этой модели в том, что ее сторонники придерживаются позиции, согласно которой «ни иерархия, ни рынок не могут нам помочь в понимании нового порядка, который представляет собой нечто иное, названное ими “сетью”». Можно сказать, что неформальная экономика, выросшая в недрах государственного социализма, разорвала свою защитную оболочку и прошествовала на международную арену»⁹⁸.

По мнению М.Буравого, эти модели не позволяют учесть специфику тех изменений, которые происходят в России. Поэтому он предлагает концептуализировать *не только состояния, но и сами процессы трансформации и переходы, динамика которых в свою очередь изменчива*. Она не может рассматриваться только с опорой на прошлое или на будущее, а требует изучения их связи и динамику перехода. Буравой отмечает, что ни радикальные, ни реформаторские идеи не способны ответить на вопрос о падении одних секторов экономики, например, промышленности и подъеме других, например, банковского сектора. Игнорируется роль государства, хотя анализ рынков и электоральной демократии действительно характеризует сущность трансформаций России. Никто – ни экономисты, ни социологи не анализируют переходные динамики. Экономисты чаще всего выступают как апологеты капитализма, социологи соотносят настоящее с социалистическим прошлым⁹⁹. Это не совсем так сегодня. Есть критически настроенные по отношению к капитализму левые марксисты, что подтвердил Московский экономический форум и что в определенной мере характеризует самого М.Буравого. Российские и западные социологи и экономисты изучают переходные процессы в постсоветском обществе.

Изменение статуса эксплоярной неформальной экономики и подтверждение ее существования в развитых странах очень важно для отделения ее от теневых и криминальных форм, для понимания неформальной экономики как нижних этажей экономической системы, следуя терминологии Броделя, – материальной жизни, «неэкономики», гумусного слоя, и только затем экономики как рынка и только потом капитализма. А если последовать аналогии с тем, что переход от феодализма к капитализму – это не только экономика, но все то, что сопутствует ее становлению и окружает ее – Столетняя война, Возрождение, гуманизм, Реформация и пр., можно сказать, что переход от социализма к капитализму в России – это не только и не столько экономика. Это – и падение революционной идеологии, и усталость от коммунистической риторики, и начавшееся с победой в Великой отечественной войне понимание, что за границей живут экономически лучше, обида за подъем побежденных и медленное развитие страны-победителя на уровне повседневности, несмотря на научно-технические достижения, XX съезд КПСС, и хрущевскую оттепель, и Брежневский «застой», а фактически – релаксация страны после всех турбулентных процессов XX в. – русско-японской и двух мировых войн, трех революций, возникающее стремление партийной номенклатуры конвертировать власть в деньги, неудавшееся осуществление исходного мотива М.С.Горбачева «больше демократии, больше социализма», остатки идеологии холодной войны, начавшийся процесс глобализации как мегатренда, превращение модернизации из мегатренда в локальные тренды в связи с переходом в третий модерн – новое Новое время для незападных стран, где произошел отказ от догоняющей модернизации, возникли новые ее концепции – освоение опыта Запада и незападных стран на собственной культурной основе. Воспользуемся оставшейся неопубликованной концепцией историка А.И.Уткина, что в истории действует два вида пафоса – пафос справедливости и пафос красоты, которые сменяют друг друга посредством обнаружения недостатков друг друга. Советский Союз характеризовал пафос справедливости, вскормленный революцией. Постсоветская Россия питалась пафосом красоты, возможности лучшей, спокойной, более богатой жизни, в которую сначала оказались готовы поверить миллионы. Этот маятник истории бросает народы то в одну,

то в другую стороны. Приведенная в предыдущей главе мысль В.С.Мартьянова об огромной «неодновременности» России дает возможность ответить на вопрос, поставленный в названии данной главы только как цели. Модернизация нам нужна, подобная Реформации – которая преобразит не только технико-экономическую сферу, но и общество в целом и приведет на историческую сцену нового героя эпохи постсоциалистического капитализма. Но и капитализм нам нужен не только эффективный-продуктивный, а прежде всего социально-справедливый, примеры которого на Западе не всегда обнаружишь.

Глава 4. Значение концепций К.Маркса и М.Вебера для понимания модернизации сегодня

Термин «модернизация» стал едва ли не самым употребительным научным термином во всем мире и особенно в России. Он приобрел весьма высокий «рейтинг» даже в повседневной речи. Безусловно, для этого имеются самые серьезные причины. Во-первых, это все более ускоряющиеся темпы осуществления научно-технической революции и значительное расширение ее не только географически-пространственных, но и практически-производственных границ. В ее орбиту втягиваются все новые народы и государства, а также все новые отрасли производства и сферы общения людей. Во-вторых, речь идет о повсеместном росте общественного самосознания, включающем те страны, этнические образования и гражданско-политические группировки, которые прежде либо вообще не существовали как самостоятельные субъекты общественной деятельности, либо их роль в этом качестве оставалась довольно скромной.

Наложение друг на друга этих двух характеристик действительно остро актуализирует гуманистическую проблематику, связанную с необходимостью, так или иначе, совершенствовать доставшиеся нам от прошлого системообразующие социальные константы, а также существующие в данный момент конкретные способы их реализации на практике. Осознанные планы создания или переустройства гражданского существования людей, общественных групп и целых народов; выверенные в научном знании перспективы культурного, экономического, технического и организационного развития тех или иных регионов, находящихся в рамках глобализационных процессов, стали более или менее возможными почти в самом конце XX столетия. И здесь важно разработанное М.Вебером понятие модернизации¹⁰⁰. Правда, сам он не имел в виду столь расширительной трактовки предложенной им концепции, которую мы иногда наблюдаем в сегодняшней научной литературе и еще чаще встречаем в средствах массовой информации.

Задачей ученого было осмыслить с социально-философской точки зрения вполне конкретные процессы, вызванные к жизни глубинными последствиями великих буржуазных революций в Европе в XVII–XVIII вв. Необходимо было проанализировать и

обобщить исторические причины (как материальные, так и духовные), приведшие к тому состоянию, которое переживал весь цивилизованный мир, переходя из девятнадцатого столетия в двадцатое. В связи с этим М.Вебер обратился к детальному изучению процесса, который продолжался несколько сот лет и получил название «модернизация». Суть этого понятия в соответствии с собственной интерпретацией его инициатора в итоге была осознана как окончательное расставание с феодальным режимом в странах Западной Европы и Северной Америки и их переход к буржуазному способу производства. При этом было объяснено принципиальное противостояние Запада и Востока в современном мире как обособленных друг от друга социоисторических образований, формирующих противоположную друг другу культурную, духовно-ценностную ориентацию.

К.Маркс уже обращался к исследованию капитализма – его генетики, закономерностей функционирования и вытекающих отсюда будущих возможностей его исторического существования. В «Капитале» он определил экономическую сущность современного ему капитализма, поместив в центр своего внимания прибавочную стоимость как гарантию самовозрастания капитала. Происхождение этого явления он связывал с уникальной способностью товара «рабочая сила», который представлен в буржуазном обществе пролетариатом в качестве класса, лишенного любых видов собственности, кроме рабочих рук. Но удивительная тайна товара «рабочая сила», приобретаемого в условиях наемного труда собственником средств производства, то есть капиталистом, в том и состоит, что именно рабочие руки пролетария способны произвести собственность, в несколько раз превышающую стоимость средств воспроизводства возможности трудиться, оплаченную в ходе найма. Опираясь на марксовы политические установки, вытекающие из чисто экономического анализа движения капитала и распространяя эти выводы на будущую историю развития капитализма вообще, адепты марксизма, особенно в России, объявили экономические выкладки своего учителя единственно возможными. На самом деле учение Маркса о генетике и перспективах развития капитализма вовсе не сводится к утверждению экономических схем объяснения социального прогресса. Экономика для него – лишь один, хотя и фундаментальный фактор, задающий вектор

этого процесса. В «Немецкой идеологии», в «Формах, предшествующих капиталистическому производству», в так называемых ранних рукописях и в других произведениях он дает многостороннюю картину общественной жизни, из которой следует, что сама по себе экономика не остается инвариантной как раз благодаря ее взаимодействию (всякий раз другому) с духовной, политической и пр. составляющими общественной жизни¹⁰¹. Что касается М.Вебера, то его интересовало капиталистическое производство не столько с экономической, сколько с социологической точки зрения. Новация веберовского подхода к рассмотрению капиталистического производства и общества заключается в том, что он открывает весьма важный, но отличный от марксистского ракурс видения буржуазного общества, который заключается в прослеживании специфики капиталистических общественных отношений через призму духовно-ценностных ориентаций их агентов. Определяя “дух капитализма”, Макс Вебер поясняет, что, «если вообще существует объект, применительно к которому данное определение может обрести какой-либо смысл, то это может быть только “исторический индивидуум”, то есть комплекс связей, существующих в исторической деятельности, которые мы в понятии объединяем в одно целое под углом зрения их культурных задач»¹⁰².

Чтобы понять, как возможно совмещение упомянутых выше выводов из разных подходов к одному и тому же предмету исследования, необходимо более подробно осветить методологические позиции этих двух крупнейших мыслителей нашей эпохи и найти в них точки духовного пространства, где «параллельные» пути изучения капитализма (в отличие от законов математики), пересекаясь, сходятся в едином фокусе. Решение этого вопроса и является главной задачей ближайшего рассмотрения.

В рукописях 1846–1848 гг. и в других ранних произведениях, представлявших собой методологические изыскания для подготовки «Капитала», Маркс связывает между собой особенности буржуазного производства и хозяйствования в целом с закономерностями исторического развития общественных отношений как таковых.

Философско-теоретической основой такой методологии является представление о последовательной смене в человеческой истории господствующего в обществе типа общения, социальной

связи, которая выступает всякий раз фундаментом формирования способов и средств культурного опыта. В связи с этим Маркс рассматривает три периода человеческой истории: добуржуазный (куда относятся и первобытное существование человека, и разные модификации рабовладельческой общины, и азиатский способ производства в его разных вариантах, и феодализм); собственно капиталистическое производство материальных и духовных ценностей со всеми его особенностями и формами развития; и, наконец, коммунистическая фаза общественного прогресса, реализация которой в мировом масштабе отождествляется с переходом от предыстории к собственно истории человечества. Первый период базируется на личной зависимости людей друг от друга в производстве (простая кооперация, натуральное хозяйство и др.) и в наследовании культурного опыта (от предков к потомкам, от мастера к ученикам и т. д.). Главным механизмом осуществления этого типа социальной связи является непосредственное общение и подражание готовому образцу, который транслируется из поколения в поколение. Фундаментом второго периода выступает вещная зависимость между участниками производственного процесса, когда отношения людей в производстве и в наследовании культуры опосредуются отношениями вещей (товаров, чаще всего в их денежном эквиваленте). Результатом оказывается отчуждение людей друг от друга, от общества, от природы, от творчества и т. п. Коммунистическая формация, по мнению классика, неизбежно вытеснит господство вещной зависимости и вернет общество к личной зависимости людей друг от друга. Но это будет зависимость принципиально иного рода, свободная от социального отчуждения, а значит, наполненная гуманистическим содержанием. Гарантию таких исторических превращений марксизм усматривает в том, что утверждению коммунизма предшествует научно-техническая революция, которая создает объективные предпосылки для обобществления средств производства и преобладания творческих функций.

Теоретико-содержательное значение этого в значительной мере утопического проекта сегодня деактуализируется. Но подобная методология помогает и в наше время искать реальные исторические перспективы социальных трансформаций. Именно сейчас появляются конкретные условия, а скорее, научно-технические предпосылки формирования условий, способных обобществить

производство для снятия многих форм отчуждения. В рамках рассматриваемой проблематики социальных изменений в ходе модернизационной трансформации общества указанные нами обстоятельства очень важны. Сравнение позиций Маркса и Вебера дает возможность понять не только и даже не столько их сходство или различие в историко-философском плане, сколько единство их методологических подходов к пониманию сущности того направления социального прогресса, которое в начале XXI в. мы называем модернизацией.

Занимаясь в ранних рукописях разработкой концептуального аппарата для осмысления социальной реальности вообще и современного ему мира в частности, Маркс проявляет себя (в отличие от его позиции в написанном позже «Капитале») как философ, который ориентирован на выявление ценностных (нравственных, политических и пр.) следствий открытых им объективных общесоциальных, социологических и экономических закономерностей. В известном смысле он оказывается при этом футурологом по преимуществу, хотя и погруженным в науку как источник материала для ценностного анализа. Позицию Вебера можно в определенном ракурсе рассматривать как прямо противоположную. Исходя из изучения ценностных установок современного ему европейского менталитета, он открывает объективные тенденции истории и результаты, к которым они привели цивилизацию на Западе и на Востоке¹⁰³. Его интерес состоит в том, чтобы понять, как случилось столь очевидное изменение цивилизационных характеристик мирового развития в конце XIX – начале XX в. Вебер – социолог, ученый, стремящийся искать истину, а не философ, обосновывающий те или иные ценности.

Предположив противоположность исследовательских ориентаций Маркса и Вебера, подчеркнем, что оба они пересекаются в некоем фокусе объемного видения современности, продвигающем вперед наше представление о возможностях современного человечества. Для подтверждения сделанного предположения обратимся к веберовской концепции модернизации, к его методологии изучения перехода европейской (строго говоря, западной) цивилизации от традиционного общества к современным формам регуляции общественной жизни. М. Вебер идет в своем исследовании от рассмотрения духовного склада жизни к выявлению его глубоких,

базисных социально-производственных корней и следствий. Он указывает на принципиальные различия между западной и восточной культурами в целом¹⁰⁴. Самым значимым обстоятельством, детерминирующим радикальную разницу между исследуемыми культурами, оказывается вектор религиозной ориентации, ее интенциональное содержание. Здесь не имеется в виду различие религий как таковых, хотя, конечно, христианство отличается и от буддизма, и от иудаизма и т. д. Речь идет о другом.

Наиболее четко на эту тему высказался Х.Ортега-и-Гассет. Проследивая истоки духовного кризиса на Западе в XX в., он показывает, как постепенно распадалась внутри себя единая христианская традиция, оформившаяся в итоге в качестве двух независимых религиозных конфессий – католической и православной. Причины раскола Ортега видит в том, что, придя с Востока, мистическое христианство сталкивается с рационалистической ментальностью эллинизма и прежде всего с рациональным практицизмом Рима. Восточный человек был целиком устремлен к Богу, обращаясь за решением своих проблем к Отцу небесному, представленному в образе сакральной Троицы, которая не только не требовала, но и противилась всякому объяснению. Место «рацио» занимало «озарение», то есть непосредственное ощущение сопричастия истине, остававшееся все же непостижимой для ума тайной. Акцент на мистических моментах религиозного мировоззрения перешел в Православие, наследовавшее восточную, византийскую традицию христианства. А католичество подходит к сакральности иначе. Потребность все понять и объяснить, изначально присущая эллинизму, с распространением христианства с Востока на Запад, перерастает в определяющую характеристику отношения человека к монотеистическому Богу и всему «миру горнему». И потому западному человеку свойственно стремление поверять веру логикой. Отсюда тертуллиановское «Верую, ибо абсурдно» и «Верую и понимаю» Августина Блаженного и, наконец, «Верую, когда понимаю» Ансельма Кентерберийского. Конечным пунктом такого преобразования стал протестантизм как самостоятельная конфессия¹⁰⁵, легализовавшаяся благодаря итогам Реформации XV–XVII вв.

Именно в протестантской этике, по мнению Вебера, окончательно оформляется «дух капитализма», признанный им критерием размежевания между Западом и Востоком, традиционализ-

мом и современностью, а следовательно, причиной становления модерна в философском смысле. Что же означает в связи со всем изложенным выше модернизация в концепции Макса Вебера? Модернизация у Вебера меньше всего ассоциируется с чисто техническим прогрессом, который на самом деле выступает не причиной, а следствием модернизационных процессов в обществе¹⁰⁶. Вебер вкладывает в понятие современности господство окончательно победившего к концу XIX в. на Западе типа регуляции общественных процессов. Такое убеждение фактически совпадает с марксистским представлением о саморегулирующихся вещных связях между людьми в обществе. Различие состоит в том, что у Маркса на первый план выступает отрицательное значение такого преобразования, выразившегося в различных формах отчуждения человека в социуме. У Вебера же переход от ориентации на традицию как универсальный регулятор общественных отношений к рациональному осмыслению «сиюминутных» практических ситуаций на первый план выдвигается его эффективность, гарантирующая ускорение общественного развития в различных его сферах. В определенном отношении, несмотря на то, что Маркс и Вебер по-разному оценивают систему установившихся в Европе и Америке капиталистических отношений, оба остаются правы, так как их выводы, исходя из разных посылок, в конечном счете, коренятся в едином понимании современной социальной реальности. К.Маркс подходит к изучению последней как философ, экономист и политик, а М.Вебер – как религиовед и социолог. Будучи выходцем из гегелевской философской традиции, Маркс сохраняет «родимые пятна» телеологизма и, перенося их в сферу своих экономических и политических прогнозов, «огрубляет» будущие возможности человечества, сокращая количество степеней свободы творческого выбора. Но, с другой стороны, Маркс настолько точно анализирует собственное историческое настоящее, что заставляет задуматься над теми или иными вариантами его преобразования. Именно так можно оценить и объяснить попытки социально-политической революции в России, акционирование капитала (в том числе и в международном масштабе), создание «рабочей аристократии» в развитых капиталистических странах в начале XX в. и т. д. **Достоинства же веберовского подхода** состоят в том, что он заложил основы нового видения исто-

рической реальности и механизмов ее социального освоения, успешно конкурирующего с коммунистическим учением Маркса и помогающим преодолеть слабые стороны последнего в условиях кризиса коммунистической идеологии. Однако и сам Вебер не вполне свободен от неизбежной для каждого мыслителя исторической ограниченности. Например, он рассматривает традицию исключительно как *универсальный* регулятор общественной жизни и потому отождествляет с ней все докапиталистическое производство. Но сегодня мы видим, что и в современную эпоху традиция играет достаточно серьезную роль, правда, не универсальную, а преимущественно в духовном производстве.

Дело в том, что Вебер исходил из чисто *социологического* понятия традиции как освященного авторитетом (богов, предков и т. д.) механизма легализации способов деятельности в архаичном обществе. И в рамках такой дефиниции он, безусловно, прав. Однако *философское* определение традиции рассматривает последнюю не только как регулятор деятельности, но и как способ наследования культуры. А в этом случае традиционный механизм сам оказывается развивающимся, прогрессирующим и имеет в истории, по крайней мере, две формы существования – *архаичную и современную*¹⁰⁷. Причем самое интересное состоит в том, что такая постановка проблемы, в конечном счете, восходит в своих методологических ориентациях как к Веберу, так и к Марксу в той точке их *взаимного пересечения*, о которой было сказано выше – о значении рационализации для обоих. Причиной смены исторического типа традиционной ориентации является переход в обществе от личной зависимости к вещной, то есть к опосредованной форме. Соответственно и традиция, выступая одной из форм связи людей в обществе (в качестве способа преемственности культуры) становится опосредованной, а именно рационализированной. Другими словами, в современном обществе традиция воспроизводится не через автоматическое подражание, как это было в рамках передачи из поколения в поколение сакральных образцов, а через рациональное осмысление их выбора, истолкование их многозначного содержания в границах единой формы¹⁰⁸.

В ходе религиозной Реформации на Западе человек освобождается от «пресса» духовной общины с ее единым «кошельком» и единым отношением к Богу. Апостол Павел «отменил» полное

обобществление имущества, а Мартин Лютер со своими единомышленниками в других странах оставил каждого верующего наедине с самостоятельно осмысленным Богом, хотя и в качестве всеобщего контролера (совести). Мистика веры сменяется рационализмом хозяйствования так же, как христианская духовная аскеза сменяется трудовой аскезой капитализма. Таким образом, согласно Веберу, на Западе именно рациональность стала основным принципом общения и хозяйствования и легла в фундамент отношений человека с миром, Богом и другими людьми. Однако на Востоке бурная эпоха западных буржуазных перемен в конце XVIII – начале XIX в. не сказалась существенным образом¹⁰⁹. Так что на Востоке (как противоположности Западу) по-прежнему в центре культуротворчества оставалась традиция, опирающаяся не на рациональную селекцию прошлого опыта, а на подражание готовым образцам. Поэтому не изменилось не только сознание, но и практическая деятельность – ее способы, цели и средства. Со временем пропасть углубилась, возник «третий мир», вначале – колониальный и зависимый, а позже освобождающийся и развивающийся. Сегодня, когда западная цивилизация все чаще обнаруживает свои недостатки, а «традиционный Восток» – свои преимущества, возникает сближение или стремление сблизиться. И понять это помогают социокультурные исследования К.Маркса и М.Вебера.

В ходе упомянутого сближения роль России трудно переоценить, так как она всегда соединяла в себе, начиная с Рюрика, западные и восточные характеристики и была особенно чувствительна к противоречиям, вызванным этим «соединением». Глобализация и модернизация – это процессы, внутренне связанные. Модернизация для каждой отдельной страны (народа, государства) одновременно есть путь глобализации. При этом речь не идет о том, что глобализация – это всего лишь присоединение к развитой цивилизации. Это было бы серьезной методологической ошибкой, уже проявившей себя в попытках строить модели так называемой «догоняющей модернизации». По сути дела глобализация – это не присоединение, а объединение человечества в выборе новых, совместных путей развития всего цивилизованного мира, в ходе которого модернизируются все участники процесса, и прогресс осуществляется в соответствии с оптимальными для каждой страны средствами.

Тогда и рождается «созвучие культур», а не унификация культур, понимание разными культурами друг друга, поиск точек соприкосновения, а не противостояния. В отечественной литературе иногда рассматривают модернизацию как средство глобализации. В известной мере это допустимо. Глобализация – это, хотя и закономерное, но открытое будущему движение общественной жизни отдельных ее субъектов, то есть народов и государств. Модернизация – это тот путь «вхождения в мировой дом» или поиски той формы существования в этом «доме», которые помогают народам-субъектам глобализации обрести свое собственное место в нем, не противоречащее их ментальности и культурно-историческим корням, а также найти современные способы сопряжения этих оригинальных параметров со столь же уникальными культурными характеристиками других субъектов.

Отсюда вывод, что модернизация, обладая общими чертами, детерминирующими ее суть в качестве сознательно избранного тем или иным народом способа «приведения к общему знаменателю» современного прогресса, в то же время качественно разнообразна в своих потенциальных возможностях и реальных достижениях, так как конкретные формы ее осуществления опираются и должны опираться на самобытный исторический опыт субъекта. Здесь уместна аналогия с социализацией человека в обществе: пути превращения биологического индивида в личность выстраиваются и из его генетических задатков, и из данностей его окружения – как естественного, так и культурного, в том числе наличия или отсутствия некой «школы» самосознания. В результате появляются не штампованные «дубли», хотя бы и отлично технически запрограммированные, а самостоятельные, свободные и ответственные люди. Все они образуют единое общество, создают единую культуру, и в этом творчестве их разнообразие не только возможно и допустимо, но и абсолютно необходимо.

Становится очевидным, что наши блуждания в методологических дебрях социальной философии, связанные с определением понятия модернизации, имели своей основной причиной сугубо модернистскую ориентацию теоретиков, так сказать, установку на законченную, «идеальную» модель развития общества, к которой оно, хочет того или нет, в конце концов должно придти. Сегодня в концепции «третьего модерна», который рассматривается как

«новое Новое время для незападных стран»¹¹⁰, заметны изменения, предвиденные постмодернистскому толкованию социальных проблем вообще и закономерностей развития общественных процессов, в частности: признание значения собственной культуры общества и рационального переосмысления его традиций. Отвергая социологический телеологизм, постмодернистские исследователи предлагали увидеть новый конституирующий принцип – многоликость, вариативность и сосуществование в общем потоке времени многообразия содержательных форм развития. За разъяснением этого обстоятельства удобнее всего обратиться к речи Ю.Хабермаса по случаю вручения ему премии Адорно за 1980 г., а лучше к его лекциям о модерне, прочитанным в 1983–1984 гг., где подробно анализируются как недостатки постмодернизма, так и его достоинства¹¹¹, сыгравшие важную роль в преодолении ограниченности модернистской концепции. Тогда становятся очевидными новые возможности в осмыслении глобализационных и модернизационных процессов.

Дело в том, что «теория модерна» – это не просто условное название для совокупности определенных взглядов на историю, выраженных у Гегеля и Маркса. Отличие их подходов к процессам и явлениям культуры состоит главным образом в объяснении их через так или иначе понятое стремление к завершенности. В указанном смысле модерн – это нечто совершенное, реализующее до конца определенную историческую задачу. У Гегеля это самопознание абсолютного духа, а у Маркса – становление коммунистической формации. Современный модернизм, напротив, разрывает эту телеологию исторического пути. В рамках его теоретических представлений современность – это не покоренная альпийская вершина, а возможность покорить те горы, на которых «еще не бывал». Следовательно, и история может быть воспринята не как восхождение на единственную гору, а как овладение целым хребтом, в ходе которого случаются и срывы, и спуски вниз, и наведение мостов через ущелья, и сплавы по горным рекам и т. п. Так понятый исторический прогресс состоит в необходимости всякий раз осмысливать его заново, изобретая при этом новые способы продвижения, открывая его новые горизонты, а главное – это достижение разными народами разных вершин, но в совместном с другими покорении всей горной цепи.

При таком понимании модернизация может быть рассмотрена и как сугубо практическое “осовременивание”, то есть актуализированное обновление старого, в том числе и капиталистического мира, и как поиски вариативных, а не единообразных для всех ее участников теоретико-методологических оснований и средств подобного обновления. И только в том случае, если модернизация многолика (то есть каждый ее субъект осуществляет ее собственным, оригинальным путем), а ее реализация складывается в единое звучание, мы сможем получить эффективные, рациональные формы прогрессивного развития. Камертоном такой настройки должны выступать не конкретные идеалы, установки и предпочтения отдельных культур, а их общечеловеческое содержание. Все народы приходят в единый «культурный дом» с разных сторон, с разной скоростью, с разным багажом и даже с разными целями. И только осознав, что унификация – это способ **формального**, а не содержательного упорядочения глобализации, мы перестанем строить модернизационные «проекты завершенности», по сути тормозящие прогресс.

Глава 5. Консьюмеризм и антиконсьюмеризм: проблема различий Запада и не-Запада

Для модернизации большое значение имеет потребление, его стандарты, формы, идеологии, практики, поскольку потребление находится в непосредственной связи с производством, образуя фундаментальную пару общественного воспроизводства. Очень трудно представить себе современный город или страну, где не был бы развит так называемый потребительский аппарат, состоящий из крупных торговых центров и масс-медийных средств. Можно отметить, что в незападных странах население ожидает не столько модерна, сколько тех материальных и культурных благ, которые он несёт с собой.

В научной литературе понятие консьюмеризм связывается и с идеологией потребления (Р.Бокк), и с потребительской культурой (П.Стирнс), и с общественными движениями (М.Хилтон), и с принципом излишнего (Т.Кармазина), и с принципом ускоренного устаревания вещи (Х.Шерье). Глобализация последней трети XX в. **разграничивает области различного понимания консьюмеризма**. Глобальный консьюмеризм понимается как западный консьюмеризм, распространяющийся на незападные общества в виде идеологии потребления. То же и с антиконсьюмеризмом: это и особые ценностные принципы, и особые формы потребления, например, бережное потребление (Х.Шерье), и движения – как субкультурные, так и национальные. Они могут выстраиваться и на политическом, и на религиозном, а также на экологическом основании (П.Стирнс). Это и правительственные меры, связанные с регулированием потребления (М.Петерсон).

Консьюмеризм и антиконсьюмеризм при сопоставлении друг с другом могут быть поняты двояким образом: или как противостояние идеологий, ценностей, принципов или как противостояние общественных движений, не только друг другу, а каждого из них социальной системе. В данной главе противостояние ценностей, идеологий будет фиксироваться, но акцент будет сделан на социальном действии, на общественных практиках, относящихся к системе потребления.

Консюмеризм

Консюмеризм на Западе является развитием идеологии потребления, которая возникает вследствие такого развития производства, при котором человек оказывается вытесненным за его пределы, но продолжает стимулировать его в качестве потребителя. Это стало возможным благодаря научно-технической революции, которая принципиально изменила характер труда. В производстве занято меньшее, чем прежде, число людей из-за технического совершенствования производства, а остальная часть населения стимулирует развитие производства посредством участия в избыточном потреблении. «Требовательный потребитель является мощным орудием наращивания производительности»¹¹². А повышение производительности труда ведет к увеличению благосостояния общества.

Консюмеризм в незападных обществах является следствием распространения идеологии потребления Запада. В незападных странах нет объективных, материально-формальных причин для становления общества потребления, но идеология потребления там уже распространена благодаря тому, что системы масс-медиа получают интенсивное развитие зачастую независимо от других сфер производства и рекламирует вместе с товарами чужой образ жизни. Незападные общества остаются индустриальными, или даже доиндустриальными, но при этом могут быть соблазнены идеологией потребления, которая диктует образ жизни, превышающий материальные возможности жителей незападного общества. Способ потребления значительно проще перенять, чем способ производства. Однако там, где западные общества развивают производство, где экономика и благосостояние таких обществ растет, есть тенденция укрепления современного консюмеризма.

Там же, где индустриальное развитие сводится к сырьевой сфере, высокие потребительские стандарты наблюдаются только в элитарной части общества, а массы остаются в зоне недопотребления. Такая конфигурация производства-потребления скорее свидетельствует о возврате к традиционному обществу с его роскошью и громадным разрывом в потреблении верхов и низов. Такое общество далеко от современного консюмеризма и вообще от современности.

При рассмотрении в качестве общественного движения консьюмеризм на Западе представляет собой и особый потребительский активизм, выражающийся в деятельности общественных организаций (Ассоциация потребителей в Британии, Потребительский союз в США). С 1956 г. Ассоциация потребителей в Британии сосредоточена на двух видах деятельности. Во-первых, сравнительное тестирование товаров потребления и предоставление этих данных в специализированном журнале («Which?»¹¹³). Во-вторых, лоббирование в Парламенте интересов потребителей через лейбористское крыло¹¹⁴. Консьюмеризм на Западе в качестве движения понимает потребителя как «активного участника общества, переносящего проблемы повседневной жизни, не связанные с производством, на политическую арену»¹¹⁵. Профессор М.Хилтон имеет в виду, что потребительская практика становится большей силой, чем совокупная сила профессиональных групп, и может составлять особую позднесовременную предметность политики, что консьюмеризм – это движение без идеологии в политическом смысле, включает в себя особую этику консьюмеризма.

Идеологический компонент потребительской неумеренности этот исследователь возлагает на рациональность каждого отдельного потребителя. В целом, рациональное потребление выражается, по М.Хилтону, в двух аспектах: в умеренности, когда исключается максимум сверх необходимого; в дополнении или противопоставлении «патриотическому потреблению», которое прежде всего видит в человеке гражданина: «Если иностранный продукт был лучше британского, то это означает, что правильнее ждать ответа от отечественных производителей вместо того, что потребитель выдвинет патриотические мотивы вместо рациональных»¹¹⁶. Таким образом, нельзя полностью исключить патриотические мотивы. Напротив, в локальном консьюмеризме они, вероятно, будут доминировать, если определенный перевес в них отечественного будет возникать из соображений культуры.

Другой исследователь из США профессор Д.Хоровец считает, что консьюмеризм в качестве движения отстаивает принцип, чтобы «участие в потребительской культуре было правом, а не привилегией»¹¹⁷, понимая консьюмеризм как такое движение, которое добивается равенства в возможностях потребления.

Консьюмеризм как движение в западных странах, это прежде всего – борьба с недопотреблением. Дело в том, что потребление возможно лишь с достижением уровня необходимого. Если большая часть населения не имеет возможности участвовать в потреблении необходимого, невозможно говорить о консьюмеризме.

В досовременные эпохи такие движения представляли собой борьбу за элементарные жизненные потребности, а состояние производства не всегда позволяло в должной мере их удовлетворить, не говоря уже о том, что сами общественные системы исключали право на равное потребление. Понятие консьюмеризм применяется к досовременным эпохам для описания форм потребления. Используются такие понятия, как аристократический консьюмеризм (П.Стирнс) или семейное потребление¹¹⁸ (Д.Роше). В целом, они отличаются от консьюмеризма, который произведен системой современного производства. Чем больше традиционного сохранилось в западном обществе, тем оно, вероятно, будет ближе или к аристократическому потреблению с его громадным разрывом в потреблении верхов и низов, а также принципиально разными товарами, потребляемыми на общественных полюсах. Или к семейному потреблению, где субъектом потребления выступает не индивидуальный потребитель, а коллектив, связанный родственными отношениями.

В этих двух аспектах традиционных форм жизни заложен потенциал и для локального консьюмеризма Третьей современности, поскольку конфигурации семейного уклада и общественного устройства с фиксированными вертикалями могут быть очень разнообразными в мировом пространстве.

Антиконсьюмеризм

На предремодернизационном этапе развития роль антиконсьюмеристской доктрины берёт на себя христианство. В период реформации важным шагом является установление пуританских принципов, которые позволяли не тратить излишки на роскошь, а реинвестировать их в торговлю и производство. М.Вебер пришел к выводу, что протестантизм нес в себе потенциал этики, способной сделать повседневными идеи трудовой аскезы, в которой

милость Бога соизмерялась с богатством, которое достигалось трудом. Впервые оценка мирской повседневной деятельности приобрела самостоятельное, как бы отдельное от сущности человека, значение¹¹⁹. Современный английский философ Р.Бокк также придерживается мнения, что мощным стимулом для развития в Англии капитализма и вместе с ним потребления, стал пуританизм, в частности, пуританизм кальвинистского типа, который оказал влияние на представителей ранней буржуазии. Во-первых, была сформирована система, использующая труд свободных нанятых работников (а не рабов или крепостных). Во-вторых, пуританизм оказал влияние на семьи ранних производителей, которые в последующем инвестировали свои прибыли не в создание престижного образа жизни, а в социальные учреждения¹²⁰. Принципы пуританизма включали в себя аскетические ценности, среди которых: первая – не тратить много денег на одежду (особенно на мужскую), вторая – не употреблять искусно приготовленную и дорогую пищу, третья – делать жилище комфортным, но без дорогостоящих украшений. До Реставрации монархии в 1688 г. английским обществом отрицалась театральная деятельность как нечто показное и расточительное. Первые пуританские кальвинисты, фиксирует Р.Бокк, ограничивали свои потребительские стандарты, жили по этическим законам и не тратили свои доходы на роскошь, а реинвестировали их в производство и торговлю¹²¹.

После 1688 г., по возвращении «к старой доброй Англии», театр восстанавливается, а одежда вновь становится предметом моды. Пуританские ценности быстро уступают перед возможностью расширенных самими пуританами торговых операций. Созданная система торговли и производства после Реставрации монархии отказалась от пуританских ценностей. Инвестиционный аспект преобразовался в накопительский и потребительский.

Антиконсьюмеризм в незападных обществах в досовременную эпоху, в целом, совпадает с западным, поскольку многие религиозные системы мира порицали потребительство. В буддизме верующий ставил созерцание выше обладания, земные удовольствия для него не только бессмысленны, но и опасны, поскольку могут помешать реализации духовных целей. В системе буддизма постулируется направленность на индифферентность по отношению к миру¹²². Существующие блага представляются как цепочка

дхарм, которые в высшей реальности (таттва) не имеют значения и являются лишь иллюзией в низшем мире (самврити). В даршане (философско-религиозном направлении) Джайнизма среди пяти принципов правильного поведения (панчамахаврата) выделяется апариграха – непривязанность, представляющая собой отказ от собственности, развлечений, привязанности к людям¹²³. Конфуцианство, не являющееся религией в классическом понимании, постулирует, что богатство необходимо присутствует в том обществе, где существуют материальные блага. Однако, его наличие служит для утверждения социальной иерархии, для фиксации данного от рождения статуса. Активные попытки добыть богатство, а также траты на роскошь осуждаются¹²⁴.

В современность же незападные страны переходят настолько различным образом и в таких различных формах, что здесь следует упомянуть лишь о широте модернизационных преобразований незападного мира.

В качестве общественного движения антиконсьюмеризм в западных странах имеет определенный исторический смысл. Бойкот товаров, отказ от потребления применялся как средство общего противостояния, например, США и Британии во время борьбы за независимость. Антиконсьюмеризм в незападных странах в качестве движений достаточно сильно развивается благодаря тому, что он направлен в большинстве случаев не против абстрактных принципов потребительства, а против конкретного их выражения – против западного консьюмеризма как идеологии. П.Стирнс указывает на исламский мир как на исключение. Занятие торговлей и получение прибыли от нее поощряется здесь. При этом, возникает обязательство отдавать часть прибыли нуждающимся (один из пяти столпов ислама – закят – отчисление в пользу бедных). Распространение принципов, поощряющих торговлю, позволило Мекке стать центром торговли, куда стекались товары из Африки, Азии и Северных земель¹²⁵. Несмотря на это, П.Стирнс выделяет в качестве антиконсьюмеристских исламское и индуистское движения, которые борются с влиянием западной потребительской идеологии, противопоставляя её традиционному, религиозному укладу жизни¹²⁶.

В незападных обществах религиозное и политическое связаны более тесно, чем на Западе, используя религиозную основу для формирования коллективного субъекта, притом весьма сплю-

ченного и многочисленного, усилия которого политики могут координировать. Так, О.Шамир и Г.Бен-Порат пишут, что в Израиле религиозная общественность, состоящая из граждан, действует коллективно и использует покупательскую способность своего сообщества для достижения экономических, социальных или политических целей посредством потребительского бойкота¹²⁷. Они называют такие бойкоты актом политического консьюмеризма. М.Хилтон почти так же формулирует подобную механику, говоря уже о консьюмеризме, а не об анти-консьюмеризме. Он называет это консьюмеризмом, который основывается на коллективном субъекте, не политическом, а «социальным» или «организованным» консьюмеризмом¹²⁸.

Иными словами, то, что более-менее эффективно действует на Западе благодаря обществу, в западных странах с большей эффективностью и с другими целями действует благодаря государству. В этом причина кардинального различия в мышлении и общественной жизни на Западе и в не-западных странах, которое преодолевается благодаря большему включению в модерн западных обществ. То, что консьюмеризм может быть организованным, не является чем-то естественным. В обществе потребления достаточно высока степень отчуждения потребителей друг от друга, несмотря на то, что идеология потребления провозглашает для них одни и те же принципы.

Регулируемое потребление

Это различие соотношений социального и политического на Западе и в западных странах может стать меньше благодаря регулированию, прежде всего, регулированию потребления. Близким политическому консьюмеризму западных обществ является принцип регулируемого потребления. Регулирование осуществляется правительством, становясь во многом политическим. М.Петерсон выделяет два типа такого регулирования, из которых второй считает предпочтительным: жёсткий (*interventional*) и мягкий (*benign*)¹²⁹. В первом случае, правительство производит замену свободной конкуренции директивами. Это нарушает соотношение сил на рынке, вызывая негативные последствия лоббирования, бю-

рократии, коррупции, политиканства. В мягком случае, давление оказывается более нейтральным, проявляясь, например, в установлении системы авторских прав, системы стандартных весов и размеров, системы юридической защиты договоров. В первом – жестком случае потребитель именуется «забытым потребителем», нуждающимся в опеке правительства, во втором случае утверждается «суверенный потребитель», который сам организует свое потребление. М.Петерсон приводит три отрицательных примера: корректирование потребления в местах резерваций в США, на которую было потрачено несколько миллиардов долларов и всё еще продолжается процесс «регулирования», и этому нет предела; программа субсидирования фермеров, при которой невозможно найти адекватный размер субсидий; запрет на алкоголь в первой половине XX в., **вызвавший многочисленные нарушения законодательства**, всплеск подкупов, арестов, теневых образований и пр.¹³⁰. Выровнять, отрегулировать потребление только с помощью правительственных мер не удаётся. Для незападных обществ такая категоричность будет, скорее всего, неверной. М.Петерсон не объясняет принципы, обеспечивающие развитие, а для незападных обществ именно это имеет решающее значение.

Проблема политического регулирования потребления дополняет проблемное поле манипулирования потребителем со стороны производства путем формирования идеологии потребления. Взгляды теоретиков и практиков расходятся по вопросу о степени возможного влияния на потребителя: «Академическое сообщество видит потребителя значительно более подверженным манипулированию, чем он является на самом деле; рекламное сообщество боится, что он менее подвержен манипулированию, чем они могут надеяться»¹³¹.

Кроме двойственности причин регулирования потребления, можно и сформулировать двойственность последствий регулирования потребления. Неизвестно, как повлияют запреты на потребление и субсидии, выравнивающие потребление. *Запрет* может вызвать рост запрещаемого, как это происходило с алкоголем во время «сухого закона» в США, переход на суррогаты (в России). *Субсидирование* может не уменьшить, а зафиксировать неравенство в потреблении, или увеличить его. Но пробовать использовать и запреты, и субсидии необходимо.

Для России вышеуказанные три примера США имеют свои аналоги: потребление–производство в национальных республиках и, в целом, социальная жизнь малых народов; вопрос о сельском хозяйстве и проблема борьбы с алкоголем и курением. В принципе, почти то же самое, за исключением объёма инвестиций. Только если субсидии направлены на поддержание традиционного образа жизни, не следует ожидать в этом случае модернизационных темпов развития. Развитие будет идти традиционными темпами, а эти темпы не являются высокими. Их стабилизации способствуют и религии. По отношению к Российским малым народам севера в литературе применяют понятие устойчивого развития. Это относится опять же к традиционным, а не к модернизационным темпам развития: устойчивое развитие предполагает некоторый уровень модернизации, а иначе развитие не устойчивое, а просто традиционное. Традиционное развитие еще более устойчивое. Различие между ними в длительности процессов. Традиционное хозяйство развивается несколько сот лет, а темпы модернизации существенно более высокие.

Регулируемое потребление может быть успешным при выполнении юридических правил, при которых средства достигают тех, для кого они предназначаются. «Например, на “возрождение юкагирского народа” отдельной строкой было предусмотрено 30,3 млрд рублей, но юкагиры Республики Саха (Якутия) из этих средств не получили ни одного рубля»¹³². Если есть какое-то более грубое нарушение, то бессмысленно с практической точки зрения обсуждать более тонкие нюансы общественного развития.

Таким образом, большое значение имеет всесторонний анализ коллективного субъекта консьюмеризма и антиконсьюмеризма, притом как в западных, так и в незападных обществах.

Гражданин или потребитель

Антиконсьюмеризм имеет много оснований. Для Запада можно выделить два источника: субкультуры (протестное движение молодежи шестидесятых, содержащее критику принципа «work-to-consume» – работать только для потребления); или в политической воле (движение за независимость США от Англии, пред-

полагавшее отказ от ряда английских товаров). Человек в тесном контакте с государством должен сделать выбор: гражданин или покупатель. Локальный консьюмеризм выражается в том, что в каждом обществе это соотношение (гражданин–покупатель) выражается по-разному. Поскольку гражданство связано с государством, постольку консьюмеризм через пару идентичностей гражданин–покупатель оказывается вовлечен в сферу политического. Поэтому, от политического устройства будет зависеть, насколько регулируемым окажется потребление общества.

Поэтому, так называемое потребительское сознание имеет два уровня. Без гражданского компонента, то есть когда (1) личные потребности являются главными, и (2) с гражданским компонентом, с вниманием к коллективным потребностям общества, включением в общую потребительскую практику. При включении незападного общества в глобальную капиталистическую систему, сначала господствует первый уровень потребительского сознания, часто не переходя на второй. Но развивать гражданское потребительское сознание можно с помощью организованного консьюмеризма со стороны общества, со стороны государства подчеркиванием экономических интересов страны. Остается вопрос, как им следовать в эпоху нынешнего этапа современности? Что будет развивать общество, а что препятствовать развитию?

Кроме религиозного и политического оснований антиконсьюмеризма, П.Стирнс выделяет ещё и экологическое основание, которое на первый взгляд сближает его сторонников из западных и незападных обществ. Это было бы так, если антиконсьюмеристское движение совпадало с обще-экологическим в борьбе за сохранение природы на планете. Однако этого не происходит. Антиконсьюмеризм на экологическом основании выступает против неравенства между западными и незападными обществами в использовании грязных производств, экспортируемых с Запада в незападные страны. Бремя высоких потребительских запросов Запада вынуждены нести, в том числе и экологически, незападные общества. Это – проблема, вокруг которой объединяются экологические антиконсьюмеристы.

Третья современность и предпосылки локального консьюмеризма

Организованная (поздняя) современность XX в. на Западе, к которой стремились, следуя догоняющей модели модернизации, незападные страны завершилась кризисом, поставившем вопрос о дальнейшем существовании модерна. Пауза заполнилась постмодернистскими идеями, подвергшими критике модерн. Но сегодня появилась третья современность (В.Г.Федотова, В.А.Колпаков, Н.Н.Федотова). Основной проблемой при переходе от второй к третьей является соотношение глобального консьюмеризма, выстроенного в эпоху поздней современности, и локального консьюмеризма, который, возможно, будет формироваться в эпоху Третьей современности, когда значительно ослабевает разграничение Запад – не-Запад в том смысле, что уже сегодня исследователи фиксируют несколько центров современности¹³³.

Надо принять во внимание, что различия и между Западом и не-Западом могут подвергнуться существенной реконфигурации: либо начнут сглаживаться, либо перестанут быть системообразующими. Новая оппозиция, сменяющая «Запад–не-Запад» может стать, во-первых, не единственной, как в всю эпоху Нового времени; во-вторых, противостояние сторон может быть преодолено в пользу разрастания отдельных центров (кластеров), что сделает эпоху Третьей современности не просто текучей (жидкой, подвижной) современностью, но современностью текучих, подвижных центров роста и развития. В пользу этих предположений свидетельствует возрастающее значение локальной специфик, зависимость модернизации от национальной культуры, наблюдаемое в незападных странах и дающее о себе знать на Западе.

РАЗДЕЛ II МОДЕРНИЗАЦИЯ И НАУКА

Глава 6. Национально-психологические предпосылки модернизации

Во многих работах по модернизации затрагиваются вопросы менталитета, национального характера народов модернизирующихся обществ, указывается на важную роль, которую играют данные факторы в процессах социальных трансформаций. Между тем, влияние национальной психологии на модернизационные процессы до сих пор не стало предметом специального изучения, к пониманию чего мы делаем попытку приблизиться в данной главе.

Элементы натуралистического подхода к изучению модернизаций

Главным трендом в изучении процессов социального развития в последние десятилетия стала радикальная смена концепций: переход от догоняющей модели к концепции *национальной модели модернизации* (термин В.Г.Федотовой), т. е. модернизации, связанной не с отрицанием традиции и культуры страны, а с признанием их значения. Непосредственной предпосылкой возникновения новой концепции стал мощный экономический подъем незападных стран («азиатских тигров», Китая, Индии, Индонезии, Бразилии, ЮАР и др.) в последней трети XX и начале XXI в.

Появление национальных моделей развития, или новых «модернизмов»¹³⁴, может изучаться различным образом, в том числе, как мы полагаем, с применением *натуралистических подходов*¹³⁵.

Определения, даваемые западными исследователями человеку общества модерна («автономный индивид», «модульный индивид» и др.), как и его характеристики (рациональность, индивидуализм, профессионализм), являются *предельно абстрактными*, т. е. представляют своего рода *теорию личности*, которая немного может сообщить об индивиде Запада или Востока. В социальной философии имеется и другая традиция исследований общества, которую можно обозначить как содержащую элементы *натуралистического подхода*. Как и теоретическое знание, эта традиция весьма неоднородна: от аристотелизма, позиций консервативных авторов конца XVIII – начала XIX в. (Э.Берк, Ж.де Местр, их последователи в Европе и России¹³⁶), эволюционизма Г.Спенсера до современных концепций биокосмологии, биосоциологии, «зрелого общества»¹³⁷ и психотерапевтических школ, включившихся в анализ национального характера. В этом же ряду находится современная концепция *характерологической креатологии в социальных науках*, которую мы развиваем с опорой на естественнонаучный (характерологический) подход, сформировавшийся в рамках российской психотерапевтической школы М.Е.Бурно¹³⁸.

Натуралистическая традиция восходит к античной мысли. Именно метод Аристотеля, как противоположный методу Платона, может быть с полным основанием назван *натуралистическим, говоря точнее, содержащим в себе элементы философии естественнонаучного материализма*¹³⁹. Как указывал выдающийся русский философ А.Ф.Лосев, «*Аристотелевское познание рождается не в результате вторжения отвлеченной логической схемы в пассивный предмет, а в результате наблюдения, сравнения и сопоставления максимально большого числа естественных явлений*»¹⁴⁰. Суть философии естественнонаучного материализма состоит, таким образом, в исследовании явлений, в том числе, явлений социальной жизни, исходя не из теоретической (как правило, *идеалистической* – в плане своего мироощущения-мировоззрения¹⁴¹) концепции, но из материалистического *чувствования и понимания жизни*.

Роль Аристотеля в философии и науке можно сравнить с ролью родоначальника клинической медицины Гиппократы, который, в противоположность представителям двух других известных школ – Книдской и Итальянской, шел в своей практике не от Духа

(как врачи-идеалисты, напр., римлянин Гален), а от признания *первичности материи, тела*. «Существо этого врачевания... состоит в естественнонаучном (не от схемы, не от теории) изучении целительной работы стихийной природы с попытками помочь природе лечить больного совершеннее. Картина целительной работы природы и есть для гиппократовского клинициста клиника»¹⁴². Понятна озабоченность врача-клинициста (в отличие от врача идеалистического склада души) *тончайшей дифференциальной диагностикой*, т. е. изучением душевно-телесной конституции, включая личностную почву, во всех подробностях, «...поскольку ему (клиницисту. – *Авт.*) необходимо как можно отчетливее рассмотреть подробности природной защиты, дабы помочь ей, по возможности быть более совершенной»¹⁴³. Метод Аристотеля направлен на осуществление «дифференциальной диагностики» в отношении множества явлений природного и социального мира¹⁴⁴.

Что может дать естественнонаучный материализм, как вариант натуралистического подхода, для анализа модернизационных процессов? Думается, немало. Прежде всего, речь должна идти о характерологическом изучении *национально-психологических особенностей* при анализе национальных характеров, которые самым непосредственным образом участвуют в формировании экономической, политической, культурной жизни современных обществ¹⁴⁵. Национально-психологические различия со всей отчетливостью обнаруживаются уже во времена существования древних цивилизаций. Так, в характере античных греков (прежде всего, Афин) отчетливо чувствуется синтонность (естественно-жизнелюбивый характер); в характере людей Древнего Египта – замкнуто-углубленный (аутистический) склад личности; характер жителей Древнего Рима несет в себе реалистическую авторитарную напряженность¹⁴⁶. Такие особенности, по-видимому, объясняются тем, что уже среди древних народов нередко преобладал тот или иной душевный склад (характер), или, по крайней мере, определенная *этно-психологическая окраска*, которые и придавали определенное характерологическое звучание особенностям культурной, политической, экономической жизни разных народов¹⁴⁷. Изучение национальных характеров углубилось в эпоху Просвещения, определенный подъем интереса к ним наблюдается в наше время.

Наиболее преуспевшими на пути социально-экономической и политической модернизации являются общества Запада, что, с точки зрения естественнонаучного материализма, во многом объясняется национально-психологической спецификой. Напротив, серьезные трудности на этом пути возникают у народов с иными национально-психологическими особенностями, в меньшей степени способствующими капиталистической модернизации.

Национально-психологические предпосылки модернизации на Западе и в незападных странах

Исторически первым регионом мира, в котором сформировалось общество нового типа (общество *модерна*, в отличие от *традиционных* обществ) явилась Западная Европа. Основой модернизации в Западной Европе – сначала в Голландии XVI–XVII вв., затем Англии и Франции XVII–XVIII вв., а позже, в XIX в. – в США – стало появление *нового типа человека*, получившего название автономного (самозаконодательствующего) индивида. В то же время, «этот процесс (модернизация. – *Авт.*) на Западе произошел под влиянием трех революций – Ренессанса, Реформации и Просвещения. Ренессанс через тысячелетие передал античное наследие, включающее познавательное отношение к миру. Реформация утвердила новую религиозную этику – этику протестантизма, основанную на труде и бережливости, оказав влияние на формирование рациональности и капитализма. Просвещение ввело парадигму научности взамен прежней парадигмы религиозности»¹⁴⁸.

Исторические исследования показывают однако, что данный тип личности, *характер*, появляется в европейской культуре задолго до указанных процессов (хотя, несомненно, три перечисленные духовные революции чрезвычайно усилили звучание индивидуальности). «В Западной Европе эпохи Великого переселения народов (III–VIII вв.) большая часть германских племен обитала в лесостепной полосе. Плотность населения была относительно низкой (по некоторым данным она не превышала 2,4 человека на квадратный километр). Условия хозяйствования были таковы, что не требовалось столь жесткого регулирования коллективных работ, как, скажем, это имело место во многих

традиционных обществах Востока. Поэтому варвар в Западной Европе будучи, как человек любого традиционного общества, тесно связанным с природным и социальным окружением, имел большую долю независимости от своих соплеменников или соседей по общине, чем представитель восточных традиционных обществ. К рыхлости общины следует добавить такой фактор как отсутствие государственности, наличие традиций военной демократии, формировавших фундамент для *относительной свободы германца*» (курсив наш. – Авт.)»¹⁴⁹. С точки зрения естественнонаучного материализма, важно отметить и *особенности телосложения* представителей древних германских племен. Тацит оставил классическое описание внешнего вида германцев: «Жесткие голубые глаза, русые волосы, рослые тела... вырастают с таким телосложением и таким станом, которые приводят нас в изумление»¹⁵⁰. На рослое телосложение германцев обращают внимание почти все античные авторы.

Можно предположить, что особенности конституции предопределили воинственный дух германских племен (которые, по свидетельству Тацита, в свободное от войны время занимались охотой, либо праздно проводили время на пирах, поручая хозяйственные заботы женщинам и более слабым членам племени¹⁵¹), а позже – особую роль военного сословия (аристократии и рыцарства) в средневековой Европе. Возможно, отсюда проистекает и *природный индивидуализм* германцев, описанный римским историком, который со временем трансформировался в *независимый характер* рыцарского сословия, а затем, в эпоху Нового времени, – в буржуазный индивидуализм и эгалитаризм¹⁵².

Говоря о модернизации в эпоху Нового времени и в период новейшей истории (включая современную историю России и стран Юго-Восточной Азии), остановимся только на ключевом феномене современности – капитализме. Именно он является «ядром» новоевропейской цивилизации, с развитием которого в значительной мере связаны кардинальные изменения в других сферах жизни западного общества – политике, социальной сфере, культуре. При этом нас будут интересовать преимущественно естественнонаучные (природные, характерологические) закономерности, которые, с точки зрения нашего подхода, оказывают значительное влияние на процесс развития.

М.Вебер описывает «капиталистический дух», основываясь на двух основных исторических документах: своего рода этическом кодексе буржуа Б.Франклина и подобном ему по «духу» религиозно-этическом кодексе английского пресвитерианина XVII в. Р.Бакстера¹⁵³. Оба документа, приводимые Вебером, характеризует *прагматизм* – особого рода деловитость, практичность, которая, как полагает Вебер, будучи глубоко укорененной в современной западной культуре, имеет своим истоком протестантскую религиозность, в ее преимущественно кальвинистской версии. Свой труд немецкий социолог написал после посещения Америки и находясь под непосредственным впечатлением от увиденного там. В частности, любопытен такой эпизод: «Макс Вебер присутствовал при обряде крещения в баптистской церкви. Его спутник обратил внимание на молодого человека, который... хотел открыть банк в местном городке и с этой целью крестился в секте»¹⁵⁴. Согласно автору «Протестантской этики...» особенный характер протестантской религиозности (кальвинизма, но не лютеранства) серьезно повлиял на формирование капиталистического духа, стал одним из основных его источников и в Америке, и в Европе. В то же время, для исследователя национально-психологических особенностей оказывается важным то обстоятельство, что по существу в своем классическом труде Вебер дает описание особенностей *американского национального характера*, отличающего американцев от других наций, в том числе, европейских. Сказанное подтверждается мнениями других ученых, считающих, что «...тезис Вебера о протестантизме как этике капитализма именно в США нашел свое глубочайшее выражение и подтверждение»¹⁵⁵. Американская нация создавалась решительными людьми, европейцами, пересекшими океан, что не могло не сказаться на характере североамериканского капитализма. Зададимся вопросом, – почему именно американцы, а не европейцы (скажем, те же немцы или англичане) оказались наиболее успешными на поприще предпринимательской активности? Почему именно США, начав свое возвышение со второй половины XIX столетия, выбились в лидеры сначала западного, а затем (к концу XX в.) – и всего остального мира? В чем причина того, что именно для американского национального характера качества прагматизма (особая «*концептуальная*», *идеалистическая* практичность¹⁵⁶) явились определяющими?

Здесь немалую помощь окажет нам работа другого исследователя, чьи размышления об американцах были опубликованы за два десятилетия до книги М.Вебера, английского философа-позитивиста Г.Спенсера (1820–1903).

Как и Вебер двумя десятилетиями спустя, Спенсер, посетив Америку, оказался чрезвычайно впечатлен тем, что он увидел здесь. Отвечая на вопрос американского интервьюера о том, не обмануло ли увиденное им в США его ожидания, Спенсер прямо говорит, что, напротив, «оно далеко их превзошло»¹⁵⁷. Как далее поясняет английский философ, «несмотря на все то, что я читал об Америке, я не имел достаточно ясного представления о том колоссальном развитии материальной культуры, которое мне пришлось здесь повсюду наблюдать. Размеры, богатство и роскошь ваших городов и в особенности великолепие Нью-Йорка просто поразили меня. Хотя я и не видел еще чудес вашего Запада, вашего Чикаго, но некоторые из ваших не столь людных городов, как например, Кливленд, поразили меня как результат деятельности одного только поколения. Обыкновенно, когда мне приходилось бывать в местах с несколькими десятками тысяч жителей, где телефоны у каждого под рукой, мне становилось как будто стыдно за отсутствие предприимчивости в наших городах, в которых часто при пятидесяти и более тысячах жителей телефоны совершенно отсутствуют»¹⁵⁸.

По мнению Спенсера, такой успех Соединенных Штатов объясняется не только и не столько ролью свободных учреждений, американской демократией (ответ, который хотел бы услышать от него американский интервьюер), сколько определенными *естественными причинами*, – такими как «минеральные богатства и обширные пространства девственной почвы», а также то немалое культурное наследие, которое получила Америка от Европы. Но в значительной мере необычайный успех развития американского общества объясняется, по Спенсеру, особенностями *характера* американцев: «...В лицах американцев я замечаю всегда непреклонную решимость – нечто вроде: «сделай или умри», – и эта черта характера, в соединении с рабочей силой, превосходящей силу других народов, создает, понятно, прогресс, беспримерный по скорости развития. К тому присоединилась также и их изобретательность, поддерживаемая необходимостью экономии труда и так разумно поощряемая»¹⁵⁹.

Не останавливаясь на критике Спенсером институтов американской демократии (которая могла бы быть адресована сегодня и в адрес незрелой демократии российской), отметим один весьма важный момент, а именно: с чем, по его мнению связаны отмеченные характерологические качества американцев. Ответ Спенсера *существенным образом отличается от теории Вебера* (определяющее влияние протестантской этики). Он обращается не к причинам социокультурного характера, а к *данным биологии*, эволюционной теории. Отмечая в том же интервью, что американцам еще только предстоит выработать свою окончательную форму общественной жизни (не забудем, что речь идет об Америке последней трети XIX в.), Спенсер в то же время полагает, что форма эта «будет по своему достоинству очень высока», а «один громадной важности результат... и теперь уже достаточно очевиден... Мы можем заключить, основываясь на данных биологии, что случайное смешение родственных разновидностей арийской расы, составляющей население ваших Штатов, создаст в будущем более высокий тип человека, нежели существовавший до сих пор, – ...более гибкого, лучше приспособляющегося, более способного подвергнуться тем видоизменениям, которые необходимы для создания совершенной социальной жизни. Я думаю, что, каковы бы ни были те затруднения, которые им предстоит побороть, каковы бы ни были те тревожения, которые им придется пережить, американцы могут спокойно ждать того времени, когда они создадут цивилизацию более высокую, чем все те, какие когда-либо существовали»¹⁶⁰. Напомним, что эти слова были сказаны Спенсером в 1882 г., когда Америка еще не была лидером западного мира, а потому они звучат как своего рода предсказание (насколько оно оказалось правдивым – мы можем судить по истории XX столетия). Но в любом случае, мысль Спенсера, несмотря на отличающий ее, как сказали бы сегодня, биологический редукционизм, кажется весьма *оригинальной и плодотворной*, поскольку подчеркивает значительное влияние природных факторов (появление более адаптивного антропологического типа в результате случайного смешения генопов разных народов) на процесс *социальной эволюции*¹⁶¹.

С точки зрения естественнонаучного материализма, в сегодняшнем возвышении ряда стран незападного мира ключевыми оказываются факторы *природно-характерологические*¹⁶². Как мы

предполагаем, несмотря на глубокие культурные, цивилизационные, антропологические различия, прагматичных американцев, европейцев и тех же китайцев, японцев, корейцев сближают (как ни удивительно) многие сходные особенности *душевной организации*, обуславливающие поведение, мышление, общее отношение к жизни. Так, например, философ-китаевед В.Г.Буров пишет об этом следующее: «“сучжи” – природные качества китайцев, включающие в себя удивительное трудолюбие, умение выживать в трудных условиях, способность быстро приспосабливаться к незнакомому национальному окружению, этническая сплоченность..., бытовая неприхотливость, делают китайский этнос жизнеспособным, готовым к любым жертвам во имя целей, сулящих выгоды в будущем. Подобные качества, несомненно, способствуют успешному осуществлению модернизации китайского общества...»¹⁶³. Интересно, что характерное прагматическое отношение к жизни свойственно и традиционной этической основе китайского общества – конфуцианству.

Говоря о национально-психологических особенностях, нельзя пройти мимо литературы довольно старой (начало XX в.), но имеющей важное значение для нашего подхода. Мы имеем в виду, прежде всего, классический труд русского психиатра и антрополога, автора важных научных открытий в психиатрии и психологии, отца знаменитого авиаконструктора – И.А.Сикорского (1842–1919) «Всеобщая психология с физиогномикой» (первое издание 1904 г.), где, помимо вопросов собственно клинической психиатрии, И.А.Сикорский уделяет большое внимание антропологии (как отдельных народов – русских, англичан, французов, немцев, евреев, так и больших человеческих рас). Более того, именно Сикорскому принадлежит заслуга создания особой естественнонаучной дисциплины – *антропологической психологии*, согласно которой, психологические особенности народов являются результатом воздействия не столько социальных и культурных факторов, сколько факторов *конституциональных*, природно-генетических¹⁶⁴. В частности, представляет интерес то, что пишет Сикорский о китайцах и других представителях «желтой», или монголоидной, расы, опираясь на современные ему данные физиогномики. Несмотря на ограниченность используемого им метода исследования¹⁶⁵ и наличия некоторых неприемлемых для современного ученого пред-

ставлений¹⁶⁶, отметим ряд достаточно точных характеристик, даваемых им представителям желтой расы. К ним относятся, прежде всего, *внимательность, дисциплинированность*, а также *волевые качества* (настойчивость и неумоимость), проявляемые как в мирном труде, так и во время военных действий (то, что исследователь называет «фанатизмом»). Ученый был не далек от истины, когда обращал внимание на особую развитость у представителей монголоидной расы *чувственного начала* душевной организации, его перевес над началом *рациональным* (последнее Сикорский называет «умом»). Эта особенность (*доминирование чувственно-интуитивного познания над отвлеченным, абстрактно-логическим, рациональным*) как типичная черта мышления китайцев, японцев, других народов Восточной Азии отмечается сегодня многими исследователями¹⁶⁷, но, в отличие от Сикорского, мы видим в этом не недостаток или признак эволюционного недоразвития¹⁶⁸, а *характерологическую особенность, своеобразие*. В этом преобладании чувственного, эмоционального над отвлеченно-логическим, рациональным, как и вообще в телесном облике многих народов Восточной Азии, видится некая ювенильность (юношеское состояние), вместе с синтоноподобностью (естественностью, доброжелательностью)¹⁶⁹.

Наконец, говоря о природно-характерологических предпосылках модернизации, нельзя пройти мимо еще одной особенности, на которую прямо указывает Сикорский – а именно, чрезвычайно высокие адаптивные способности монголоидов. Так, ссылаясь на другого исследователя (В.Рипли) он пишет: «Сравнительная приспособляемость народов к внешней среде и невосприимчивость к болезням неодинакова. Обстоятельство это... является одним из важных условий для будущности рас. По-видимому, наиболее выносливой расой являются Китайцы и вообще Монголы: они довольствуются однообразной пищей, неумоимы в труде и мало предрасположены к чахотке и сифилису»¹⁷⁰. К этому можно было бы добавить и чрезвычайно интересную характеристику Сикорским японцев, которые, по его мнению, в результате смешения трех разных рас – черной, желтой и белой (айны) – «дали расу более талантливую, нежели расы черных и желтых в отдельности»¹⁷¹. Здесь трудно не вспомнить о выдающихся успехах японцев в области высоких технологий: электронике, робототехнике, автомо-

билестроении, а также их успешность в экономической и политической модернизации¹⁷². Думается, все эти особенности – эмоционально-волевые, умственные и физические – в совокупности предопределили успех модернизации в регионе Восточной Азии. Как удачно сформулировал это профессор-характеролог М.Е.Бурно в одном из своих занятий по характерологической креатологии¹⁷³, китайцы (а также, японцы, корейцы) «своей аутистической (замкнуто-углубленной) душой» восприняли западные концепции и технологии, и стали методично, кропотливо воплощать их в жизнь, подобно тому, как когда-то китайцы, работавшие в СССР, кропотливо и с особым чувством выращивали овощи на грядках. Исходя из естественнонаучной характерологии, в этом трудолюбии, прилежании народов Восточной Азии, как и тонком чувстве ими прекрасного (японская, китайская эстетика дзэн), отчетливо видится природа *замкнуто-углубленного (аутистического)* характерологического радикала¹⁷⁴, в его реалистоподобном (т. е. близком реалистическому, материалистическому мироощущению) варианте¹⁷⁵. Отмечается тонкая моторика (движения) южноазиатов, маленькие руки которых будто специально созданы для сложного и кропотливого труда.

В целом, полагаем, что решающим фактором успешной модернизации ряда азиатских стран оказался факт *характерологического созвучия* между западными народами, их ментальностью и ментальностью народов данного региона, основу которого, несмотря на существенные антропологические различия¹⁷⁶, составила характерологическая *аутистичность* (идеалистичность). Как бы подтверждая этот вывод, современный китайский философ Ту Вэймин пишет: «восточно-азиатские интеллектуалы были прилежными учениками школы Запада на протяжении более чем столетия. ...Поразительна была их приверженность к существенной, значительной или даже полной вестернизации. С помощью своего восприятия и опыта “из первых рук” того, каким образом принято было действовать на современном им Западе, они полностью трансформировали экономику, политическое устройство, систему образования и общество своих стран. Такая позитивная самоидентификация с Западом и активное участие в фундаментальной перестройке своего «жизненного пространства» позволили им добиться поразительного успеха в том, чтобы достичь сходства с западными странами»¹⁷⁷. Здесь же Вэймин отмечает, что дальнейшее

развитие этих стран пошло все же в русле собственной цивилизационно-культурной идентичности, хотя и при высоком уровне вестернизированности¹⁷⁸.

Таким образом, работы классических авторов – Г.Спенсера, И.А.Сикорского, других, как и современные исследования в области национальной психологии и культуры, позволяют лучше понять, какие причины *природного, естественного*, характера лежат в основании успешных вариантов модернизации (и почему это так), как и наоборот – почему некоторые народы оказываются менее приспособленными к быстро меняющимся социальным и экономическим условиям, едва ли не фатальным образом «застревая» в предшествующих фазах развития. В ряду последних, к сожалению, оказалась и современная Россия, с ее, прямо скажем, неуспешной модернизацией. Одна из ключевых причин этого, если следовать натуралистическому подходу – в особенностях *национальной психологии* россиян – не только этнических русских, но и вообще россиян как *нации*, с их особыми, сложившимися в процессе многих веков, культурой и менталитетом – «национальным характером».

О проблемах модернизации в России в связи с российским характером

Если говорить о типично российских национально-психологических особенностях, то почти все исследователи русского национального характера единодушны в подчеркивании такого свойства русских как невыраженность качеств *прагматизма*, типичных для многих западных народов, как и народов Восточной Азии¹⁷⁹. Думается, это составляет одну из причин того, что в России с трудом приживаются многие достижения западной цивилизации, включая «нормальный» (т. е. живущий по своим строгим правилам) рынок, как и правовое государство и политическая демократия¹⁸⁰. Объяснение, возможно, состоит в том, что для устойчивого существования всех этих цивилизованных механизмов, помимо правовых и институциональных условий, требуется особая душевная дисциплина, наличие которой на Западе М. Вебер объяснял воспитывающим воздействием протестантской этики,

мы же, дополняя Вебера, объясняем *природно-характерологически*. Важно не только объяснить, но и наметить определенные пути развития страны, исходя из национально-психологических особенностей. Ситуация осложняется тем, что сегодняшняя Россия – уже *не Россия традиционная* (и даже не советская, в которой сохранялось немало от русского национального характера, включая коллективизм и веру в «светлое будущее»). Более того, в новейшей литературе можно встретить утверждения о том, что национальный характер русских в результате постсоветского развития подвергся столь разительным изменениям (прагматизации в самом худшем смысле этого слова), что возврат к прошлому становится практически невозможен¹⁸¹.

Несмотря на довольно пессимистические прогнозы, для человека с *естественнонаучным складом мышления* (или с известной *предрасположенностью* к такому мышлению¹⁸²) есть определенная надежда на то, что традиционные качества национального характера еще могут обнаружить себя в будущем¹⁸³. Мы имеем в виду прежде всего, традиционно российскую способность к незаурядному культурному и научному творчеству, глубокому реалистическому *нравственно-этическому переживанию* (классическая русская литература Толстого, Достоевского, Чехова), что издавна составляет как бы оборотную сторону наших не слишком сильных способностей к *энергичному систематическому труду*¹⁸⁴ и *строительству цивилизации* (в смысле *тщательного обустройства повседневной жизни, создания условий для бытового комфорта*). Поэтому, вероятно, стратегия выживания Российского государства, несмотря на все произошедшие изменения, должна оставаться прежней: «переумнить Запад», как сформулировал это выдающийся русский философ А.А.Зиновьев, весьма тонко (хотя и очень по-своему) чувствовавший природно-характерологическое¹⁸⁵. Здесь же – и проблема достижения *социальной справедливости*, которая, по мнению ряда исследователей, должна стать сегодня подлинной национальной идеей для России¹⁸⁶.

Мы склонны согласиться с теми исследователями, кто отстаивает точку зрения, что России в меньшей степени подходит тот строй, который сложился на Западе и сегодня складывается за его пределами, прежде всего по причине того, что для русских мало характерна та самая особая концептуальная, идеалистическая

практичность и проистекающая из нее строгая душевная дисциплина, «работолюбие» (учитывая и многие тяжелые факты отечественной истории) которой этот строй, несомненно, поддерживается. Более подходящим для нас, вероятно, был бы тот или иной вариант *левой*, или лево-консервативной, политики, с ее особым вниманием к нуждам простых людей, вопросам образования, науки, культуры. Однако при существующих в обществе предпосылках для такого развития – национально-характерологических и социальных, – следует еще немало сделать в плане того, чтобы создать для этого соответствующие *политико-правовые* условия (включая формирование гражданского общества, его *российского* варианта, общественный контроль за властью – как на федеральном, так и региональном и местном уровнях, верховенство закона), и что, может быть, самое сложное – серьезно изменить *духовно-нравственный* облик современного российского общества. Думаем, что решение всего этого комплекса задач составляет содержательную сторону того, что обозначается сегодня термином «национальная модель развития».

Глава 7. Модернизация и социально-гуманитарные науки

Ключевой идеей данной главы является идея о том, что существует определённая взаимосвязь между социально-гуманитарным научным знанием и модернизационными процессами. При выдвижении данного тезиса, разумеется, было бы неверным предполагать, что модернизационные процессы определяют содержание научного знания об обществе и человеке. Это в корне противоречило бы самой сущности научного познания, стремящегося к постижению истины..

Либеральный период развития социально-гуманитарных наук

Немецкий социолог П.Вагнер выделяет следующие этапы развития современности («модернити»): XIX в. – либеральная современность, за которой последовал социальный кризис конца XIX в. – начала Первой мировой войны; 1920 – конец 1960-х гг. – организованная современность, с последующим кризисом конца 1960-х – середины 1990-х гг.; ожидаемая либеральная современность¹⁸⁷. Последний этап, названный Вагнером этапом ожидаемой либеральной современности, пересмотрен и трактуется исследователями развития современного общества и глобального капитализма В.Г.Федотовой, В.А.Колпаковым, Н.Н.Федотовой как третий модерн, представляющий собой новое Новое время для незападных стран¹⁸⁸. Учитывая внесённые вышеназванными исследователями поправки и изменения, мы воспользуемся схемой П.Вагнера для периодизации развития социально-гуманитарных наук в контексте этапов развития современности.

Как считает П.Вагнер, с конца XVIII – начала XIX в., в *период возникновения специальных наук об обществе и человеке, в западном обществе происходит наложение масштабного концептуально-интеллектуального сдвига, связанного с формированием проективного мышления (итог эпохи Просвещения), и политико-институциональной трансформации*. Начало последней было ознаменовано Американской и Французской революциями, вслед за ко-

торыми произошли демократизация, либерализация и узаконенная индивидуализация западного общества¹⁸⁹. Французская революция, будучи кровавым и непредсказуемым событием, оставила глубокий след в сознании западного человека. В обществе сработали защитные механизмы: появилась специальная наука – *социология* – ориентированная на стабильность человеческой реальности¹⁹⁰. По мнению американского социолога А.Голднера, напряжённый конфликт между дворянством и буржуазией, неуверенность в завтрашнем дне, потеря авторитета религией вызвали глубокий кризис традиционных картин общества, который заставил искать новые способы построения картины социального космоса: «...Возникла... потребность в новой картине социального мира, которую люди могли бы принять, в позитивной совокупности представлений. Именно этой структуре коллективных настроений гармонично отвечал социологический позитивизм, и именно это, отчасти, помогло ему обрести общественную поддержку»¹⁹¹. Позитивистами использовалась *биологическая метафора общества* (О.Конт, Э.Дюркгейм), а также его прямая биологическая аналогия (Г.Спенсер); в этнологии и, особенно, в антропологии безусловной также явилась *биологическая парадигма*. Биологическая метафора общества, используемая социологами середины и конца XIX в., подразумевала социальный порядок, структурированность и историческую преемственность. Она обеспечила обоснование целостности и единой направленности частей, не предполагающих революционных изменений: в живой природе нет революции, изменения в ней носят адаптивный, приспособительный характер. С помощью социологических теоретических построений происходило рождение мысли о поступательном прогрессе в обществе, аналогичном живой природе. По замечанию историка науки Т.Портера, громадный престиж, который имела *биология в социально-гуманитарных науках*, может быть объяснён тем, что новые теории подхватывались как аргументы в политических баталиях и, следовательно, отвечали интересам определённых слоёв общества. «В конце XIX в. биология чаще применялась для поддержки консервативных и элитарных взглядов, чем для продвижения социальных изменений и реформ»¹⁹². *Социальные науки распространили способ мышления, принимающий установленный социальный и политический порядок как данность, что было частью модернизационного процесса.*

Другим аспектом модернизационного процесса стала масштабная индустриализация, вызвавшая отток сельского населения в города и урбанизацию. Вынужденное изменение поведения широких масс не могло не отразиться на состоянии общественного сознания. Как полагает известный экономист и антрополог К.Поланьи, жизнь всего общества изменилась в соответствии с организацией рыночной системы. Рабочая сила, состоящая из крестьян, согнанных с полей, на которых паслись овцы (дававшие сырьё для текстильной промышленности), вынуждены были добывать себе на пропитание, продавая свой труд на фабриках и промышленных предприятиях. Превращение в товар всех объектов действительности, в том числе и главных факторов производства – труда, земли и денег – явилось главным условием бесперебойной торговли, в которой нуждались владельцы мануфактур для того, чтобы окупилось дорогостоящее производственное оборудование. Но, продолжает Поланьи, земля и труд суть ни что иное, как природа и человек, основы существования общества, и их трансформация из самостоятельных факторов в придатки рыночного механизма меняет сущность самого общества. *Экономика*, которая прежде играла второстепенную роль в жизни общества, с 20–30-х гг. XIX столетия становится доминантой и поглощает всё общество, делая его своим придатком. В связи с разрастанием рынков, носящим искусственный характер, произошло проникновение рыночных отношений во все области социального: всё стало производиться для продажи на рынке и все социальные отношения начали определяться экономическими взаимодействиями. По мнению К.Поланьи, *политическая экономия* сыграла особую роль: она не просто объяснила причины экономических процессов, но обосновывала саму экономическую реальность, легитимизируя её путём рационализации. Если А.Смит, стоящий у истоков рыночной экономики говорил о том, что законы экономического мира подчиняются человеческим законам и главную роль в экономической жизни играют человеческие факторы, то впоследствии экономика была представлена миром фактов и неумолимых законов. Удовлетворение чувства голода посредством наёмного труда есть естественная непреодолимая потребность, возведённая экономистами – Т.Мальтусом, Д.Рикардо, Э.Берком, И.Бентамом – в ранг природной необходимости, наподобие силы тяготения Ньютона. Законы коммерции получили статус, равный статусу законов природы¹⁹³.

XIX в. ознаменовал начало масштабной универсализации общества. В связи с процессом модернизации европейских государств – политическим и административным усилением их централизации – в XIX в. происходит усовершенствование методов социального инспектирования¹⁹³, результаты которого обрабатываются с помощью быстро развивающейся статистики. Статистика становится одним из основных инструментов социального упорядочивания. Высокая приверженность статистике среди государственных служащих, рост количества и качества статистических исследований обуславливается развитием государственного аппарата, нуждающегося в систематизации всевозможных характеристик населения. «Социальная физика» А.Кетле, опирающаяся на механистическую закономерность (строго однозначный характер связей и зависимостей), статистическую закономерность (вероятностное распределение случайных признаков) и концепцию «среднего человека», эксплицирует ключевые признаки вовлечённости изучаемых «объектов» (т. е. население) в социальную и политическую систему. Концепция «среднего человека» имела несколько значений: фактически она обосновала существовавшую к тому времени административную практику доминантного мышления (Э.Ио), объектами которого могли быть пассивные, инертные, одинаковые и потому заведомо понятные граждане, о которых возможно мыслить в масштабах государства. В то же время концепция «среднего человека», а также психофизика Г.Фехнера, многочисленные психологические тестирования – метод бессмысленных слогов Г.Эббингауза, метод умственных тестов Ф.Гальтона, диагностика умственного развития А.Бине и др. – способствовали преодолению психологического дискомфорта, возникшего в связи со сменой традиционного поведения широких масс населения. Представление о человеке как об уникальном существе, укоренённом в родовом бытии, уже не соответствовало социальной действительности, и поэтому было отодвинуто *психологическим, статистическим, экономическим и социологическим* пониманием человека как функционального, однотипного и природного существа.

По мнению П.Вагнера, Т.Портера, Д.Росс и др., дисциплинарный проект социально-гуманитарных наук возник в конце XIX столетия как результат свободной исследовательской деятельности либеральной научной элиты, воспринявшей просвещенче-

ский идеал современности и познавательный идеал естественных наук. В XIX в., в период зарождения наук об обществе и человеке, практически не было прямых заказов со стороны социальных институтов и частных лиц. Но если говорить о социальной обусловленности социально-гуманитарных наук в XIX в., то в целом несомненное доминирование позитивизма было продиктовано совпадением его принципов с ценностями либерального капиталистического общества. Позитивизм получил признание, легитимность и объективность (находящую подтверждение в окружающей социокультурной действительности) на уровне социального восприятия. Таким образом, на данном этапе нельзя утверждать в духе вульгарного социологизма прямую зависимость содержания социально-гуманитарного научного знания от социальных условий. Скорее, здесь имело место наложение интеллектуальной моды на естественнонаучные методы на социальный контекст, который своим существованием сделал возможным, расположил к развитию научного знания определённого типа. П.Вагнер характеризует данный период развития западного общества как либеральную современность. *Мы воспользуемся этим названием и обозначим период развития социально-гуманитарных наук в XIX в. как либеральный, имея в виду свободный и необусловленный характер их развития, вдохновленный идеями Просвещения.*

Кризисный постлиберальный период развития наук об обществе и человеке

В конце XIX в. в западном обществе фиксируется кризис, наступление которого было вызвано автономными и вместе с тем связанными между собой тенденциями. Историк и социолог И.С.Кон отмечает, что особая духовная атмосфера рубежа XIX–XX вв. сложилась из-за экономического кризиса, революции в физике и кризиса механистического детерминизма в целом, а также из-за усиления антипозитивистских тенденций в философии¹⁹⁵. *Это был второй этап развития социально-гуманитарных наук.*

Наличие экономического кризиса конца XIX в. по-разному оценивается специалистами. Многие учёные считают, что экономического кризиса в указанный период не было, и капитализм развивал-

ся как никогда быстрыми темпами. Однако, кризис наблюдался в смежной с экономической социальной сфере. Социальный кризис косвенным образом свидетельствовал о порочности либерального проекта экономического саморегулирования. П.Вагнер считает, что в 1870–1880-е гг. рост бедности, преступности, ухудшение здоровья населения, которые раньше расценивались как «переходные проблемы на пути к социальному порядку... теперь... стали расцениваться как устойчивые и потенциально опасные для социального порядка»¹⁹⁶. Когда социальные бедствия приобрели размах, уже невозможно было придерживаться оптимистичных взглядов на концепцию социального саморегулирования. Индустриализация, урбанизация, тяжёлый труд на промышленных предприятиях привели к ухудшению здоровья населения, росту преступности, бедности, потере органической солидарности, индивидуализации, разрушению традиционных социальных структур – семьи, соседства, общины, ремесленного цеха. Эти проблемы стали расцениваться как устойчивые и потенциально опасные для социального порядка, как плата за модернизацию. Проект эпохи Просвещения современного общества, ведомого наукой, был поставлен под сомнение. Научное позитивное знание, обосновывавшее капиталистическое развитие общества, было частично дискредитировано. Возникли пессимистичные и тревожные настроения, вылившиеся в усиление романтических интеллектуальных течений и поиск альтернативных концепций общества и человека. Именно в это время в социально-гуманитарных науках возникла реакция на натурализм, вылившаяся, в том числе, в утверждение новых методов познания общества и человека, основанных на их отличиях от мира природы. Данная методология была либо оппозиционной натурализму (В.Дильтей, Г.Зиммель, Ф.Брентано, Э.Гуссерль и др.) и позиционировала область человеческого бытия как не сводимую к её видимым проявлениям, познаваемой особыми методами понимания¹⁹⁷. Либо она синтезировала две крайности: придавала важное значение эмпирическим данным, но в то же время апеллировала к понятиям, которые обладают избыточным «метафизическим» содержанием («мышление», «воля», «личность», «сознание» и пр.) и не соответствуют строгому эмпиризму. К исследователям, применявшим данную методологию, относятся В.Вундт, Г.Риккерт, М.Вебер, У.Джеймс (исследования личности), историческая шко-

ла в экономике (Г.Шмоллер, А.Вагнер и др.), гештальтпсихология (М.Вертгеймер, В.Кёлер, К.Коффка), Чикагская школа в социологии (У.Томас, Дж.Мид, Р.Парк и др.). Данные исследования имели широкое научное и общественное признание с 1870–1880-х гг. (с момента их возникновения) вплоть до 1920–1930 гг.

Здесь мы опять сталкиваемся с ситуацией совпадения социальных обстоятельств с развитием методов социально-гуманитарных наук, когда *реакция на господство позитивизма совпала с наступлением отрезвления от амбициозного проекта эпохи Просвещения, в котором общество безошибочно руководствуется наукой*. Мы обозначаем данный этап в развитии наук об обществе и человеке как *кризисный постлиберальный период*, в котором происходит раскол сообщества учёных, изначально всецело и свободно воспринявших либеральный идеал союза общества и науки. При этом необходимо иметь в виду, что наряду с появлением и утверждением антинатуралистической парадигмы сосуществуют натуралистические исследования.

Организованный период развития социально-гуманитарных наук

С началом Первой мировой войны в западном обществе наступили изменения в экономической и социально-политической ситуации, которые нашли отражение в общественном сознании. Первая мировая война прервала международный торговый обмен, что вызвало ослабление мировой экономической системы в целом. Возросли попытки прямого государственного вмешательства в экономическую и социальную деятельность, не характерные для либерального капитализма.

Усилилась роль планирования, в которое были вовлечены социальные науки. От науки предполагали получение необходимых для осуществления плана результатов, предсказания и контроля. Американский социолог Д.Росс считает, что в годы Первой мировой войны возросло значение процедурной рациональности, тестирования программ и статистических бюро¹⁹⁸. Проективные функции науки к концу 1920-х гг. заняли прочные позиции в социально-гуманитарных науках. Концепция рационального социаль-

ного конструирования имела корни в идеях модерна эпохи Просвещения. Но, в отличие от грандиозных целей, которые ставили мыслители XVIII столетия, в XX столетии перед наукой ставятся частные, промежуточные цели прикладного характера. Успешный опыт государственного планирования в период Первой мировой войны, экономический кризис, вылившийся в Великую экономическую депрессию, необходимость принятия мер по стабилизации экономической системы, национальные амбиции США, противостояние поднимающемуся фашизму дали государству санкцию занять активную позицию в переделке социального мира в рамках модернизации. Конструирование оптимизировало использование человеческих ресурсов путем управления человеческим поведением. Социально-гуманитарные науки в рамках инженерной парадигмы были призваны обеспечивать государство и экономические структуры надёжными данными о способах избежания социальных катастроф.

К.Поппер выделяет следующие черты инженерного мышления: инструментальность («наука есть инструмент для решения практических проблем»), технологичность (подчинение теории определённым стандартам), поэтапность (направленность на решение частных, а не общих задач). Социальные инженеры должны уметь предсказывать, «способно ли некоторое экономическое или политическое действие дать ожидаемый или желаемый результат»¹⁹⁹. Именно поэтому в истории наук об обществе и человеке середина XX в. отмечена отсутствием больших теорий (исключение здесь составляет бихевиоризм) и сосредоточенностью на частных проблемах. Теоретическую базу социально-гуманитарным наукам предоставил логический позитивизм.

Важную роль в развитии социально-гуманитарных наук в XX столетии сыграло направленное финансирование определённых исследовательских проектов, осуществляемое частными лицами. Д.Росс среди таких проектов называет фонд Рокфеллера, который «инвестировал 40 миллионов долларов в социальные исследования в течение 1920-х гг. и продолжал вкладывать большие суммы в 1930-е»²⁰⁰. Самым значимым достижением Рокфеллера Д.Росс признаёт Сообщество Социальных Научных Исследований (Social Science Research Council), первую организацию, объединившую ряд социальных дисциплин и продвигавшую проекты, обещавшие

инженерную науку, среди которых, в частности, называется и бихевиоризм. «Фонд Рокфеллера также инвестировал в европейские науки, привозя отдельных учёных в американские университеты и поддерживая институты, которые проводили эмпирические и междисциплинарные исследования, отражавшие его собственную концепцию науки, такие как Лондонская школа экономики..., Высшая немецкая политическая школа в Берлине...»²⁰¹. Инновационным проектом в межвоенные годы стала функциональная антропология, созданная А.Рэдклифф-Брауном и Б.Малиновским в 1920-е гг. Практическая ценность функционализма для политики «непрямого управления» была обоснована Б.Малиновским, после чего фонд Рокфеллера «перечислил четверть миллиона долларов в постдокторальное сообщество в Африке, убеждая в доминировании функциональной антропологии в Британии»²⁰². Функциональная антропология, как и социальная антропология, всегда имела особое значение для колониальной Англии.

П.Вагнер приводит факты «беспрецедентной связи между позитивистской философией, социалистической мыслью и современным социологическим исследованием»²⁰³, принявшей форму унифицирующего движения. Логический позитивизм как универсальная методология для всех поведенческих социально-гуманитарных наук, служил, как считает Вагнер, способом переутверждения социального проекта современности, который как раз во время возникновения социологического неопозитивизма – конец 1920-х – начало 1930-х гг. – претерпевал значительные трансформации. Сама идея надёжного знания, предоставляющего предсказание и контроль, транслируемая в общественное сознание, была частью деятельности по утверждению нового типа современности – второго организованного модерна²⁰⁴.

Логический позитивист О.Нейрат, автор работ «Научное миропонимание», «Социализм и логический эмпиризм», «Эмпирическая социология», был активистом австрийских социалистов и австромарксистов, добивавшихся политического большинства в Вене в период Австрийской республики после Первой мировой войны и превративших Вену в экспериментальное пространство социального планирования. Согласно П.Вагнеру, Австрия между двумя войнами являлась местом, где воедино сливаются интеллектуальное и политическое движение, образуя новый подход,

который в дальнейшем распространится на весь западный мир²⁰⁵. П.Вагнер объясняет экзистенциальные основы мировосприятия О.Нейрата. Научная рациональность и политические улучшения для него были нераздельны, потому что совпадали в поступательном и единственно верном развёртывании индивидуального разума, проявляющегося в планировании, статистике и социализме. Рациональные схемы были наложены на политику города, а метафизическое мировоззрение и нелегитимная власть стали восприниматься ведущим реформатором Вены как препятствия рациональным и политическим совершенствованиям²⁰⁶.

Другой значимой фигурой социалистического движения стал П.Лазарсфельд. Как указывает П.Вагнер, он был привлечён к статистической работе в Психологическом институте Венского университета, где занимались исследованиями для городской администрации. В дальнейшем Лазарсфельд основал Исследовательский союз экономической психологии Венского университета, который заключал исследовательские контракты как с Австрийской радиокомпанией, так и с Франкфуртским институтом социальных исследований. Таким образом, Лазарсфельд положил начало коммерчески функционирующим исследовательским институтам, а также институциональной и операциональной модели «административного исследования», которые после Второй мировой войны распространились по всему миру²⁰⁷.

Тесная связь политического и эпистемологического, наблюдаемая в истории XX столетия на примере таких значительных фигур мировой науки, как О.Нейрат и П.Лазарсфельд, логически подводит нас к обсуждению проблемы власти в социально-гуманитарных науках. Помимо функции обеспечения новым знанием и инженерными технологиями управления индивидами (отчётливо обозначенной в XX в.), традиционной функцией социальных позитивистских исследований как XIX, так и XX и XXI вв. является воспроизводство существующего социального (и подспудно политического и экономического) порядка. Как точно сформулировал отечественный специалист в области истории естествознания Э.В.Колчинский, «власть за предоставляемые ресурсы требует не только, а иногда и не столько практические результаты, сколько идейно-политическую поддержку»²⁰⁸. Власть в отношении социально-гуманитарных наук действует универсально. К.Мангейм пи-

сал, что в позитивизме нужно различать «буржуазный» образ мыслей и оттенок пролетарского мышления, а также революционный и консервативный позитивизм²⁰⁹. Независимо от принадлежности партии или классу власть склонна ожидать от социально-гуманитарных учёных конкретных технологических решений по вопросам эффективного управления населением.

П.Вагнер считает поведенческие социальные исследования постлиберальной технологией, «инструментом организаторов модерниту, плановиков “современного” общества, в том смысле, что они помещают индивидов в порядок, чтобы сделать их поддающимися политическому воздействию и планированию»²¹⁰. Изоляция индивидов друг от друга, игнорирование каких-либо возможных социальных отношений между ними явились, по Вагнеру, когнитивным шагом, атомизирующим индивидов и перекрывающим потенциальные связи повсеместным планированием²¹¹. Осуществление этого когнитивного шага в западном обществе, объявленном либеральным, происходило посредством трансляции в общественное сознание определенного образа человека и общества. Этот образ содержался в социально-гуманитарных научных текстах, бюрократических отчётах, общественных дискуссиях, апеллировавших к научному авторитету. Образ контролируемого человека и организуемого общества (второй организованной современности) отпечатывался в социальном восприятии действительности, воспроизводился и этим подтверждал сам себя.

Итак, третий этап эволюции научного знания об обществе и человеке, согласно схеме П.Вагнера, мы обозначаем как организованный период развития социально-гуманитарных наук, когда развитие научного знания сознательно направлялось внешними вненаучными структурами.

Альтернативный посторганизованный период развития социально-гуманитарных наук

В 60-е гг. XX в. в социологии резко возросло количество интерпретативных исследований, и это замечают как зарубежные (Д.Росс, П.Вагнер, Д.Хоуитт), так и отечественные (А.Б.Гофман, Ю.Н.Давыдов, Л.И.Ионин, А.И.Ковалёв, С.М.Митина, Э.А.Орлова,

Г.В.Осипов, В.Г.Федотова) исследователи. Было отмечено, что случившийся в американской социологии кризис позитивистских ориентаций, который стал наблюдаться ещё в конце 50-х гг., произошёл как вследствие ограниченности позитивистских количественных исследований, не способных предоставить полноценную информацию об обществе в целом, так и из-за «негативных последствий использования научных достижений в капиталистическом обществе»²¹².

Д.Росс также со свойственной ей склонностью отождествлять позитивистскую и американскую науку считает, что после того, как американская наука достигла своего пика в 1960-е гг., её развитие и рост её всемирного влияния резко пошли на спад. Среди причин, вызвавших такой перелом, Д.Росс называет студенческий бунт 1968 г. во Франции, вторжение США во Вьетнам и следовавшие за ними реакция новых левых и усиление марксизма. В Германии возродилась социальная теория во главе с Н.Луманом и Ю.Хабермасом и вернувшейся Франкфуртской школой, которая «имела исключительно немецкую специфичность»²¹³. Во Франции после 1970-го г. возникла новая тенденция, отличная от дюркгеймовской. Европейская политическая наука подверглась критике за политизацию и усвоение американского либерального индивидуализма, чуждого европейскому²¹⁴.

П.Вагнер считает, что «с 1970-х гг. становилось всё больше и больше очевидным, что социальное планирование не отвечает большим ожиданиям»²¹⁵. Кризис модернизационного планирования выразился в неуправляемом экономическом спаде с одновременным появлением растущей инфляции и безработицы и послужил дискредитации кейнсианства, которое, как казалось, управляло такой «стагфляцией». В 1960–1970-е гг. в различных социальных науках с разной степенью интенсивности произошёл «интерпретативистский» поворот основанный на «вере в оптимизацию человеческих взаимодействий без сознательно планирующего субъекта»²¹⁶.

Можно констатировать отсутствие прямой чётко выраженной и однозначной связи между социальным контекстом и методологией социально-гуманитарных наук как связи между причиной, первой по времени возникновения, и последующим за ней во времени следствием. В случае интерпретативного подхода, он на несколь-

ко лет предварил собой экономический спад, потерю авторитета США, а также социальную реакцию на «организационную структуру, техноструктуру, кланы, кастовость», которая выразилась в студенческом бунте во Франции²¹⁷. Интеллектуальная реакция социально-гуманитарных учёных во многом предшествовала социальным, видимым проявлениям и способствовала их наступлению.

Интерес к особенному и единичному вдохнул новую жизнь в научное направление, которое получило наименование качественного (другие названия – интерпретативного или гуманистического) направления наук об обществе и человеке. Концептуальной основой данного направления послужили социальная феноменология А.Шюца, конструктивистская парадигма П.Бергера и Т.Лукмана, этнометодология Г.Гарфинкеля, драматургический подход И.Гофмана, психоаналитический и культур-центристский подходы Франкфуртской школы (Т.Адорно, Э.Фромм, Г.Маркузе), символический интеракционизм Дж.Мида и др. Фундаментом эмпирических гуманистических исследований в области социологии стали разработки Чикагской школы 1920–1930-х гг. (У.Томас, Дж.Мид, Р.Парк, Х.Беккер, Э.Берджен), также положившие начало эмпирической неопозитивистской методологии. Методы понимания и интерпретации официально возвращаются в социологическую науку. Исследователи психологии наблюдают её постепенный поворот к «душевности, к душевным проявлениям человека», и здесь «опорой, адекватным зеркалом становится гуманитарный подход», руководствующийся «вопросами о сущности человека, о смысле и назначении его жизни»²¹⁸.

Д.Росс, развивая проблему вписанности социально-гуманитарных наук в исторический контекст, пишет о том, что «постколониальное развитие посеяло сомнение в легитимности антропологического взгляда»²¹⁹. В.Г.Федотова, В.А.Колпаков, Н.Н.Федотова также указывают на изменения, произошедшие в связи с социально-экономическими трансформациями 1970-х гг.: «...Успех Японии и Юго-Восточной Азии в целом явился опытом, который не вписывался в модернизационные теории и разрушил представление социальной науки об обществе»²²⁰.

В настоящее время в науках об обществе и человеке существует мультипарадигмальность. Это значит, что объекты исследования социально-гуманитарных наук могут быть изучены

путём использования как позитивистской (натуралистической), так и интерпретативистской (культур-центристской) методологий, и что такие исследования имеют равный гносеологический статус²²¹. Развитие социально-гуманитарных наук происходит в русле неклассической рациональности. Данный этап, когда происходит отказ от жёстких искусственных мер по модернизации западного общества, напрямую определявших содержание наук об обществе и человеке, и возобновляется равноправная позитивистской (натуралистической) интерпретивистская (антинатуралистическая) методологическая альтернатива, в развитии социально-гуманитарных наук можно обозначить как альтернативный посторганизованный период.

Подведём некоторый итог вышесказанному. В соответствии со схемой П.Вагнера по развитию современности (модернити), развитие социально-гуманитарного научного знания может быть определено четырьмя крупными периодами: 1) либеральный период – конец XVIII в. – 1880-е гг.; 2) кризисный постлиберальный период – 1880–1920-е гг.; 3) организованный период – 1930–1960-е гг.; 4) альтернативный посторганизованный период – с 1960-х гг. Данная периодизация основана на детектировании методологических тенденций научных исследований человека и общества и подразумевает наличие некоторого соответствия между социальными и когнитивными процессами. Однако указанное соответствие между социальными и научными когнитивными процессами, а также перенос терминов с определения социальных процессов на определение научных не является прямым и предполагает существование собственных независимых когнитивных тенденций внутри научного знания.

В связи с тем, что начало модернизации западного общества совпадает с возникновением наук об обществе и человеке, можно обнаружить корреляцию между задачами модернизации и содержанием социально-гуманитарного научного знания. Помимо выполнения функции предоставления достоверной информации об обществе и человеке, научное знание определённым образом интерпретирует человеческую реальность с целью согласования совместных социальных действий для выполнения определённых модернизационных задач. Кроме этого, на разных этапах модернизации социально-гуманитарные науки выполняют различные

функции. На первом этапе они снимают возникший в общественном сознании когнитивный диссонанс между традиционным знанием и новым требуемым социальным поведением. На третьем – способствуют управлению обществом путём обеспечения достоверными данными заказчиков научного знания и направленно формируют сознание «организованного» типа. Промежуточные кризисные периоды в развитии социально-гуманитарных наук означают собой реакцию на несоответствие позитивистского знания человеческой реальности и недостаточность позитивизма для её полноценного исследования. В то же время кризисные периоды являются реакцией общественного сознания (как учёных, так и людей, не принадлежащих науке) на модернизационные технологии.

Глава 8. Невостребованность науки и проблема модернизации в России

Развитость науки определяет место той или иной страны в мировой сообществе. Это хорошо понимают лидеры ведущих государств мира. В самый разгар финансово-экономического кризиса 27 апреля 2009 г. Президент США Б.Обама на 146-м ежегодном собрании Национальной академии наук заявил: «В такой тяжелый момент есть люди, которые говорят, что мы не можем инвестировать в науку, потому что поддержка исследований так или иначе является непозволительной роскошью в период возникновения более острых потребностей. Я категорически не согласен с такой позицией. В настоящее время наука еще более важна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни, как никогда до этого...»²²². Российская же наука, несмотря на декларативные призывы к модернизации и инновациям, под видом реформ продолжает разрушаться. Начало этому процессу положили 1990-е гг., когда в России произошло резкое снижение финансирования фундаментальной и прикладной науки как из госбюджета, так и из частного сектора, и снижение численности научных работников. При этом значительная часть прикладной науки была приватизирована и бесследно исчезла. В результате значительного падения объема и уровня научно-технического потенциала, а главное – продолжающейся невостребованности государством, наука оказалась в глубочайшем кризисе по отношению к тем задачам, которые она может и призвана решать в российском обществе²²³.

За последние два десятилетия в России оказались разрушенными в первую очередь, высокие технологии, определяющие научно-технический прогресс и технологическую независимость страны. В общей численности организаций, занимающихся НИ-ОКР, доля проектных институтов и конструкторских бюро сократилась вдвое, а число самих проектных институтов уменьшилось в 12 раз: «...не создаются образцы техники новых поколений. Эта задача даже не ставится. Поэтому в ряде сфер мы пришли к такому положению, когда отечественные инженеры теряют возможность и способность осваивать и повторять технологии стран-лидеров. Возникает “технологический барьер”»²²⁴.

Ныне провозглашен курс государственной политики Российской Федерации на модернизацию и инновационность, а, значит, на «всеобщий непрерывный процесс обмена культурными достижениями...», однако в условиях «глубокой деиндустриализации и демодернизации»²²⁵. В России нет ни одной отрасли народного хозяйства, которая могла бы конкурировать в условиях глобализации на мировом рынке. Несмотря на то, что в качестве стратегического направления развития страны осознана необходимость технологической модернизации, и президент РФ обозначил переход России от нынешней «экономики трубы» на инновационный путь развития, в реальности почти 40% ВВП РФ продолжает создаваться за счет экспорта сырья. По оценке специалистов РАН, во всем мире топливно-энергетические корпорации, включая российские, «не входят в список фирм, определяющих основные отрасли экономики третьего и последующих десятилетий XXI в. ...прогноз о росте доли нефтегазового сектора в бюджете Российской Федерации справедлив только в краткосрочной перспективе. Если же смотреть “за горизонт”... то пополняемость бюджета можно будет обеспечить в основном за счет отраслей, в которых в настоящее время зафиксировано наибольшее число эффективных научно-технических разработок»²²⁶. Это – три перспективных технологических кластера – биотехнология, машиностроение и металлургия, на базе которых возможно построить «экономику знания».

Между тем, очевидно, что модернизацию и инновационное развитие в России можно осуществить лишь при ускоренном развитии сектора науки и кардинального изменения отношения государства (всех ветвей власти) к науке, в частности к Российской Академии Наук. Она является одним из старейших институтов российского государства (датой ее основания принято считать 8 февраля 1724 г.), «мозговым центром» страны. На протяжении трех столетий структура, состав и цели Академии неоднократно изменялись, однако «она всегда оставалась высшим научным учреждением страны, мировым центром исследований в области математики, естественных, технических, гуманитарных и общественных наук»²²⁷.

Престиж науки, высшей школы, социальный статус ученого и преподавателя были достаточно высокими в России и в СССР. К сожалению, сегодня искажена базовая ценностную модель на-

селения нашей страны, снижена ценность знания, интеллектуальной деятельности, упал общественный статус интеллигенции, произошли дезинтеллектуализация и охлократизация общества²²⁸, резкое снижение культурного потенциала, выхолащивание в общественной психологии молодежной среды созидательных установок и ориентаций.

«В настоящее время, когда разрушен оборонный комплекс, утрачены ориентиры и видение будущего, – считает Г.Г.Малинецкий, – отечественная наука не может играть той роли, которую она играла в Советском Союзе...»²²⁹. Российская Академия наук стратегические задачи не решает, поскольку властными структурами в последние двадцать с лишним лет они перед ней и не ставятся. «За все эти годы государство не поставило перед наукой и экономикой ни одной масштабной задачи, сопоставимой, например, с созданием ядерного оружия или ядерной энергетики, атомного подводного и ледокольного флота, освоением космического пространства, – констатирует академик, советник РАН А.А.Саркисов. – Выдвигаемая задача модернизации экономики остается на уровне документов, потому что не подкрепляется соответствующими программами перспективного развития страны и адекватными финансовыми вложениями в экономику, науку и образование»²³⁰. Вместе с тем за последние 20 лет РАН (в которую входит 435 институтов и научных центров и где работает около 55 тыс. человек – 50% всех докторов наук и 30% кандидатов наук), продолжает осуществлять фундаментальные исследования. Другое дело, что все это время РАН, по существу, ведет борьбу «за существование». В Академии существует огромный разрыв между поколениями, ибо в большинстве институтов «выпало» 1,5 поколения – от 25 до 55 лет.

На протяжении истории существования Академии наук было несколько попыток ее уничтожения: в середине 1918 г., когда научный отдел Наркомпроса подготовил предложение о ее преобразовании в Ассоциацию научных учреждений; 11 июля 1964 г., когда первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев на Пленуме ЦК КПСС заявил: «...Мы разгоним к чертовой матери Академию наук»; во времена «реформ» 1990-х гг., когда «содержание предлагавшихся преобразований сводилось к фактической ликвидации РАН как одного из последних «рудиментов» советской системы, к

отторжению от нее научных учреждений, превращению ее в своего рода почетный клуб. Подобные попытки были инициированы Б.Г.Салтыковым, занимавшим пост министра науки и технической политики с 1991 г. по 1996 г. сначала в правительстве Е.Т.Гайдара, а затем В.С.Черномырдина. Также попытки не прекращались и позже при покровительстве и поддержке со стороны теперь уже бывшего министра образования и науки А.А.Фурсенко и отдельных высокопоставленных чиновников правительства и администрации Президента страны»²³¹.

Недавно вновь была инициирована кампания (не только в СМИ) по дискредитации РАН. Причем, подвергается сомнению не только эффективность ее деятельности, но и сама необходимость существования. К отечественным критикам присоединяются западные профессора, которые утверждают, что в России «научного сообщества нет, науки нет... поэтому первое, что нужно сделать – это разогнать Академию наук»²³². Для ликвидации этого старейшего российского научно-исследовательского института предлагаются различные варианты: часть академических институтов «слить вместе» либо закрыть; другие – акционировать; провести полную «реконструкцию» институтов РАН и передать их Вузам; превратить РАН в научный «дискуссионный клуб»; ввести «внешнее» управление имуществом РАН «эффективными менеджерами» (как в «Оборонсервисе» и вероятно с теми же последствиями) и т. д. «Похоже, речь идет не о науке, – справедливо отмечает С.М.Рогов, – а о “рейдерской” попытке установить контроль над финансовыми потоками и собственностью»²³³. Неудивительно, поскольку многие институты РАН находятся в старинных особняках в центре Москвы.

Предпринимаются также дорогостоящие попытки подменить Академию наук РФ, которая всегда была «мозговым центром» страны, «параллельными» структурами. «Прямые атаки в средствах массовой информации сопровождаются практическими шагами, направленными на планомерный подрыв лидирующей роли РАН в научной деятельности в стране, на распыление и без того скудных средств, выделяемых на проведение исследований, между не подведомственными академии структурами, которые создаются в спешном порядке без обсуждения с широкой научной общественностью и серьезного сравнительного анализа различных вариан-

тов решения возлагаемых на них задач, – подчеркивает академик, советник РАН А.А.Саркисов. – Для их организации и обеспечения работы требуются колоссальные финансовые затраты, соизмеряемые с расходами на поддержку фундаментальных исследований, причем их окупаемость даже в перспективе представляется весьма сомнительной»²³⁴. В частности, это относится к созданию практически с нуля нового научно-исследовательского и научно-производственного центра в Сколково.

Показательно, что при этом дискредитируется Российская Академия наук. «Грубое давление на РАН имеет определенный подтекст, непосредственно связанный с укоренившейся у нас неолиберальной экономической философией, которая оказалась дискредитированной и в США, и в Европе и в Южной Америке, – считает С.М.Рогов. – К сожалению, у нас по-прежнему превратно истолковывается американский опыт... усиливаются нападки на тех российских ученых, которые... доказывают несостоятельность веры во всемогущество “невидимой руки рынка”»²³⁵. Многие эксперты РАН обосновывают необходимость смены современной российской экономической модели развития. Неудивительно, что властные структуры в академические институты не обращаются за экспертизой. А если и обращаются, то не принимают, в конечном счете, рекомендаций представителей академического научного сообщества. Более того, отвергаются многие предложения экспертов РАН, в частности, об инвестировании сверхдоходов от вывоза сырьевых ресурсов в российскую экономику и массивном технологическом обновлении созданной еще в советский период инфраструктуры. Несмотря на эти рекомендации, РФ продолжает экспортировать капитал. Только за 2010 г. были «увеличены закупки казначейских обязательств США с 32 до 128 млрд долл.! Это примерно соответствует ассигнованиям американского правительства на НИОКР в 2009 г. Наши неолибералы предпочитают кредитовать американскую, а не отечественную науку»²³⁶. Как правило, на собственной науке у нас стараются экономить.

И это в то время, когда наряду с основной задачей российской науки – фундаментальными исследованиями, по мнению ряда ученых, должна быть реализована другая задача – «экспертиза государственных решений, стратегических проектов. Ученые должны начать проектировать будущее»²³⁷. Надо сказать, что еще 3 декабря

2001 г. Президентом РФ В.В.Путиным на встрече с руководством РАН перед российской наукой был сформулирован новый социальный заказ. Во-первых, необходимость независимой экспертизы государственных решений. Прогноз возможных бедствий, кризисов, катастроф и выработка мер по их предупреждению в природной, техногенной и социальной сферах. Во-вторых, моделирование различных сценариев перевода российской экономики на инновационный путь развития.

Известно, что одним из первых руководителей, который использовал академический институт в качестве инструмента для экспертизы и прогноза был президент Академии наук СССР, директор Института прикладной математики АН СССР (ИПМ) М.В.Келдыш. В нынешних условиях лица, принимающие решения, часто игнорируют результаты прогнозов и экспертиз. Фактически возможные последствия (как ближайшие, так и отдаленные) и риски принимаемых решений никем не исследуются. Например, в Государственной Думе нет экспертизы, направленной на прогноз последствий принимаемых решений. «Прежде чем будут приниматься соответствующие решения, российская наука (более узко – РАН) должна позиционировать себя как субъекта в экспертном пространстве и начать заниматься этой работой, – считает Г.Г.Малинецкий. – Достоверные прогнозы, эффективная экспертиза крупных проектов могут изменить отношение общества (а со временем – и государственного аппарата) к российской науке»²³⁸. Это позволит отказаться от неоправданно дорогих, но неразумных направлений развития, сэкономить огромные государственные средства, избежать рисков. Чтобы доказать неэффективность работы институтов РАН, за последние годы неоднократно предпринимались попытки ввести сначала новую «объективную» систему стимулирования на основе расчета показателя результативности научной деятельности (ПРНД)²³⁹, а ныне международную систему оценки научных публикаций и цитирования, которая, к сожалению, учитывает только англоязычные рецензируемые журналы, что негативно отражается на показателях научных работ на испанском, итальянском, японском, китайском, корейском и особенно русском языке. Например, в справочнике «Web of Science» (WOS) совершенно не учитываются индивидуальные и коллективные монографии, статьи в сборниках, тезисы и доклады в материалах

конференций, препринты и пр. Оценивается лишь 108 российских журналов. При этом для подсчетов по общественным и гуманитарным наукам WOS использует 670 научных журналов: из них на русском языке – два журнала по истории («Вопросы истории», «Отечественная история»), один по социологии («Социс») и один по философии («Вопросы философии») ²⁴⁰. Очевидно, что зарубежные наукометрические показатели не могут быть объективными в отношении России. Дело в том, что несмотря на существенное сокращение численности научных работников в России за последние 20 лет, количество научных публикаций у нас не уменьшилось. (В частности, в Институте Философии РАН за год публикуется примерно 120 индивидуальных и коллективных монографий и более 1500 статей, из которых около 60–80 – зарубежные публикации, а в индексе цитирования учитывается лишь один журнал «Вопросы философии».) Поэтому оценивать результаты научных исследований и научных периодических изданий только на основе численных показателей – индекса цитирования и импакт-фактора – совершенно недопустимо. По мнению доктора философских наук Н.В.Мотрошиловой, индекс цитирования (как и импакт-фактор) – «дело полезное, обращать на него внимание нужно, но со множеством поправок и коэффициентов. И уж совсем нельзя торопиться с их практическим внедрением, во всяком случае – в нашей стране, где пока нет своей такой системы. В противном случае, превращая средства в цель, мы можем “наломать дров”, многое загубить, а это неправильно. Особенно неблагоприятным и для науки в целом, и в частности, для социогуманитарных дисциплин, было бы превращение индексов цитирования в основание министерских или академических программ» ²⁴¹. И с этим следует согласиться, как и с тем, что необходимо создавать свою российскую систему оценки научной деятельности.

Наконец, РАН упрекают в неэффективном расходовании средств, выделяемых на фундаментальные научные исследования. Если вспомнить 1990-е гг., то научные работники, особенно в РАН, месяцами вообще не получали никакой зарплаты (как, впрочем, и военнослужащие). Вопрос в том, о каких деньгах идет речь? Это особенно относится к кандидатам наук с зарплатой в 13500 тыс. руб. (как стипендия у ученика водителя троллейбуса) и к аспирантам (с нищенской стипендией в 2.500 руб.), то есть к молодым

ученым. «Эти зарплаты для науки – своего рода оскорбление! При Институте Философии РАН функционирует ГУГН – Государственный университет гуманитарных наук, т. е. мы соединяем преподавание с научно-исследовательской деятельностью, – отметила в интервью Н.В.Мотрошилова. – В Институте философии я заведу Отделом и сектором и одновременно в ГУГН заведу кафедрой истории философии... Вы знаете какая у меня зарплата как у заведующей кафедрой? Три тысячи рублей! За эти деньги, извините, уважающая себя уборщица не махнет метлой. И за приблизительно такие же деньги работают другие преподаватели высокого класса. Это унижительно, недостойно страны и Академии наук. И плохо то, что мы уже привыкли к этому... Ученые – в РАН, и за ее пределами – по сути дела многое делают почти бесплатно...»²⁴². И это является характерной чертой академических институтов (в отличие от коммерческих образовательных учреждений).

Чрезвычайно важным показателем являются затраты на одного научного исследователя, по которому Россия отстает от среднемирового уровня: в 5 раз от США и Германии, в 4 раза – от Великобритании, Франции и Японии. Наиболее низкими являются расходы на одного российского исследователя – представителя общественных и гуманитарных наук. Практика показывает, что возникает «научный барьер», когда «расходы на научные исследования в соответствующих областях начинают отличаться более, чем на два порядка (в СССР работа одного ученого обходилась в 18 раз дешевле, чем в США, в России – более чем в 100 раз). Сейчас, по оценкам экспертов, Япония и Китай тратят на развитие науки и создание технологий примерно в 100 раз больше средств, чем Россия, а США – в 300. Развитие науки в СССР показало, что “научный паритет” во многих областях удавалось поддерживать при меньших в 10 раз затратах, но 100-кратное уменьшение оказалось критическим»²⁴³, что не могло не вызвать беспрецедентную «утечку мозгов» из России.

Приходится констатировать, что многолетнее недофинансирование науки привело к массовому оттоку за рубеж отечественных высококвалифицированных кадров из научно-технической сферы. «Реформы 90-х буквально выкосили настоящих специалистов из многих отраслей. На смену профессионалам пришли дилетанты. Были разрушены научные и профессиональные школы...»²⁴⁴. За

последние двадцать лет численность работающих специалистов в российской науке сократилась более, чем на треть. Только институты системы РАН и отраслевые институты лишились до 70 % сотрудников, около 30 % специалистов ушло из науки вообще, в частности в коммерческие структуры. Многие работают по контрактам с иностранными фирмами. Начиная с «перестройки» в другие страны выехала фактически интеллектуальная элита страны. «Статистическое измерение феномена “утечки мозгов” выражается в следующих показателях: 2,4 млн человек, отошедших от научной деятельности, 1,5 млн докторов и кандидатов наук, эмигрировавших из страны»²⁴⁵. Эмигрируют, как правило, наиболее значимые для научно-технического развития специалисты: физики и математики (52 %), биологи и биотехнологи (27 %), химики (12 %), представители гуманитарных наук (9 %). Причем уезжают научные работники в самом трудоспособном возрасте (49 % из числа эмигрировавших ученых РАН моложе 40 лет), наиболее квалифицированные, активно работающие и публикующиеся, из которых 16 % – доктора и 56 % – кандидаты наук. Эту тенденцию следует переломить, иначе стране грозит интеллектуальная катастрофа. «В соответствии с документами и оценками экспертов ВТО сфера высоких технологий развивающихся стран (включая Россию. – *Авт.*) должна быть демонтирована, а научный потенциал – стать «сырьем» для американской и европейской науки»²⁴⁶. То, что Россия может превратиться в основного поставщика человеческого капитала в другие страны, властными структурами до сих пор не принимается во внимание.

Чтобы предотвратить «утечку мозгов» Министерством образования и науки РФ предлагается выделять ученым-«возвращенцам» гранты в размере 2 млн. руб., а «настоящим» иностранцам – 3 млн долл. При этом зарплаты ученых, которые не покидали Родины в самый тяжелый для отечественной науки период, должны остаться прежними. Как известно, в 1950–1960-е гг. зарплата ученого была в 3,5 раза выше, а профессорско-преподавательского состава вузов в 5 раз выше средней по стране. Ныне оклад ведущего научного сотрудника РАН составляет 17 500 рублей плюс надбавка за ученую степень доктора наук 7 000 рублей, т. е. 24 500 рублей, в то время как зарплата фасовщика любого супермаркета около 40 000 рублей. Из чего видно, что у нас «труд не кормит», осо-

бенно интеллектуальный, поскольку он не ценится, а потому и не оплачивается в российском обществе. Думается, что ставка на масштабный «импорт умов» может привести к конфликту внутри самого научного сообщества, а также стимулировать «внешнюю» и «внутреннюю» эмиграцию (когда одни будут стремиться уехать за рубеж, чтобы навсегда остаться там или вернуться и получать зарплату «ученого-возвращенца»; другие – осваивать более престижные сферы деятельности, где доходы значительно выше). Для научной молодежи в России главное – быть востребованным в своей стране, иметь возможность после окончания вуза устроиться на работу по специальности. Чтобы молодые специалисты не вынашивали идею (уже на последних курсах обучения) уехать в любую зарубежную страну навсегда, необходимо поднять престиж науки в своем Отечестве, привести заработную плату научных работников в соответствие с мировыми стандартами, существующими в развитых странах. Иначе в России исчезнет необходимая «критическая масса умов», без которой модернизация экономики и инновационное развитие в принципе невозможны.

Не менее важно увеличить приток в науку молодых специалистов (в частности, в Российскую Академию наук, что имеет свои трудности, так как Президиум РАН практически не выделяет необходимых для этого ставок). Практика показывает, что большая часть выпускников учебных заведений «всех образовательных ступеней трудоустраиваются не по полученной специальности»²⁴⁷. Некоторые же вообще уезжают за рубеж. А кому совсем не повезло – пополняют ряды безработных. Это объясняется тем, что подготовка специалистов в вузах никак не соотносится с перспективными задачами экономического развития страны, а существующая номенклатура образовательных специальностей совершенно не отражает потребностей отечественного рынка труда. К сожалению, сегодня в России ни со стороны государства (соответствующих министерств), ни со стороны бизнеса (уровень корпораций и фирм), ни со стороны профессиональных объединений социальный заказ на подготовку специалистов стратегически важных и востребованных профессий не формулируется. В этой связи представляется целесообразным восстановить систему «государственного распределения» выпускников после окончания бесплатных отделений вузов. Даже частичное восстановление «аналога си-

стемы государственного распределения выпускников вузов и развитие механизмов целевого обучения способны минимизировать профессиональные нецелевые затраты»²⁴⁸. Это позволит не только не тратить «впустую» государственные средства, но и сохранить национальные кадры. Показательно, что в отличие от Китая, который «требует для эмигрантов полного возмещения расходов на обучение в вузе, российское государство (уже два десятилетия. – *Авт.*) готовит для заграницы кадры бесплатно»²⁴⁹. Возможно и в нашей стране необходима подобная практика для предупреждения эмиграции молодых специалистов. К сожалению, в нынешних условиях большинство российских студентов после получения высшего образования заранее планируют работать за рубежом. В частности, только 6 % выпускников вузов собираются работать в системе РАН и 4 % в отраслевых НИИ, 51 % – в производственных и коммерческих структурах, 21 % – намеревается работать за границей. Согласно опросу 2010 г., среди студентов экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова 2/3 студентов собирается покинуть страну. Одним из механизмов противодействия интеллектуальной эмиграции, помимо повышения уровня материально-социальной обеспеченности, может стать развитие системы кредитного образования и восстановление для студентов, обучающихся за счет средств федерального бюджета, элементов послевузовского распределения. В такой ситуации свобода трудоустройства выпускника «будет ограничена до тех пор, пока он не восстановит своим трудом в соответствующей профессиональной нише предоставленный ему государством или корпорацией кредит»²⁵⁰. Расчеты, проведенные по методике ООН, показывают, что с отъездом одного специалиста Россия теряет около 300 млн долларов. Ежегодно «утечка умов» за рубеж оборачивается для нас ущербом в 60–70 млрд долларов. Сегодня выпускники Бауманского училища, Физтеха, МИФИ, МИРЭА, МГУ, Новосибирского университета, РХТУ, Ленинградского и Уральского политехнических, других ведущих вузов страны продуктивно работают в США, Канаде, Германии и других странах.

Если властные структуры не изменят отношения к образованию и науке, можно прогнозировать в XXI в. дальнейшую активизацию процесса «утечки мозгов» из России, что может привести к значительному отставанию нашей страны от мирового уровня в

ведущих областях науки и техники, связанных с компьютеризацией, экологизацией, развитием информатики, биотехнологии и др. Представители престижных профессий – математики, физики, биотехнологии, электронщики и др. скорее всего будут ориентироваться на работу за рубежом в научных центрах как стран Запада, так и Востока, наращивая научный и технический капитал других стран. Не Россия, а США и страны Запада, а теперь и Востока, получают по этой причине экономический эффект, исчисляемый многими десятками миллиардов ежегодно. Некоторые социальные, политические, военные и иные выгоды просто не поддаются учету.

Опыт таких стран, как Япония, Китай, Южная Корея и других государств, показывает мощную роль такого фактора, как национальное самосознание в сохранении и приумножении интеллектуального потенциала страны. Не случайно в настоящее время самый большой рост числа научных работников происходит в Китае, где развитие науки стало национальным приоритетом. От китайских ученых и тех, кто получил образование в США, Европе, России можно ожидать нового прорыва в мировой науке. Индия экспортирует программный продукт на 25 млрд долл, являя новый пример международного разделения труда, а опыт Японии и Южной Кореи показывает, как быстро могут модернизироваться страны Востока²⁵¹. Поэтому в современных российских условиях важно готовить не только высококвалифицированных специалистов, но и воспитывать патриотов своей страны.

Согласно статистике, за последние полтора десятилетия численность аспирантов в России выросла в 2,5 раза, до 150 тыс. человек; защитили кандидатские и докторские диссертации почти 110 тыс. человек, однако количество кандидатов и докторов наук, занятых в науке, уменьшилось со 115 до 104 тыс., из которых 35 тыс. работают в РАН. Ежегодно можно было бы вовлекать в научный сектор около 5 тыс. кандидатов наук, что позволило бы к концу нынешнего десятилетия снизить средний возраст ученого на 10–15 лет²⁵². Однако для этого необходим принципиально иной подход государства к финансированию науки (как, впрочем, и образования). Тем более, что деньги в стране есть, другое дело, на что они расходуются. Известно, что в разгар финансово-экономического кризиса российские власти израсходовали на регулирование курса рубля свыше 200 млрд долл. В то же время в «целях

экономии» бюджет РАН был сокращен на 3,5 млрд руб. В итоге, общее финансирование 30 программ фундаментальных исследований было урезано на 26 %, а приобретение оборудования – на 40 %. И это при расходах федерального бюджета в 2010 г. на уровне почти 10 трлн руб. Смета затрат на модернизацию страны на ближайшие 4 года превышает 30 трлн руб., но на Российской Академии наук решили «сэкономить»²⁵³. В настоящее время в стране вновь накоплены громадные денежные средства, которые Правительство РФ не знает «во что вложить». Между тем, приходится констатировать, что если еще в недавнем прошлом бывший СССР был одним из лидеров мирового научно-технического прогресса, то нынешняя Россия стремительно обретает статус государства колониального типа. По существу, в начале 1990-х гг. Советский Союз обладал 18 из 50 мировых макротехнологий, в том числе ядерными, космическими, авиационными, нефтегазовыми, а также в области вооружений, энергетического, химического, транспортного машиностроения. По мнению российских специалистов, политика, направленная на развитие науки, дала бы России сегодня возможность присутствовать на 12–15 % мирового рынка наукоемкой продукции, что принесло бы ей 130–150 млрд долл. в год²⁵⁴. К сожалению, за годы либеральных реформ никакой модернизации российской экономики не произошло. Россия, как известно, является, чуть ли не единственной страной в мире, которая одновременно располагает огромным сырьевым и научно-техническим потенциалом. В 1990-е гг. экономическая политика страны «была направлена преимущественно на использование сырьевого потенциала (как, впрочем, и сейчас. – *Авт.*) при резком ослаблении внимания к развитию науки и техники и эффективному использованию в производстве научно-технических работников»²⁵⁵. Конечно, весьма высокая доля сырьевого экспорта была свойственна и бывшему Советскому Союзу. Однако, если начиная «реформы», новая Россия экспортировала 50 % сырья и минералов, а через 18 лет – более 85 %, то ныне почти 90 % валютной выручки нашей стране дают восемь природных ресурсов²⁵⁶. В результате по многим экономическим показателям Россия оказалась отброшенной на десятки лет назад. Причем продолжает углубляться «примитивизация» экономики и деиндустриализация страны. В результате, «чем глубже наша экономика погружается в кризис, – пишет

Р.Симонян – тем настойчивее будут призывы к созданию продуктов с высокой добавленной стоимостью, а слова “инновация”, “модернизация”, “наукоемкие производства”, “технологический прорыв” будут все более часто и более звонко произноситься представителями нынешней номенклатуры. Но созданная в 1990-х гг. экономическая модель направлена на извлечение и распределение сырьевой ренты, а не на развитие народного хозяйства и техниче-ский прогресс»²⁵⁷. Поэтому в настоящий период одной из главных задач государственного управления является определение приорите-тов экономического и научно-технического развития России, что немислимо без научного обеспечения.

Таким образом, невостребованность науки представляет ныне угрозу национальной безопасности России. «Если не изменить подход к науке, – пишет С.М.Рогов, – то произойдет консервация примитивной структуры экономики, усиление научно-технологического отставания страны, дальнейшее снижение международной конкурентоспособности отечественной несырьевой продукции и закрепление униженного для России статуса сырьевого придатка мировых лидеров»²⁵⁸. В результате Россия может оказаться не только в технологической зависимости от развитых стран, но быть отброшена на многие десятилетия, а, возможно, и навсегда на периферию мировой цивилизации.

Для преодоления кризиса российской науки требуется: карди-нальное изменение отношения государства (всех ветвей власти) и общественного мнения к науке, в частности к РАН. «Критическое, и в то же время бережное отношение к Академии наук как к нашему национальному достоянию является неперменным условием ее совершенствования, оптимизации и расцвета в интересах страны. Устойчивое положение Российской академии наук в течение почти 300 лет – во многом результат эволюционного характера ее преоб-разований. Всякие попытки революционной ломки академии, пред-принимаемые неумолимыми “реформаторами”, могут привести к пагубным последствиям, и этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах»²⁵⁹. Не менее важной является выработка иннова-ционной научно-технической политики. Причем государственная стратегия поддержки НИОКР и инноваций должна включать: уве-личение бюджетного финансирования приоритетных направлений фундаментальных исследований (в том числе, в оборонной сфере),

прикладных НИОКР, а также продуманную налоговую политику по стимулированию расходов частного сектора на НИОКР («налоговые расходы»), чтобы бизнесу было выгодно тратить деньги на технические новинки. «Инновационный путь развития экономики сегодня является единственно возможным для России... Это значит, что многократное увеличение затрат на НИОКР соответствует задачам модернизации страны»²⁶⁰. Требуется также разработка закона о промышленной политике, цель которого – в достижении лидерства России в нескольких ключевых высокотехнологичных секторах мирового рынка. «Закон должен базироваться на концепции единства национальной промышленности, инноваций, образования и науки как основы национальной “экономики знаний”, на традициях старой научно-образовательной школы, доказавшей свою эффективность и в условиях рынка, и конечно, на роли государства – консолидирующего начала, задающего целеполагание. Формирование такой промышленной политики в ближайшие восемь лет – исторический шанс России войти в число мировых экономических лидеров XXI столетия»²⁶¹. Отсюда следует, что без ускоренного развития сектора науки, сохранения и приумножения интеллектуального потенциала решение проблемы модернизации экономики, как и других стратегических задач, стоящих перед Россией в XXI в. в принципе невозможно.

РАЗДЕЛ III

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Глава 9. Модернизация и повседневность: тренды постсоветской эпохи

Модернизация – это сдвиг не только технологический, это трансформация всех сфер, срезов и сегментов общества, в том числе содержания и стандартов повседневной жизни. Это ревизия и переопределение как базисных ценностей, совокупности социальных норм, так и существующих поведенческих стереотипов.

Трактовок и определений того, что есть повседневность, существует множество. Не хотелось бы посредством компиляции и соединения совместимого создавать некое новое определение феномена. Едва ли в этом есть необходимость, учитывая задачи этого небольшого текста и то, что центральной темой данной коллективной работы является все же не повседневность, а модернизация. В первом приближении повседневность – это совокупность привычных, рутинных, повторяющихся форм и стереотипов жизнедеятельности человека, воспроизводимых в основном механически, вне рефлексии, и протекающих в стандартных, общеизвестных ситуациях²⁶².

Очевидно, что социальные философы не могут ограничиться чисто феноменологическим пониманием повседневности. Как представляется, специфика социально-философских размышлений по поводу повседневности предполагает ее рассмотрение как сложным образом опосредованной проекции всей системы общественных отношений, всех присущих ей противоречий и конфликтов. Заметим, кстати, что подобная постановка вопроса имеет немало сторонников. В частности, можно вспомнить немецкого фи-

лософа-феноменолога Бернхарда Вальденфельса, который вслед за Норбертом Элиасом подчеркивал, что нельзя обыденную жизнь представлять в качестве особой автономной сферы, отделенной от общества с его структурами власти²⁶³.

Кроме того, социально-философский подход к проблематике повседневности должен включать и, возможно, даже акцентировать динамическое измерение социальной действительности: не повседневность как данность, а повседневность как процесс, повседневность как текучая, трансформирующаяся реальность. В этом контексте особенно важно понять, каким образом изменяется, варьируется та черта, та грань, которая отделяет рутинное, каждодневное, стереотипное – от экстраординарного, будничное – от «праздничного», и как экстраординарность превращается в рутину, и наоборот, как то, что было рутинной, становится неординарным. Ибо грань между рутинным и экстраординарным – лабильна, вариативна, вибрирует и постоянно смещается в ту или иную сторону.

Определение того, что привычно, рутинно, а что экстраординарно, зависит от стадии развития общества и от степени динамичности протекающих в нем процессов. Кроме того, оно в известной мере конвенционально, как конвенциональна любая социальная норма, существующая в обществе. Неординарное непрерывно превращается в рутинное в ходе технического прогресса и социальных трансформаций. Некоторые, вероятно, помнят, что в 1950-е гг. в СССР импортная шариковая ручка была раритетом, жевательная резинка была дефицитом, причем, не продаваемым в магазине, а привозимым из-за границы. И телевизор КВН-49 был если не роскошью, то символом материального благополучия доступным далеко не всем (что отражено, в частности, в известном фильме «Пять вечеров»). Сегодня же плоский телевизор с изображением 3D не является ни дефицитом, ни знаковым артефактом, его можно свободно купить в торговом центре.

В то же время неординарное, и неординарное не в силу того, что оно выходит за пределы повседневной рутины, а даже неординарное, выходящее за рамки социальной нормативности, становится повседневностью и обыденностью. Как стало, например, повседневностью для многих наших сограждан регулярное посещение церкви – то, что еще три десятилетия назад считалось в СССР

едва ли не вызовом существующему порядку вещей. В сущности, повседневность в определенном смысле вбирает в себя и рутину, будничное, ординарное, и выход за рамки рутинного, праздничное в самом широком смысле слова. И.Т.Касавин и С.П.Щавелев подчеркивают, что «повседневность, взятая в целом, как социальный феномен, вряд ли мыслима без целого набора своих *бинарных оппозиций* (вроде игры, праздника, ритуала, беды и прочих вызовов жизни...)»²⁶⁴. Н.В.Розенберг, защитившая не так давно докторскую диссертацию по проблематике современной российской повседневности, также полагает, что структура повседневности обладает сложной полиуровневой организацией, включающей в себя амбивалентные элементы, выражающиеся в дихотомиях инновационных и традиционных компонентов (привычка – спонтанность; ритуал – внезапность; рутина – креативность; будни – праздник; традиция – мода; стабильность – экстремальность; реальность – виртуальность), и бивалентные – ценности, менталитет, язык, образующие единство традиций и инноваций²⁶⁵. Наконец, С.Н.Тесля фиксирует присутствие в ткани повседневной жизни погребальной символики²⁶⁶.

Вместе с тем для социального философа едва ли подлежит сомнению, что повседневность – сфера конфликтов и противостояний, открытых и скрытых, конфликтов и коллизий, являющихся в числе прочего следствием разнонаправленности векторов и трендов фундаментальных исторических процессов. Иными словами, для социального философа повседневность не может не быть проявлением и средоточием социальности.

В последние два десятилетия проблематика повседневности была актуализирована как феноменологами, так и философами, весьма далекими от феноменологической парадигмы. Появился целый ряд серьезных, значительных работ²⁶⁷. Не будем здесь касаться причин этой «реабилитации повседневности», это увело бы нас далеко в сторону, отметим лишь сам факт того, что проблемное поле, связанное с изучением повседневной жизни, детализировано, дифференцировано и серьезно проработано.

Некоторые узлы этого проблемного поля нашли отражение в ряде публикаций автора (прежде всего вопросы методологии исследования и способы, масштабы и механизмы воздействия власти на повседневность)²⁶⁸. Едва ли имеет смысл повторять здесь уже

сказанное. Но еще раз отмечу главный тезис, который обосновывается и по мере возможностей реализуется в этих публикациях: чисто феноменологических методов недостаточно для того, чтобы решить задачу социально-философского анализа повседневности (как, вполне возможно, недостаточно и социально-философских подходов для того, чтобы исчерпывающе и эффективно исследовать феноменологию повседневности).

Здесь мы постараемся, не затрагивая общих, теоретико-методологических проблем изучения повседневности, остановиться точно на некоторых конфликтных точках развития и трансформации повседневности в условиях российской модернизации конца XX – начала XXI в., модернизации неполной, частичной, вялотекущей, неравномерно развивающейся как по периметру российского макросоциума, так и по различным общественным сферам и сегментам.

1. Модернизация: технологическое и человеческое измерение

Дореволюционная Россия не ощущала, что она и Запад принадлежат к двум разным социальным системам. Нынешняя Россия по большому счету не определилась. Вернее, каждая из существующих в ее лоне «Россий» определилась по-своему и различным образом. Во времена Советского Союза наша страна и Запад стали двумя противостоящими друг другу мирами с различными системами ценностей и стандартами поведения. Эта противоположность всячески акцентировалась, как на Западе, так и в особенности в СССР. Появилось понятие «социалистический образ жизни».

После горбачевской перестройки и революции 1991–1993 гг. противостояние повседневностей и образов жизни закончилось – от эпохи «холодной войны» сохранились лишь рудиментарные проявления политического и геополитического противостояния. Новая Россия встала на путь интенсивной реструктуризации экономики, политики и, разумеется, повседневной жизни.

Видимая часть айсберга

Отметим, по необходимости кратко, пунктиром, наиболее значимые моменты, изменившие повседневность бывшего советского, а ныне российского человека, перечислим сегменты социальности, ставшие объектом этих изменений.

(1) *Финансовая сфера: деньги, валюта, банки, инфляция.* После глобального исторического слома 1991 г. инфляция стала кардинальным фактором постсоветской повседневности, определяющим стратегию личной жизни и тактику повседневного существования. Напомню, что после либерализации экономики и так называемого «отпуска цен» в начале 1992 г. последние, по некоторым подсчетам, в течение месяца выросли примерно на 350 %²⁶⁹. Рост цен и индексация заработной платы стали интегральной частью постсоветской повседневности. В этой ситуации население попыталось снизить негативное воздействие инфляционных процессов, проще говоря, обесценения денег, за счет конвертации их в иностранную валюту, доллары.

В советское время, как известно, операции с иностранной валютой и владение таковой рассматривалось властью как уголовное преступление, каравшееся весьма жестко, вплоть до высшей меры (вспомним дело Рокотова – Файбышенко – Яковлева). После крушения Советского Союза и краха советского социализма как социального строя и как идеи ситуация радикально изменилась. В 1990-е гг. обмен российских рублей на валюту стал актуальным и массовым занятием. Эти практики обращения с личными денежными средствами де-факто подверглись процедуре *оповседневнивания*²⁷⁰, вполне по Веберу. Граждане даже самые скромные излишки хранили в долларах, чтобы избежать потерь от сильнейшей инфляции, *подменивая* их по мере необходимости на рубли. Стабилизация курса начинается где-то с мая 1995 г. (впервые за несколько лет курс доллара по отношению к рублю даже начал снижаться); затем был короткий период относительной финансовой стабильности – и обвал в августе 1998 г.

Власть, ощущая ненормальности этой ситуации, пыталась на нее повлиять, в том числе и административными методами. В частности, в какой-то момент последовало запрещение обозначать ценники в долларах. Но проблема могла быть решена только стаби-

лизацией курса национальной валюты, и в какой-то момент, после дефолта 1998 г. и отчасти именно вследствие дефолта, сделавшего курс рубля реальным, она была хотя бы отчасти решена. Кстати, в 90-е евро еще не было, евро – ровесник XXI в.

Помимо существования в условиях перманентной инфляции знакомство рядовых российских граждан с финансовой сферой предполагало получение приватизационных чеков и, по общему правилу, их продажу за чисто символические суммы или передачу в так называемые чековые инвестиционные фонды. Затем наступила эпоха финансовых пирамид: МММ, «Хопер-Инвест», «Гермес-Финанс», «Чара-банк». Эта волна финансовых афер и спекуляций привела к катастрофе и разорению многих российских граждан, соблазненных перспективой быстрого обогащения, и едва ли не всех их – к разочарованию и тотальному недоверию к власти, банкам и предпринимательству как таковому.

Вместе с тем в денежно-финансовой сфере появляются и вполне позитивные новации, быстро проникающие в повседневную жизнь, например, банковские пластиковые карты, на которые переводится зарплата значительной части бюджетников и сотрудников частных фирм. Банковские платежные карты оказываются полезными состоятельным людям в элитных магазинах в России и весьма значительной части населения, проводящей отпуск за рубежом. Внедряются современные электронные методы оплаты услуг ЖКХ, телефонной связи, энергообеспечения через банковские терминалы.

(2) *Переоснащение сферы торговли и обслуживания.* Либерализация экономики постепенно привела к исчезновению дефицита в советском понимании слова. Соответственно – к ликвидации очередей и изменению облика и качества повседневной жизни граждан. Но одновременно происходило внедрение не только экономических инструментов борьбы с дефицитом и очередями, но и механизмов чисто технических. Видимых и фиксируемых индивидами в потоке их повседневной жизни. В частности, речь идет о современных методах маркировки и обработки товаров: штрих-коды и сканеры. Модернизация этого сегмента повседневной жизни происходит стремительно и незаметно. К рубежу «нулевых» и «десятых» граждане уже не помнят, что кассиры когда-то пользовались счетами, а ассортимент товаров был таков, что продавец знал наизусть, что в его отделе сколько стоит.

(3) *Автомобилизация*. За два десятилетия стремительной трансформации российской повседневности колоссально выросло количество личных автомобилей. Если 25 лет назад подавляющее число граждан добиралось на работу в общественном транспорте, то сегодня количество граждан, использующих для этого собственные автомобили, вполне сопоставимо с трафиком общественного транспорта. При этом радикально изменилось соотношение между автомобилями отечественного производства и иномарками – здесь достигнуто своеобразное равновесие. В мегаполисах это соотношение, вероятно, уже в пользу иномарок.

Одновременно реальностью крупных городов и особенно мегаполисов стали чудовищные пробки, превратившиеся в существенный фактор повседневной жизни. Заметим, что пробки помимо всего прочего парадоксальным образом маркируют и высвечивают некую новую социальную реальность: у населения есть возможность и время стоять часами в пробках, но нет времени читать книги, заниматься в художественной самодеятельности или играть в шахматы.

(4) *Интернет*. Русскоязычный интернет, Рунет, – явление недавнее, глубоких исторических корней не имеющее. Напомним некоторые значимые вехи. В 1994 г. российские коммерческие и научные сети получили полноправный доступ к интернету Европы и США. В том же 1994 г. открывается первый общественно-политический русскоязычный ресурс в Сети – «Московский Либертариум». Тогда же появляется первая полнотекстовая электронная русская библиотека – Библиотека Максима Мошкова. В марте 1995 г. открывается первый сайт русскоязычного печатного СМИ – «Учительской газеты». В сентябре 1995 г. появляется первый массовый коммерческий провайдер – «Россия-онлайн». В январе 1996 г. в Петербурге открывается первое в России интернет-кафе «Тетрис», а в феврале того же года в том же Петербурге начал выходить первый журнал, полностью посвященный интернету, – “Internet Journal”. В середине 1996 г. началась работа над поисковой системой Rambler (запущенной в том же году). Наконец, осенью 1997 г. открылся информационно-поисковый портал Yandex.ru.

Сегодня, в начале второго десятилетия XXI в., интернетом в России, по разным данным пользуется (то есть хотя бы один раз в месяц заходит в Сеть) от 60 до 75 % населения. Из них ежедневно

пользуются интернетом 50,1 миллионов россиян, или 43 процента совершеннолетних жителей страны²⁷¹. Развитие чрезвычайно стремительное; знаковые события, социокультурные аналоги которых, например, в книгоиздании или на телевидении, некогда разделяли годы и десятилетия, отделяются друг от друга месяцами.

В свое время, оставив за рамками исследования интернет как атрибут повседневности, мы предприняли попытку проследить *бытие-в-интернете* как проявление человеческой сущности, увидеть Всемирную сеть как жизненное пространство, где присутствует любовь, дружба, надежды и разочарования, личное самоутверждение и творческая самореализация, как сферу, где проявляются комплексы и фобии, и т. д.²⁷² Иными словами, речь шла об экзистенциальной составляющей взаимоотношений человека и Всемирной сети, связанной с проявлением глубинной сущности человека как «социального животного» и выражением индивидуальности каждого конкретного субъекта. Но есть и другой срез проблемы «человек – интернет», предполагающий рутинное, полуавтоматическое, если не ежедневное, то, во всяком случае, регулярное повторение привычных, стандартных действий и манипуляций, то, что принято связывать с понятием *повседневность*.

Одним из наиболее важных явлений, связанных с развитием русскоязычного интернета, стало превращение его из чисто информационного фактора, инструмента профессиональной деятельности, в конце концов, орудия познания в самом высоком смысле этого слова в феномен *повседневности*, форму времяпрепровождения, составляющую частной жизни человека. В некий аналог радиовещания и телевидения, с точки зрения его места в повседневной жизни, но аналог, по своим возможностям выходящий далеко за рамки возможностей средств коммуникации предыдущих поколений. Интернет дает возможность купить – продать, причем купить – продать, предварительно тщательно изучив параметры товара, а то и получить нечто в подарок (на сайтах типа «Отдам даром»), узнать результаты последних футбольных матчей, проследить онлайн за поединком шахматных гроссмейстеров, узнать прогноз погоды, курс доллара, тарифы на услуги слесаря ДЭЗа, расписание электричек с внесенными в него изменениями, изучить аннотации необходимых лекарств и номера свежих газет и журналов, отправить поздравления друзьям с праздником или днем

рождения, найти партнеров на сайтах знакомств и восстановить контакты со школьными друзьями и однокурсниками в социальных сетях типа «Одноклассники» или «ВКонтакте», скачать музыку, книги, научные или художественные, а также готовые рефераты (облегчение студенческой жизни вплоть до возможности не учиться вообще), осуществить различные платежи, начиная с оплаты самого интернета и вплоть до ставок на тотализаторе, проинформировать о готовящейся политической акции и многое, многое другое. Мы уже не говорим об интернете как о сегменте развлечений.

(5) *Сотовая связь*. Первая автоматическая коммерческая система сотовой связи была введена в эксплуатацию в Чикаго в октябре 1983 г. компанией AT&T. Первой коммерчески успешной сотовой сетью была финская сеть ARP. Введенная в эксплуатацию в 1971 г., она достигла стопроцентного покрытия территории Финляндии в 1978 г., а в 1986 г. в ней было более 30 тыс. абонентов. В России сотовая связь начала внедряться с 1990 г., коммерческое использование началось в 1991 г., когда в Петербурге компанией «Дельта Телеком» была запущена первая в России сотовая сеть; тогда же мэром Петербурга А.А.Собчаком был совершен первый символический звонок по сотовой связи²⁷³. Первые мобильные телефоны, появившиеся в России, стоили порядка \$ 5 тыс. и были похожи на небольшой чемодан. Но сотовые телефоны становились все более компактными, стоимость услуг снижалась. В итоге если в конце 1999 г. сотовую трубку имел лишь каждый сотый россиянин, то на рубеже «нулевых» и «десятых» на каждого жителя страны приходилось уже порядка 1,5 sim-карты.

(6) *Выезды за границу*. Сегодня, в начале XXI в., отдых, туризм, учеба, работа за границей стали в России массовым явлением. Хотя не надо преувеличивать его масштабы: по данным Левада-центра, на начало 2013 г. 70 % россиян никогда не выезжали за границу, у 83 % не было загранпаспорта²⁷⁴. Но и 30 % выезжавших и 17 % имеющих загранпаспорта – это серьезные цифры. В конце концов, катается на лыжах, играет в шахматы едва ли более 17 %, да и читает книги сейчас едва ли более трети населения.

(7) *Цифровая фотография*. В советское время фотография была распространенным увлечением («хобби»), хотя и довольно специфическим. Ведь проявление пленок и печать фотографий – это значительные затраты времени да отчасти и денег. Увлечение

не самое дорогое, но и не самое дешевое. Кроме того, это увлечение несет в себе потенциал разочарований, ибо на любительском уровне конфликт между ожидаемым и возможным неизбежен.

Сейчас, в эпоху цифровых камер и мобильных телефонов с встроенными камерами, фотография стала составляющей повседневных практик десятков миллионов людей. Это дает новый тип существования и новый тип повседневности. Возможность задокументировать целую жизнь, изо дня в день, в деталях. Фиксируемая, документируемая, сохраняемая, регистрируемая повседневность.

Отчасти камеры «Полароид», позволявшие делать моментальные снимки, были подходом к этому. Но это были не очень мобильные и не вполне подходящие для съемки динамичных объектов аппараты. Кроме того, стоимость одной фотографии была не столь ничтожна, чтобы возможно было фиксировать все вокруг непрерывно и исчерпывающе.

Заметим, что адаптация всех этих немаловажных инноваций, пришедших в Россию с минимальным и притом постоянно сокращающимся лагом от Запада, далеко не является чем-то само собой разумеющимся, как может показаться: напротив, этот процесс социально и политически детерминирован. Напомним, что СССР далеко не всегда успевал за *элементарными* новациями, внедряемыми на Западе в повседневную жизнь; например, туалетная бумага становится фактом советской повседневности лишь в конце 1960-х гг., после того как для Сясьского целлюлозно-бумажного комбината, что в Ленинградской области, были закуплены два мощных английских бумагоделательных агрегата.

Итак, технологическая модернизация повседневной жизни в России в значительной мере осуществилась. Особенностью нынешнего витка модернизации, которая развернулась в первую очередь в пространстве повседневной жизни, является то, что она не идет сверху, не проводится за счет ущемления или экспроприации каких-то социальных классов или слоев, как проводились практически все предшествующие российские модернизации, она не затратна, не дотационна, а экономически обоснована, эффективна, целесообразна, выгодна, самодостаточна, в конце концов. Здесь нет понятия «цена модернизации». Это модернизация, ориентированная на гражданское общество, поскольку повседневность – это атрибут и измерение этого общества. Модернизация банковской

деятельности, техническое оснащение торговли, мобильная связь, интернет и т. д. – все это окупается и приносит прибыль. Потому этот вектор модернизации устойчив и стабилен. В отличие, например, от модернизации авто- и самолетостроения, не говоря уже о модернизации военно-промышленного комплекса.

Говоря о социальных измерениях технологической модернизации рубежа веков, отметим прежде всего очевидный тренд к рутинизации действий, которые первоначально представляли собой чрезвычайные и экстраординарные усилия индивидов по выживанию (речь идет прежде всего о действиях граждан на валютном рынке) и в конечном счете стабилизацию повседневности, но уже в новых, даже не мыслимых в советское время формах.

Процесс внедрения технологических новаций в российскую повседневность был слишком стремительным для того, чтобы выделять в нем какие-то этапы. Но один тренд здесь очевиден – упомянутые технологии, практики и артефакты внедрялись сначала в наиболее состоятельных стратах общества и относительно благополучных регионах, а затем, по мере снижения стоимости новинок и роста благосостояния общества, «расплывались» по более широким социальным слоям и географическим ареалам. И это был процесс того типа, который описан Н.Элиасом в его знаменитой работе «О процессе цивилизации»: цивилизация распространяется сверху вниз и одновременно расплывается вширь и вглубь. Элиас в свое время описал процесс включения в придворный обиход неких революционных с точки зрения этого обихода предметов: вилки, носового платка и соответствующих поведенческих практик²⁷⁵. В контексте нашего исследования появление вилки сначала в придворной среде, а затем в повседневной жизни более широких слоев населения может быть интерпретировано как своего рода знак модернизации. Но цивилизация – это, конечно, не появление вилки как таковой, а введение практик самоконтроля и самопринуждения индивида, которое связано с внедрением в пространство этикета, а затем и в пространство повседневной жизни новых, дисциплинирующих артефактов. Хотя *процесс цивилизации* состоял, помимо всего прочего, и в том, что расширялся социальный ареал, в рамках которого утверждались новые техники и практики разделки и приема пищи, в частности, использование ножа и вилки вместо того, чтобы, как это было принято, рубить мясо мечом и

отправлять куски в рот руками, – и соответственно, утверждались новые дисциплины. А также в том, что новые практики распространялись поверх классовых и сословных границ.

Равным образом процесс трансформации повседневности в современной России постепенно распространяется, расплывается и на все этажи возрастной пирамиды. Хотя это распространение идет сложно и противоречиво. Ибо из модернизационной матрицы часто выпадают (или не полностью в нее включаются) значительные сегменты людей старших поколений, более консервативных и не обладающих навыками, необходимыми для освоения всех современных технологических новинок и *оповседневнивания* соответствующих практик.

Человеческое измерение

Все перечисленное выше серьезно видоизменяет повседневность и придает ей новое качество. Сокращается время, необходимое для решения рутинных, повседневных дел, на них затрачивается меньше усилий, проблемы решаются с большим комфортом и меньшими издержками. Снижается степень зависимости индивида от обстоятельств. Увеличивается количество свободного времени, которое, по Марксу, является основным мерилем богатства любого общества. Это некая иная ступень повседневности, своего рода – для России, конечно, – «постсоциалистический образ жизни».

Ибо распространение мобильных телефонов – это не только составляющая технологической модернизации, это непрерывность общения и новое его качество. Равным образом, автомобиль – это не только более комфортный, по сравнению с общественным транспортом, способ передвижения, это новый веер возможностей. Например, это возможность отдать ребенка не в ближайшую школу, уповая на то, что качество образования в ней окажется приемлемым, а устроить его в школу с высоким качеством образования, где бы она ни находилась, и ежедневно отвозить его туда на машине, соответственно, забирая после занятий. И тот же интернет – это не только набор функций, которые он обеспечивает, но изменение качества жизни. Например, исчезает необходимость физического присутствия в библиотеке: многое (хотя, конечно, не все) стано-

вится возможным прочитывать, не выходя из дома или не покидая своего рабочего места. И это существенно облегчает жизнь научных работников, преподавателей школ, вузов и т. д.

Глобальные макроэкономические изменения, будучи спроецированными на повседневность, принесли также некие, на первый взгляд, парадоксальные сдвиги в сознании и поведении людей. Весьма возможно, что в постсоветскую эпоху, когда стало возможным зарабатывать достаточно серьезные деньги, и не стали меньше употреблять алкоголя в целом, «на круг». Но появились целые социальные сегменты, в которых *питие* не является стандартом, нормой и добродетелью и где значителен слой людей, вообще не употребляющих алкоголь. Причем, как в среднем классе, так и среди представителей рабочих профессий. Знаменитый пьющий сантехник все больше становится советским мифом, исчезая из постсоветской реальности. Дилемма «водка или айфон» – это то, чего точно не существовало в советском обществе.

Но модернизация повседневности влечет за собой последствия не только однозначно позитивные, но и весьма противоречивые, порой двусмысленные. Инфляция и финансовые катаклизмы создают социальный дискомфорт и ощущение неуверенности. С прогрессом современных средств связи увеличивается интенсивность повседневного существования, нервное и психологическое напряжение. Еще П.Бергер и Т.Лукман отмечали, что «напряженность сознания наиболее высока в повседневной жизни, т. е. последняя накладывается на сознание наиболее сильно, настоятельно и глубоко»²⁷⁶. Но в ситуации России рубежа веков речь идет как бы о напряженности внутри напряженности, о напряженности, порожденной не просто повседневностью, но ломающейся, стремительно трансформирующейся, нестабильной повседневностью.

Трансформация реальности и интенсификация жизни порождают иное, предельно утилитарное отношение к времени, в духе максимы «время – деньги». Соответственно, уходят из повседневной жизни миллионы людей, отодвигаются далеко на второй план многие требующие времени занятия и развлечения. В шахматы, например, стали играть меньше, даже энтузиасты уже не просиживают субботы и воскресенья за преферансом. Время делится по-иному: максимально увеличивается время зарабатывания денег – и сокращается время всякого иного времяпрепровождения. Но это, разумеется, тренд, не общая норма.

Современные технические средства увеличивают интенсивность контактов, но сокращают сферу личного общения людей (как, впрочем, и констатированная выше прагматизация использования времени). В.Д.Лелеко отмечает значение темпоральных характеристик повседневной событийности, которые включают такие показатели, как *скорость течения событий* и *частота смены одного события другим*. Они, полагает исследователь, задают *темпоритм повседневности* и определяют *плотность событийного ряда повседневности*²⁷⁷. В контексте этой теоретизации очевидно, что «плотность повседневности» в последние два десятилетия существенно возросла.

Интернет отучает от серьезного чтения, вполне вероятно, каким-то образом влияет на мыслительные способности людей и, как полагают некоторые эксперты, даже на функции головного мозга. Индивиды существуют в социальной среде, влияние которой на человека, если иметь в виду длительную перспективу, не изучено и не вполне предсказуемо. Иными словами, за каждый новый виток технологической модернизации человечество платит определенную, и отнюдь не символическую, цену.

2. Возвратное движение: архаизация повседневности

Примечательно, однако, что параллельно с модернизацией повседневности происходит и иной, обратный процесс, а именно определенная, сегментарная архаизация повседневной жизни, некое возвратное движение, внедрение в повседневность XXI в. практик и стереотипов, которые были типичны для повседневной жизни давно, казалось бы, ушедших времен.

Уже упоминавшийся выше Б.Вальденфельс, говоря о механизмах возрождения ценности повседневного, замечает, что существует «путь возвращения к архаичным состояниям, когда Логос и Техне еще не обрели свой собственный предмет. Очарование, производимое прошлыми архаичными формами, возвышает повседневность, преодолевая тенденцию ее развенчания, но при этом происходит перерождение повседневного в суррогат архаики, что, в свою очередь, не позволяет древним формам жизни стать вновь конкурентоспособными»²⁷⁸. Это замечание вполне соотносимо с нынешней российской реальностью.

Деформации реальности

(1) *Клерикализация обыденной жизни.* В современной России отчетливо прослеживается ревитализация архаичных матриц организации социальной жизни: в частности, религия в разных форматах проникает в пространство светской жизни: школу («православная культура»), вузы (вспомним хотя бы университетские «домовые» церкви), армию.

(2) *Переструктуризация сферы занятости и трансформация «среды обитания».* Социологи констатируют увеличение значимости и привлекательности досуговой деятельности в российском обществе, в то время как значимость работы в иерархии индивидуальных приоритетов и оснований для самоуважения снижается²⁷⁹. Происходит очевидная эрозия трудовой этики, гедонизация и даже в какой-то степени рантьеризация бытия. В современной России, как и в большинстве развитых стран, значительную часть непрестижных и трудоемких работ, прежде всего связанных с тяжелым физическим трудом, выполняют гастарбайтеры. Нормой стали гастарбайтеры-дворники, гастарбайтеры-водители, гастарбайтеры-продавцы, маршрутные такси с водителями – выходцами с юга. Мы не говорим уже о строительной индустрии и о рынках. Это создает совершенно иную среду обитания и иную атмосферу повседневной жизни, нежели та, что существовала в советское время в условиях прописки и жесткого контроля въезда-выезда на границе. И эта среда, эта атмосфера не являются комфортными ни для местного населения, ни для трудовых мигрантов. Реальностью стала гальванизация национальных предрассудков и бытовая ксенофобия. Конечно, нападения на улицах российских городов на людей с неславянской внешностью – это эксцессы, не рутина, не повседневность. Но если люди с неславянской внешностью зачастую предпочитают оставаться дома и не выходить лишний раз на улицу, особенно в темное время суток, – это уже некоторая трансформация (и деформация) повседневности.

(3) *Нетрадиционные способы зарабатывания денег.* «Нетрадиционные» – это прежде всего полуправильные и нелегальные способы работы. Начиная с примитивной проституции и посещения митингов за деньги и вплоть до продажи своих голосов на выборах, небезвозмездного предоставления своих документов для реги-

страции фирм-однодневок и своих трудовых книжек для того, чтобы по ним были оформлены люди, которые не могут устроиться на ту или иную работу легально.

(4) *Изменение повседневных стереотипов поведения.* Эти изменения в значительной степени являются следствием изменения и трансформации типизаций, которые, как известно, являются опорными точками, ориентирами, которые использует индивид для нерефлексивной, полуавтоматической ориентации в пространстве повседневности. Например, с некоторых пор граждане предпочитают не встречаться лишней раз с милиционером/полицейским (не говоря уже о пересечении автовладельцев с сотрудниками ГИБДД), и это стало стереотипом повседневной жизни, основанным на сформированной повседневным, притом едва ли позитивным, опытом бинарной типизации.

(5) *Авантюризация социального поведения.* На качество и характер повседневной жизни России конца XX–XXI вв. **накладывает** отпечаток переходность эпохи. Переходная эпоха, переходность ценностей, принципов, сознаний. Релятивизм и девальвация ценностей, одни из которых уже скомпрометированы, другие еще не устоялись или стали доступны в карикатурной, вульгаризированной форме. В этой общественной атмосфере соблазн заработать быстро много денег для многих россиян был непреодолимым. Мы уже говорили об МММ-морфных спекулятивных финансовых институтах. Добавим сюда казино (для состоятельных слоев общества) и игральные автоматы (для всех прочих) – зло, с которым власть действительно пытается бороться, в том числе, используя законодательные механизмы; следует упомянуть также букмекерские конторы. Авантюризация поведения граждан, долгое время лишенных возможности проявлять инициативу и рисковать, азарт, являющийся неким отблеском «большого азарта» первоначально накопления, означают, помимо всего прочего, кризис и обвальный распад типизаций советской эпохи и соответствующую ломку стереотипов поведения.

П.Бергер и Т.Лукман пишут о неких *инстанциях преобразования*, которые кажутся тотальными в сравнении с меньшими изменениями, и именуют их *альтернативами*²⁸⁰. В этой системе координат констатированная выше авантюризация сознания и социального поведения российских граждан – это, несомненно, род альтернативы.

Итак, мы имеем два листа, два списка. В первом – технологические новации, достижения и знаки технологической модернизации. Во втором – изменения социального, социокультурного и гуманитарного порядка.

Первые – в основном позитивны, вторые – в значительной степени негативны. Очевидно, что внутри матрицы модернизационных процессов, в том виде и в той степени, как они имеют место в России, действуют разнонаправленные тренды и векторы. Речь идет о *разновекторности* составляющих процесса и присущих ему внутренних противоречиях.

При этом необходимо констатировать, что негативные процессы, определенная архаизация социального пространства, происходящая на фоне вялотекущей и селективной модернизации, – это не органическая часть процесса, не нечто, порождаемое самим процессом и имманентное ему, как было, например, в петровской модернизации. Скорее, речь должна идти о некоем параллельном процессе, который отчасти инициируется властью, отчасти происходит спонтанно. И этот параллельный процесс никак не связан с рассматриваемой нами модернизацией.

Повседневность как сфера властного регулирования

Власть воздействует на повседневность тремя основными способами. Прежде всего она стимулирует производство и воспроизводство удобных ей типизаций, в частности, посредством пропагандистских манипуляций и законодательной деятельности. Ибо есть типизации спонтанные и есть типизации управляемые, направляемые, стимулируемые.

Общий, причем, преобладающий вектор этой стимулируемой типизации – это проекции дилеммы Карла Шмитта «друг – враг» на неполитическое социальное пространство, пространство повседневной жизни в том числе. В котором эта дилемма предстает уже не как антитеза «друга» и «врага», а как противопоставление по линии «свой – чужой». Таким образом, механизмы повседневности упрощаются и уплощаются: мы – они, местные – пришельцы, кавказцы – русские, верующие – безбожники.

Между тем возрождение и выдвижение на первый план типизаций, производных от национальных, этнических или социальных признаков, несомненно, означает примитивизацию социальной ткани и вульгаризацию повседневности. А универсальная, сложносоставная, многофакторная типизация, исключая членение человеческих множеств на примитивные бинарные оппозиции, отодвигается далеко на второй план и работает уже только в узких и ограниченных сегментах социума.

Российская повседневность все больше становится сферой бинарных типизаций. Например, закон о запрете пропаганды гомосексуализма очевидным образом стимулирует разделение и противопоставление людей с традиционной (гипотетические «мы») и нетрадиционной сексуальной ориентацией (гипотетические «они») и производство соответствующих типизаций. Власть стимулировала создание антагонизма между столичным «креативным классом» и «настоящей», «подлинной», нестоличной Россией – и воспроизводство соответствующих типизаций, которые должны функционировать в мельчайших складках социальности, прежде всего в пространстве повседневности. И эта типизация накладывается на широко распространенные провинциальные предрассудки, опирается на них и гальванизирует их.

Еще один тренд последнего десятилетия – прямое вмешательство власти в повседневную жизнь людей. Это вмешательство не является опосредованным или отраженным воздействием неких макроэкономических решений, а именно прямым и непосредственным вторжением. Приведем несколько характерных примеров: запрет на курение в общественных местах, ограничение продажи алкоголя более жесткими временными и пространственными рамками, законы о борьбе с шумом (пресловутый «закон о топоте котов») и т. д.

Отмена так зазываемого «зимнего времени», но не ради возвращения к времени естественному, поясному, а ради того, чтобы заставить население России на протяжении всего года выстраивать свою повседневную жизнь по так называемому «летнему времени». Одним росчерком пера заставить население вставать долгой российской зимой на час раньше. Перевод страны на летнее время и существование страны по летнему времени на протяжении

бесконечной русской зимы – это предельный пример зависимости повседневной жизни населения от власти и деформации этой повседневности властью.

Наконец, власть встала на путь наращивания неких технологических инструментов, прежде всего дисциплинарных. Насыщение пространства жизни людей видеоаппаратурой – это, несомненно, попытка реанимировать, причем на новой технологической основе, принципы и технологии паноптизма, воплощенные Бенхамом в Паноптиконе и столь впечатляюще анатомированные Фуко²⁸¹.

О том, что этот инструмент, видеонаблюдение, при всей его кажущейся универсальности и гипотетической полезности для общества, остается составной частью технологий власти, свидетельствуют некоторые характерные факты. Например, когда после правонарушений и аварий, совершенных фигурантами, имеющим отношение к властным или околотовластным структурам, парадоксальным образом не находится следов видеозаписей. В частности, зафиксирован случай, когда, после аварии с трагическим исходом, совершенной небезразличным власти фигурантом, оказались утраченными записи с двадцати двух камер наружного наблюдения на Кутузовском проспекте, тщательно контролируемой правительственной трассе²⁸².

Гражданское общество тоже начинает использовать этот ресурс. Контролируются подъезды жилых домов, пространство перед входной дверью, холлы. Видеокамеры устанавливаются в отдельных детских садах и школах, что дает родителям возможность наблюдать за поведением своих детей и их отношениями с другими детьми, воспитателями и учителями. Однако это пока лишь отдельные, частные случаи, а не рутинизированная практика, ставшая частью российской повседневности.

Власть стремится жестче контролировать интернет. Пока что не *посещение* интернета, а, скорее, содержание, контент. Ибо Всемирная сеть – это единственный сегмент, где «антивласть», пестрый конгломерат оппозиционных настроенных индивидов и групп, может относительно успешно противостоять власти.

В свое время мы уже останавливались на политическом дисциплинировании как одном из основных векторов развития технологий власти в начале XXI в. Речь шла о **возрождении** технологической архаики, дисциплинарных технологий, которые в Европе

достигли своего наивысшего развития в конце XVIII – первой половине XIX в. Нынешняя российская власть во всевозрастающем масштабе использует дисциплинарные технологии, возникшие на пороге Нового времени и адекватные периоду раннего капитализма и абсолютной монархии²⁸³. Но политическое дисциплинирование дополняется дисциплинированием социальным, которое осуществляется за счет реструктуризации повседневной жизни.

Таким образом, власть систематически вторгается в ткань повседневной жизни. Возможно, это подготовка к грядущей масштабной модернизации, которая, как и всякий глубокий социальный сдвиг, потенциально может вызвать бурную реакцию населения и социальную нестабильность. И тогда речь должна идти о профилактировании и превентивном ограничении, за которым стоят некоторые глобальные смыслы и государственные интересы. Но скорее это подготовка к тому, чего никогда не произойдет. И мы сегодня наблюдаем и анализируем лишь эманации некой достаточно архаичной стратегии самосохранения власти.

3. Многообразие и конфликт повседневностей

В России всегда существовало несколько повседневностей – как в ней всегда сосуществовало и уживалось несколько «Россий». Повседневность черты оседлости – и повседневность высшего столичного света. Повседневность фабрично-заводских городов и кварталов – и повседневность интеллигентских слоев. Повседневность советских колхозов. Повседневность ГУЛАГа («Один день Ивана Денисовича» – это, несомненно, книга о повседневности, о повседневности выживания, хотя и о многом другом тоже). Повседневность партийной номенклатуры и рядовых советских граждан.

Расколы новые и старые

Собственно, и сегодня повседневность тех, кто скачивает фильмы через торренты и сидит в «Жан-Жаке», не выпуская из рук ультрасовременных гаджетов, и тех, кто посещает церковь и выстаивает многокилометровую очередь, чтобы поклониться поясу

Пресвятой Богородицы, – разные. И неизбежно конфликтные, ибо это повседневности разных «Россий» и, более того, разных этапов становления человеческой цивилизации.

Контуры российских «повседневностей», в сущности, повторяют границы разломов и расколов, прошедших через социальную жизнь России. Разломы эти идут по нескольким линиям. Во-первых, по линии социокультурной: европеизированная Россия и Россия традиционалистская, «западники», вестернизаторы, «космополиты» – и традиционалисты, почвенники, «патриоты».

Во-вторых, по цивилизационному признаку: православие как религия большинства – и исламская цивилизационная матрица, которая медленно, но неумолимо внедряется в тело православно-языческой (некогда), затем атеистической, а после этого – опять православной России. Сегодня Россия переживает ренессанс ислама. И российская повседневность отчетливо окрашивается в зеленые тона, режут ли баранов в столичных дворах в Курбан-байрам десятки людей или же, не имея возможности попасть внутрь мечети, стоят на коленях на столичном проспекте десятки тысяч молящихся. И это давление ислама делает российскую повседневность предельно конфликтной. (Заметим в этой связи, что стандарты празднования – это тоже часть повседневности, и поэтому трудно согласиться с исследователями, которые проводят жесткую границу между явлениями по линии «будни – праздники»; повседневность – это весь бытийный пласт, все измерения каждодневного и, шире, циклического человеческого существования.) Но если раскол традиционалистов и европеистов – это разлом социокультурный, то ревитализация ислама в последние два десятилетия, интенсивное встраивание его в ткань российской социальности потенциально предполагает конфликт не только социокультурный, но и, как уже было сказано, цивилизационный.

В-третьих, разлом происходит по духовно-идеологическому признаку: атеистическая, материалистическая («я – материалист», – говорит нынешний министр образования и науки) – и воцерковленная, православная и/или неправославная, а исламская, буддийская, иудейская Россия. Дело **Pussy Riot отчетливо показало**, что сосуществование это не безмятежно и не бесконфликтно и что пределы взаимной толерантности не беспредельны.

В-четвертых, страна расколота по региональному принципу: Москва и Петербург, столицы, – и остальная Россия.

Наконец, имеет место разлом социально-политический (условная Болотная – условный Уралвагонзавод). Но это последнее разделение – в известной мере вторично и представляет собой кальку разделения номер один.

Самый жесткий, определяющий сегодня почти все раскол: традиционалистская, автохтонная Россия против России европеизированной. Раскол, ставший фактом и детерминантой русской жизни, по крайней мере, с последней трети XVII в. Разрыв между образованными вестернизированными слоями и теми, кто воспитан «почвой» и зачастую враждебно относится ко всему иностранному, существовал в России всегда. Лесковские мужики, которые, послушав в добровольно-принудительном порядке музыку чтимого помещиком Гайдна, расходились, говоря: «Нет хуже, чем эту гадину слушать» – и русские гегельянцы. Стиляги (которых, как полагает Л.Г.Ионин, можно назвать первыми диссидентами²⁸⁴) – и люберы. Прически под битлов у школьников и студентов в 1960-х. Многочисленные проявления вестернизации потребления в так называемую «эпоху застоя», о чем нам уже доводилось писать²⁸⁵. Те, кто слушал «Голос Америки» и прочие «вражеские голоса»: «Есть обычай на Руси слушать ночью Би-би-си»; «А вон дантист-надомник Рудик. У него приемник “Грюндиг”. Он его ночами крутит, ловит, контра, ФРГ...» И патриоты, бесконечно повторяющие: «У России есть только два союзника: ее армия и флот». Равным образом, всегда существовали напряжение и конфликтность между столицами и остальной, провинциальной, Россией.

Но только «после СССР» появился разлом, связанный с конфессиональной принадлежностью граждан, во-первых, и с подчеркнутой религиозностью одних и демонстративной нерелигиозностью других, во-вторых, чего в атеистическом Советском Союзе не было и не могло быть. Родители, которые требуют преподавания, в той или иной форме, православия в школе; родители, которые настаивают на том, чтобы их дочери ходили в школы в хиджабе; родители, которые призывают к тому, чтобы школа была полностью очищена от всяких символов, указывающих на конфессиональную принадлежность детей, – это акторы новой российской повседневности.

Это противостояние повседневностей сопровождается дезорганизацией повседневности внутри каждого из ее сегментов и на их стыках, нарушениями и разрывами в классической цепочке «хабиитуализация – типизация – институционализация – легитимация». А.С.Ахиезер в свое время указывал на связь процесса дезорганизации повседневности с господством в обществе сравнительно быстрых циклов, как это имело место в советский период, крайностей в принятии решений, инверсионной логики и инверсионных скачков²⁸⁶. Однако в постсоветский период специфическая прерывистость, скачкообразность российской истории была усугублена умножением линий, по которым раскалывается общество. «Стык», наложение друг на друга противостоящих матриц повседневности является мощнейшим и труднопреодолимым фактором дезорганизации.

Названные типы повседневности, различие которых обусловлено различием фундаментальных цивилизационных, социальных, исторических, социокультурных и субкультурных матриц, проекцией которых на жизненный мир людей и является повседневность, противоположны как *идеальные типы*. Но как реальный поток жизни, как каждодневное существование больших социальных групп и кластеров каждая из них не является абсолютно автономной или изолированной. Существует некая общая зона повседневного существования, вбирающая в себя повседневности конфликтующие и конкурирующие. И православные, и мусульмане, и атеисты, и патриоты, и западники ходят в магазины, все они страдают от инфляции, все оплачивают услуги ЖКХ, возмущаясь постоянно растущими тарифами, все пользуются мобильными телефонами, смотрят телевизор, водят автомобиль, их дети ходят в школу и детский сад и т. д. Хотя, несомненно, существует и та часть повседневности (или несовпадающих и/или конфликтующих «повседневностей»), что протекает дома, в четырех стенах, и практически не пересекается с иными эманациями повседневной жизни.

Конечно, этот общий сегмент может быть больше или меньше, но он практически всегда существует. Собственно, общая повседневность и интегрирует общество, является одним из факторов, обеспечивающих его целостность.

Указанные социокультурные и порой даже цивилизационные противоречия, раздирающие российскую повседневность, развиваются поверх социальных и даже классовых конфликтов, вне оп-

позиции «бедная – богатая Россия». Библиотекарша с крошечной зарплатой может быть отчаянной европеисткой и сторонницей самых радикальных рыночных преобразований. А очень богатый человек, преуспевший на волне первоначального накопления 1990-х, может быть ригидным православным традиционалистом, как небезызвестный Бойко-Великий, увольняющий со своих предприятий женщин, сделавших аборт, или бывший миллионер Герман Стерлигов, обучающий своих детей по церковным книгам дониконской эпохи.

Сегрегация как повседневная практика

Сегрегация имеет несколько уровней и несколько ипостасей: макроуровень, где субъектом сегрегации, инициатором и аранжировщиком сегрегационных практик выступает государство, и повседневный, бытовой уровень, микроуровень, где попытка обеспечить себе отдельное, изолированное существование и, соответственно, ограничить, локализовать, сегрегировать всех прочих, «чужих», является жизненной стратегией отдельных индивидов, гипотетически принадлежащих к определенному социальному слою или группе.

Равным образом сегрегация имеет два измерения: сегрегация формальная, юридически оформленная, – и сегрегация, существующая де-факто, как совокупность социальных векторов и дискриминационных практик, как некая неформализованная квинтэссенция реальности.

Применительно к современной России нужно говорить, разумеется, не о государственной сегрегации, а о сегрегационных импульсах и амбициях элиты как определенного сегмента российского общества. О множественных импульсах, которые объективно выстраиваются в достаточно целостную и последовательную стратегию существования, смысл которой заключается в том, чтобы ограничить взаимодействие, общение, взаимопроникновение элиты и массы в пространстве повседневной жизни²⁸⁷.

Сегрегация предполагает наличие привилегий и преференций для той или иной социальной группы, оформленных юридически или бытующих фактически. Хотя никакая констелляция привиле-

гий сама по себе не ведет автоматически к сегрегированному обществу или обществу с раздельным/сегрегированным существованием тех или иных социальных групп и сегментов. Существует какая-то черта, за которой совокупность привилегий и предпочтений переходит в новое качество, когда привилегии имеют цель не только поднять статус, уровень жизни и комфортность существования одной из социальных групп, но и изолировать ее от всех прочих или по крайней мере создать барьеры между ее повседневным существованием, ее жизненным миром и жизненными пространствами других социальных групп и категорий населения.

В советское время партийно-хозяйственная элита («номенклатура»), а также некий узкий слой высшей, обласканной властью статусной интеллигенции обладали совокупностью привилегий, которые имплицитно содержали в себе момент сегрегации. Речь идет прежде всего о специфической инфраструктуре жизни: ведомственные дома, поликлиники, больницы, госдачи и дачные поселки, продуктовые распределители, списки на приобретение дефицитных книг и пластинок и специальные торговые оазисы типа двухсотой секции ГУМа, спецшколы, пионерлагеря и т. д. Отчасти в эту структуру вписывалась и сеть магазинов «Березка», хотя ею пользовались и вполне рядовые граждане, работавшие по контрактам за границей.

Однако сегрегированной повседневности как таковой не существовало: во всяком случае, дети партхозэлиты учились не только в так называемых спецшколах с углубленным изучением того или другого иностранного языка, но и в обычных школах, а в «спецшколах» обучались дети вполне рядовых граждан; отпрыски ответственных работников играли в футбол в тех же дворах и занимались в одних ДЮСШ со своими одноклассниками; затем эти дети учились в советских вузах (хотя дети высокопоставленных родителей, несомненно, имели преимущество при поступлении, особенно если речь шла об элитных вузах типа МГУ или МГИМО). Затем они рожали детей в советских роддомах и нередко работали в обычных советских учреждениях. Наконец, значительная часть выходцев из семей советской партийной и хозяйственной элиты служила в армии (хотя, надо полагать, в процентном отношении меньшая, чем у не-элиты). Иными словами, пространство общей повседневности была весьма значительным.

В постсоветское время, и особенно в первое десятилетие XXI в., жизненное пространство элиты окончательно автономизировалась и как бы выпало из общего пространства повседневной жизни. Реальностью стали закрытые коттеджные поселки (не городские квартиры) как место основного проживания. Равным образом, нормой стало обучение детей в зарубежных школах и университетах, отдых и лечение за рубежом, рождение детей за границей, приобретение недвижимости за рубежом, счета в зарубежных банках и т. д.

Существенным сегрегирующим фактором стала не всегда рациональная, а порой просто маниакальная забота госчиновников и высших представителей бизнес-элиты о собственной безопасности, окончательно пресекающая все возможные спонтанные, неформализованные контакты с внешней средой.

Выше мы отмечали, что в ситуации дифференциации, а часто противостояния различных «повседневностей» практически всегда сохраняется некое пространство повседневности общей. Внедрение принципа сегрегации в российскую повседневность означает, что эта общая для всех зона повседневного существования исчезает. Высший политико-олигархический слой разделяет общую повседневность, включается в нее, разве что перемещаясь по дорогам. Дорога – это, по сути, промежуточное состояние, перемещение из одного места сегрегированного существования в другое. Причем элитарные, привилегированные группы прилагают огромные усилия, чтобы и эту остаточную общность аннигилировать, во-первых, используя для этого пресловутые мигалки, а во-вторых, считая для себя необязательными общепринятые правила поведения на дорогах. Не случайно столь огромным, даже вопиющим является количество дорожных конфликтов, фигурантами которых оказываются представители власти и крупного бизнеса.

Сегрегация, внедренная в пространство повседневной жизни, заставляет нас более внимательно отнестись к пространственному измерению повседневности. Бергер и Лукман в свое время писали: «Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение, благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей»²⁸⁸. Сегрегация

более изощренно, хотя одновременно и несколько прямолинейно расчленяет пространство повседневности и побуждает нас сравнивать эти субпространства и исследовать механику перехода из одного субпространства в другое.

В конечном счете складывается ситуация, при которой жизненные миры различных социальных групп практически не пересекаются, не накладываются друг на друга – и люди, принадлежащие к этим мирам, также практически не пересекаются. Зачастую они контактируют только в интернете, в социальных сетях типа Фейсбука, Твиттера или Живого журнала. Привилегированные социальные группы самоизолируются и превращаются в род сословия со своей собственной специфической идентичностью, своим собственным «повседневным знанием» и своими специфическими реальностями «жизненного мира».

Сегрегация в пространстве повседневной жизни стала симптомом неких глобальных изменений в структуре российского общества и организации российской власти, а именно архаизации, деградации и феодализации социального пространства. И в этом смысле очевидно сходство 2000-х и начала 2010-х с так называемым «периодом застоя» и полуизолированным, полуоткрытым бытием партхозноменклатуры. Достаточно очевидно, что прогрессирующая изоляция современной российской элиты и фактически ставшая фактом сегрегация пространства повседневной жизни оказываются непреодолимым препятствием на пути модернизационных процессов в России.

И если технологически артефакты, как было показано выше, распространяются в России практически «по Элиасу», то социальные привилегии, которые в Европе тоже постепенно расплзались, расплывались от аристократии на все слои общества, обретая в ходе этого процесса всеобщий характер и переставая быть привилегиями, в России, напротив, все больше концентрируются в верхней части социальной пирамиды.

В современной российской ситуации верхние слои общества, аналог придворного общества средневековья, стремятся локализовать свои бытийные практики и привилегии внутри своей социальной группы. И не только сохранить их, найти алгоритмы воспроизводства этой сословности, но и по возможности приумножить. На новом витке развития возникает нечто вроде правя-

шего сословия. Происходит своеобразная феодализация общества. Вектор развития парадоксальным образом меняется, и Россия начинает двигаться от становящегося гражданского общества к обществу сословному. Культивируется социальная замкнутость на фоне технологического универсализма. Это процесс, обратный процессу цивилизации, мы и называем *архаизацией*. Архаизация – это антипод цивилизации, и это то, что убивает субъект модернизации. Элита перестает быть заинтересованной в развитии, а других социальных сил, способных инициировать модернизационный процесс и возглавить его, в российском обществе нет. Прогрессирующая изоляция современной российской элиты и ставшая фактом сегрегация пространства повседневной жизни оказываются непреодолимым препятствием на пути модернизационных процессов в России.

* * *

Подводя итоги, констатируем, что в современном российском социуме на повседневность более, нежели различные проявления технологической модернизации, влияют социальные аберрации того или иного рода. Технологичность отодвигается на второй план, «забывается» деформирующейся социальностью. Параллельно с модернизацией вызревает нечто иное, мало связанное с модернизационными процессами и зачастую противостоящее им.

Мы говорим именно о *параллельности*, а не о едином симбиотическом процессе модернизации/демодернизации, о чем шла речь применительно к иным эпохам российской истории²⁸⁹. Здесь архаизация не является частью некоего симбиотического процесса, как это было, например, с петровской модернизацией или модернизацией сталинской. Архаизация такого рода не является условием, предпосылкой или неизбежным следствием модернизации. Если, скажем, создание крепостных мануфактур в петровскую эпоху, в отсутствие рынка свободной рабочей силы, было едва ли не неизбежным последствием технологической модернизации, то клерикализация государственных институтов и введение в государственных школах преподавания закона божьего в любых его ипостасях или сегрегация социального пространства никак не являются ре-

зультатом распространения мобильной связи или пластиковых банковских карт. Если разорение и деградация деревни стали неизбежным результатом сталинской модернизации (иных средств и источников для модернизации *этого типа* в стране не существовало), то рост ксенофобии никак прямо не связан, например, с автомобилизацией или интернетизацией России. В постсоветской ситуации архаизация является условием и способом выживания власти, не более.

Фиксируемые нами аберрации социальности – следствие не только и не столько объективных процессов, продолжающегося кризиса постсоветского пространства, отдаленных и не столь отдаленных последствий распада СССР. Эти тренды являются также – и в первую очередь – результатом определенной политической стратегии нынешней российской власти. Архаизация социального пространства – это прежде всего эманация власти, которая интересы собственного выживания ставит выше интересов государства и общества.

Глава 10. Модернизация, социальные трансформации и процесс архаизации общества

Современные процессы социальных трансформаций в зависимости от характера вызываемых ими изменений сопровождаются большим или меньшим проявлением архаизации. Суть последней лучше всего передает теория модернизации, поскольку в центре ее внимания находится проблема осовременивания традиционных обществ и невозможность возврата назад.

В литературе присутствует мнение о различиях между теорией модернизации и эволюционизмом в целом, неэволюционизмом в частности. Исследователь модернизации Н.Н.Крадин пишет о том, что основной акцент в первой делается на изменениях в экономической и политической сферах общества, подразумевающих масштабную индустриализацию, демократизацию и пр. Причем, данные теории чаще всего рассматривают все изменения только в линейной плоскости. По его мнению, в применении к доиндустриальным и неевропейским обществам познавательная ценность концепций модернизации имеет серьезные методологические ограничения²⁹⁰. Однако теории модернизации в своем развитии претерпели ряд изменений: можно говорить о классических теориях (рассматривавших изменения в отсталых и слаборазвитых странах в 1950-х–1960-х гг.), а также о неклассических (неомодернизация, постмодернизация), появившихся в 1980-е гг. Все они являются последними «воплощениями» эволюционизма, имеющими разную степень отклонения от идей однолинейности и др.²⁹¹

Новейшие теории модернизации смягчили ключевые позиции прежней критики модернизации, учитывая опыт посткоммунистических стран, происходящие процессы глобализации. В числе новых положений, например, проблема движущих сил модернизации (каковыми считается вновь не только политическая элита, но и мобилизация масс), роль экзогенных факторов (глобализации, влияния развитых соседей), проблема модели современности (которая не обязательно является единой, универсальной), проблема самого процесса модернизации (также рассматриваемого не как унифицированный, а разнообразный, многоликий, зависящий сегодня от фактора культуры), учет культурного фактора модернизации (ценностей, отношений), признание модернизационного потенциала

традиций и др. Теория модернизации сегодня уже не настаивает ни на какой-либо единственной, конечной цели, ни на необратимом характере исторических изменений²⁹².

О модернизации Запада в Новое время говорят как о переходе традиционного общества к современному, проходящему фазу первого, второго и третьего модерна, где на модернизацию влияет учет культурных ценностей общества, изменение ценностей²⁹³. Это позволяет соединять теорию модернизации с общим принципом социокультурного, цивилизационного подходов, в котором приоритет отдается факторам культуры, то есть ценностному своеобразию каждой цивилизации, государства, региона.

В отношении «современных обществ» В.Г.Федотова специально делает оговорку, что это понятие только вначале (в XIX в.) было тождественно Западу, так как именно западные страны продемонстрировали всему миру успешный пример «современивания». Затем под современным обществом стал пониматься особый тип общества, возникший в незападных странах в результате применения догоняющей Запад модернизации.

Модернизация может быть не достигнута, может остаться пока лишь целью, но кардинальность перемен в обществе приобретает явно выраженный инновационно-трансформационный вид. Понятие «трансформация» приобрело для отечественной социальной мысли особое значение в связи с изменением развития всего постсоветского пространства и многообразием векторов этого изменения. Этот термин признается авторитетным социологом В.А.Ядовым как наиболее адекватный для реалий России из-за отсутствия векторной нагрузки в большей мере, чем, например, у термина «модернизация»²⁹⁴. Собственно социальная трансформация трактуется нами как процесс структурных изменений внутри общества, когда разрушаются одни и появляются другие структуры взаимодействий, интересов, норм, идей, когда изменяются функции между структурными элементами. Она может проходить кризисно, сопровождаться неудачами модернизационного реформирования, если ему грозят откаты, тупики развития, различного рода осложнения.

В качестве одного из последних выступает процесс *архаизации общества*, который мы определяем как *процесс массового стихийного обращения к архаическому культурному наследию в*

условиях кризиса социальной трансформации. В общественных сферах в этом случае распространяются архаические формы социальных связей, отношений, институтов, социальных практик, соответствующие им нормы, ценности культуры, которые начинают корректировать структурные преобразования или существенным образом менять их, определяя тем самым особый характер, локальные варианты проходящих социальных процессов. Проблема взаимосвязи архаизации с социальной трансформацией, с модернизацией мало исследовалась в научной литературе, хотя сама взаимосвязь эта очевидна для многих авторов. Например, в трудах по проблемам реформирования России отмечается непереносимое присутствие контрреформационных ответов общества²⁹⁵. В другом случае – в работах, посвященных проявлениям архаизации, много внимания уделяется общности факторов собственно трансформаций и архаизаций. В ряде работ даже можно отметить представление о слиянии двух процессов – архаизационной трансформации.

Рассмотрим пример первого понимания в известной теории А.С.Ахиезера, который писал о периодических катастрофах в российской истории. Их суть заключалась в разрыве между меняющимися социальными отношениями развивающейся государственно-культурной массой, тяготеющей к постоянному идеалу догосударственного типа. Этот идеал он называет нравственностью как аспектом культуры, некоторым множеством взаимопереходящих друг в друга определенным образом ценностно ориентированных смыслов. Историческими типами нравственности в России он называет: традиционный, или вечевой (исходный, начальный); авторитарный и соборный (вторичные в сравнении с вечевым); утилитарно нравственный (переходный) и либеральный²⁹⁶. Все эти типы нравственности не сменяют друг друга, а различным образом сочетаются, создавая значительное число промежуточных, гибридных форм, в результате чего возникает сложная, крайне противоречивая картина нравственных процессов. Приверженность людей к определенному виду идеала, столкновения между видами идеалов приводят к взаимной дезорганизации, расколу в обществе.

Главной проблемой российского общества, которое продолжает много веков, вплоть до нашего времени, функционировать как противоречивое и расколотое, по мнению Ахиезера, являются регулярные ответы на усложнение угрозой выживаемости экс-

тенсивными методами, сложившимися в древних, относительно простых условиях. Например, отмена крепостничества в 1861 г. представляла собой по сути реформу, отменявшую собственность административных институтов государства и помещиков над крестьянами, но сумевшую отменить зависимость крестьянина от сельской общины, от патриархальной семьи, от традиционализма. Это был пока недостаточный ответ на вызов истории. Другой пример: советское государство формировалось на базе экстраполяции архаичной модели локального мира. На административный вызов глубоко традиционное общество, как пишет А.С.Ахиезер, отвечало откатом к архаике.

Надо подчеркнуть, что А.С.Ахиезер в своей концепции рассматривает многие социальные изменения в разные исторические эпохи. Он пишет и об усложняющейся российской государственности в начальные этапы истории страны, и о советской государственности, выстроенной в ходе социальной революции, и в дальнейшем о либерализации 1990-х гг. Речь идет о социальных процессах, разворачивающихся в ходе значительных социальных изменений в истории России, не только социальной трансформации. Примечателен тот факт, что сам автор понимал разницу масштабов и характер описанных процессов возврата к прошлому российского общества. И в изданиях своих трудов 1990-х гг. он не пишет прямо об архаизации, а использует другие термины (напр., «антимедиация», «инверсия»). Собственно проблематика архаизации прямо ставится им в начале 2000-х гг., когда он все больше углубляется в тему постсоветских реформ и их издержек.

Архаизация представляется нам прежде всего значительным социальным процессом, который может сопровождать социальную трансформацию. Эти два элемента социальной системы представляются как взаимосвязанные, и взаимосвязь эта имеет динамический характер. Если собственно идея социальной трансформации подразумевает общий процесс структурных изменений, в понятии архаизации подчеркивается реакция противодействия, но не самим структурным изменениям, а той ситуации кризиса, которая сопровождает трансформацию. Причем реакция эта неосознанная, эмоциональная и потому не обращенная рационально к наиболее оптимальным социальным стратегиям, а именно бессознательно обращающаяся к культурным архетипам. *Чем резче происходит*

модернизационное реформирование и социальная трансформация, тем большим кризисом это сопровождается и тем сильнее проявляется архаизация. Чем сильнее проявляется архаизация, тем более драматичной разворачивается социальная трансформация. Архаизация – показатель кризисности социальной трансформации традиционного общества.

Из подобной ситуации, казалось бы, нет выхода. Но архаизацию нельзя назвать непреодолимым процессом. Главной причиной масштабности архаизации является разительное отличие целей реформ, идеалов социальной революции от культурных идеалов общества. И соотношение это не столь простое. Дело в том, что питательной почвой для развития процесса архаизации является степень «преодоленности» самой архаики обществом.

Весьма полезной для понимания этого положения мы считаем периодизацию истории России В.Г.Федотовой по модернизационному критерию²⁹⁷. По ее мнению, в общественном состоянии можно рассматривать этапы доминирования по очереди архаики, традиции и инновации. Если общество развивалось интенсивным путем – усложнением своих структур, трансформацией в ходе своих внутренних потребностей, то архаика как имплицитный момент поведенческих кодов преодолевалась формированием традиций как более рациональными поведенческими регулятивами, а впоследствии традиции уступали место доминированию инновационной стратегии. Так, экстенсивный путь развития, который демонстрировала Россия, не позволял ей в достаточной мере преодолеть свою архаику. Сохранившая сильные позиции архаика при столкновении с резким характером реформ и их предлагаемым содержанием, которые заставляют общество в значительной мере переструктурироваться, актуализируется.

Соответственно, вопрос факторов двух рассматриваемых нами процессов проясняется в рамках понимания динамического развития системы. Главными факторами, обуславливающими социальную трансформацию, в первую очередь можно назвать совокупность факторов человеческой деятельности как социально-революционных, так и реформаторских действий власти и/или массовых движений в обществе, человеческих, определенных идеалов реформаторской деятельности и характера проведения реформ, социальных (столкновения идеалов реформаторов с идеалами об-

щества, выражающееся в драматичности, кризисности трансформации). Все это приводит к необходимости для общества искать спасения в архаике, и чем более кризисной становится социальная ситуация, тем более проявляется архаизация.

Одной из наиболее распространенных теорий социальных изменений XX в., помимо теории модернизации, является теория индустриального общества, ставшая актуальной для Запада с 1960-х гг. (Дж. К.Гэлбрейт, У.Ростоу, Р.Арон, Э.Тоффлер и др.). Попытаемся взглянуть на процесс архаизации сквозь призму этой теории. Согласно основным положениям теории индустриального общества, «промышленный переворот» конца XVIII – первой половины XIX в. на Западе завершил переход от феодализма к капитализму; научно-техническая революция 1950–1960-х гг. стала основой перехода от капитализма к новому, «индустриальному обществу» крупных корпораций-производителей товаров и услуг с новыми социально-экономическими отношениями. Д.Белл в 1973 г. ввел понятие «постиндустриального общества», в отличие от общества технократов, индустрии, являющегося обществом меритократов, интеллектуалов, информации. По мнению Э.Тоффлера, общества и индустриального типа, и постиндустриального, и раннего – аграрного (общества трех волн), продолжают существовать сегодня в мире. В них продолжает присутствовать их архаика, преодоленная в большей или меньшей степени. В соответствии с этими степенями преодоленности архаики В.М.Хачатурян выделяет три основные зоны современного мира: страны «третьего мира» (где переход к цивилизации имел экзогенный характер, начался сравнительно недавно и остался незавершенным, вследствие чего современные институты и ценности недостаточно прочно укоренены, а архаические – напротив, не только не изжиты, но остаются вполне жизнеспособными); восточные общества, в которых активно идет или завершается процесс модернизации, переход к индустриализму или даже постиндустриализму (однако в которых связь с архаикой продолжает сохраняться в силу специфики их культурно-исторического развития, а также благодаря консервации некоторых традиционных институтов, религий); западные общества – форпост современного мира, осуществляющие или осуществившие прорыв в постиндустриальную стадию²⁹⁸. Россия тоже может относиться к этой третьей зоне²⁹⁹.

Несмотря на тот факт, что Запад в своем эволюционном развитии и становлении современного общества в наибольшей степени преодолел свою архаику, «оторвался» от нее, исследователи отмечают в нем значительное проявление архаики, связывая этот вариант архаизации с массовизацией – с развитием массовой культуры. По мнению А.В.Костиной, масса сегодня – это совокупность деперсонализированных индивидов, объединенных не участием в той или иной деятельности, а общностью потребляемой продукции – информации, развлечений, моды, имиджей, стереотипов, а также единством картины мира и системы ценностей³⁰⁰. Массовая культура, как определяет автор, помимо всего прочего, способствует стабилизации общественной системы через конструирование особой виртуальной надстройки над реальностью. Эта квазиреальность создается в том числе через мифологизацию реальности и формирование особых структур массового сознания, которые базируются на архетипах пространства и времени, близких по своим характеристикам к представленным в архаическом мифе³⁰¹.

В сравнительном плане для нас важен тот факт, что субъектом массовой культуры признается особая профессиональная группа, которая создает ее артефакты в соответствии с законами социальной психологии и рыночных отношений. В этом случае мы имеем дело с неотрадиционалистской стратегией, тогда как рассматриваемая нами архаизация представляет собой неосознанный стихийный процесс, который может захватывать собой в итоге и инициатора реформ в обществе – власть.

И теория модернизации, и теория индустриального общества в принципе подчеркивают близость российских социальных процессов XX в. западным, несмотря на все особенности социокультурного развития России. Здесь также осуществлялась модернизация, хотя и иным способом, чем на Западе, также, начиная с 1920-х гг., разворачивались процессы индустриализации: с одной стороны формировалась в этот период конкурентоспособная экономика, которая обладала достаточно развитой промышленностью, преимущественно тяжелой, и более высокой производительностью труда, с другой стороны – изменялся общественно-политический строй и провозглашалась «власть масс»³⁰². Тем самым А.В.Костина усматривает в советском обществе массовую культуру, которую исследователи в 1950-х гг. назвали феноменом массового индустри-

ального общества. Однако, советская массовая культура имеет заметные отличия от западной, которая впоследствии в конце XX в. начинает внедряться в российскую общественную жизнь. Особенности советской массовой культуры А.В.Костина называет доминирование традиционных, доиндустриальных, в том числе религиозных ценностей, тесно связанных и с социалистическими идеалами – коллективизмом, жертвенностью, аскетизмом и отрицанием достатка, индивидуального успеха, комфорта, стабильности и пр.³⁰³. Новое советское общество, как пишет А.С.Ахиезер, само возникло как результат мощной волны локализма и строилось на основе норм общинно-урavnительной культуры³⁰⁴. Фактически произошла не модернизация, а лишь ее подобие. Общество было индустриально развитым, однако в нем по-прежнему доминировали традиционалистские ценности. Лишь модернизация 1990-х гг. (в форме догоняющей – некий условный западный образец, как определила В.Г.Федотова) в России привела к тем социально-трансформационным процессам, которые идут по пути кардинальной смены идеалов, ценностей, соответственно – сопровождаются значительными кризисными явлениями, в том числе архаизацией. Если для Запада актуальна проблематика постиндустриального общества, то для России, в значительной мере в реформенные годы утратившей свой промышленно развитый потенциал, применимо было только понятие «деиндустриализация».

Следует подчеркнуть, что мы говорим о том идеально-типическом варианте архаизации, который разворачивается в кризисные периоды социальной трансформации, когда общество меняет свою природу – от традиционного к современному (модернизируется). Поэтому теория модернизации для анализа процесса архаизации является, на наш взгляд, наиболее удачной. Разумеется, XX в. представляет достаточно богатую палитру трансформационных изменений: 1) традиционных, 2) уже переставших быть традиционным, но еще не ставших современными (в строгом смысле слова), а также 3) самих современных обществ. Это дает нам возможность наблюдать новые варианты архаизационных тенденций, в том числе на этапах изменений и современных – западных обществ.

РАЗДЕЛ IV СРЕДА МОДЕРНИЗАЦИИ

Глава 11. Модернизационный процесс. Взаимосвязь целей и средств

Социальные модернизации часто происходят в кризисные моменты и являются целью и средством исцеления больного общества, его преобразования посредством социальных инноваций. Жизненная реальность подтверждает верность философского положения о «хитрости» истории, состоящей в том, что в ее недрах одновременно происходят разрушительные и созидательные процессы. Реалии бытия, отмечал М.Хайдеггер, таят в себе не только угрозы для человечества, но и спасительные ответы на вызовы истории³⁰⁵.

Россия, вставшая на рубеже XX–XXI вв. на путь всеобъемлющей модернизации, не представляет исключения. Ее развитие идет по общей мировой траектории. На переломном этапе своей истории Россия проходит очередную «смену вех» – политических, экономических, идеологических. Осуществляя поиск своей новой идентичности и кардинально меняя направленность общественно-политической эволюции, российское общество сталкивается при этом с различными катаклизмами, проявлениями нестабильности и конфронтационности. Не случайно все посткоммунистическое пространство относится по мировым стандартам безопасности к зоне повышенного риска.

От того, каким будет содержание и направленность российских реформ, какими средствами и какой ценой они будут осуществлены, зависит судьба не только России с ее многочисленными этносами, но и других близких и дальних народов, по-

сколькo человечество живет уже в достаточно целостном мире. По прошествии времени, можно согласиться с предупреждениями американцев: «Не уподобится ли сизифову труду вся реформаторская деятельность демократических сил в России, не скатится ли назад с русской горки уникальная по своей природе глыба начавшихся реформ, подмяв под себя надежды не только россиян, но и всего человечества? Крах реформ может серьезно дискредитировать идею демократии не только в России»³⁰⁶. В этом заявлении американского обозревателя У.Кристофера выражена озабоченность мировой общественности положением дел в России. Можно полагать, что такая внешняя рефлексия совпадает с рефлексией внутренней, с тем, что сознают и чувствуют российские граждане, выступающие субъектами и объектами проводимых реформ.

Российская действительность ставит сейчас больше вопросов, чем дает на них ответов. Многие явления и процессы находящиеся в стадии становления или проявляющиеся лишь в качестве тенденций, не обрели той устойчивости и зрелости, которая требуется для научных обобщений и аргументированных выводов. Это затрудняет анализ и прогнозирование модернизационного процесса, определение возможностей и конкретных сроков осуществления основных целей. Вместе с тем, несмотря на всю хаотичность и нестабильность, непредсказуемость окончательных результатов, многие тенденции проявились уже достаточно четко.

Переведя стрелки российской истории на путь демократического развития, Россия тем самым избрала в качестве своих основополагающих целей формирование современного общества, интеграцию в мировое сообщество в качестве ее равноправного субъекта.

Насколько удалось за прошедший срок выполнить эти основные цели, отвечают ли в полной мере демократическим критериям созданные вновь институты власти, используемые средства управления? И, главное, – насколько свободным и раскрепощенным стал человек, как реально обеспечена защита его интересов и прав? Конечно, с точки зрения возможности достижения «потолка» демократии, ее совершенства, идеальных обществ никогда не существовало и, наверное, не может существовать. Рассматривая сегодняшнее состояние демократии в России, его следует оцени-

вать, исходя из возможного, а не желаемого, из наличия условий и конкретных действий, предпринятых для осуществления конституционных прав и свобод граждан.

Бесспорно, что за сравнительно короткий период начавшейся модернизации Россия совершила больше демократических преобразований, нежели за всю свою прошлую историю. По всем формальным показателям она приобрела облик демократического государства. К ним относится свобода слова и передвижения, равенство прав всех граждан, независимо от социальной и национальной принадлежности, пола и вероисповедания, возможность открытой критики любого должностного лица. Появились многочисленные организации, занимающиеся общественной деятельностью в разных сферах, сформировавшееся общественное мнение оказывает определенное воздействие на государственную политику. В силу того, что органы власти всех уровней находятся под пристальным вниманием средств массовой информации, их действия становятся в большей степени открытыми для критики. Для обеспечения поддержки со стороны собственного народа и позитивной репутации в глазах мировой общественности, им необходимо выглядеть безупречными в нравственном отношении, следовать принципам политической этики.

Произошедшие демократические перемены не дают оснований считать, что политическая модернизация в России окончательно стала нормой и неотъемлемой чертой общественных отношений. Гуманизм как стержневая основа и необходимый спутник демократического образа жизни остается дефицитным явлением. Прежние формы антигуманизма сменились рыночным антигуманизмом, засильем криминального бизнеса и коррумпированной бюрократии. Анархия и неустойчивость рождает у людей чувство неуверенности и незащищенности.

Все революционные реформаторы стремятся осуществить все намеченное сразу и полностью, хотят увидеть плоды своей деятельности и быть оцененными по достоинству уже при жизни, не надеясь, очевидно, на признание своих заслуг потомками. Одной из главных причин пробуксовки реформ следует признать изначальное отсутствие научно обоснованной и прогностически проработанной концепции модернизации, определяющей ее приоритеты и учитывающей возможные последствия. В.В.Путин признавал, что мы двигались как бы ощупью, наугад, не имея четких представлений

об общенациональных целях. Как в 1917 г. при осуществлении социалистической революции не было готовых рецептов трансформации капиталистического уклада хозяйствования в социалистический, так и теперь их не было для обратного процесса. России опять пришлось идти по «целине», совершая еще один бесконечный социальный эксперимент, действуя путем проб и ошибок. Акцент первоначально делался на отрицательные цели, на разрушение коммунистической системы. Серьезными издержками обернулось и механическое перенесение на российскую почву западных образцов модернизации. Некритичное применение западной макроэкономической модели развития, как и следовало ожидать, было отвергнуто российской действительностью, привело к кризисному состоянию, огромным материальным и моральным потерям.

В связи с тем, что человеческие свободы составляют важнейший атрибут демократии, возникает вопрос об их иерархии, как они соотносятся и взаимодействуют. На первый план по объективным причинам всегда выступает экономический фактор, удовлетворение материальных потребностей людей. Без их первоочередного обеспечения все рассуждения о свободе превращаются в пустую абстракцию.

При наличии комплекса демократических прав и свобод человек свободен настолько, насколько он располагает реальными возможностями для их осуществления, которые подкрепляются материальными гарантиями. Без наличия качества жизни, достойного цивилизованного человека, зафиксированные в законах права остаются на практике невостребованными, граждане лишены возможности полноправно участвовать в политической жизни, в управлении государственными делами. Демократия и бедность несовместимы, о чем убедительно свидетельствует исторический опыт.

Социальное содержание и гуманистический аспект российских реформ стал их самым слабым и уязвимым местом, прежде всего, из-за несправедливого перераспределения государственной собственности в пользу ничтожно малой части общества, огромного разрыва в доходах граждан. Возникла проблема расхождения между «равенством возможностей» и «равенством результатов», то есть пропасть между конституционными правами и их гарантированным практическим использованием каждым человеком. По-

казательно, что в России не смог сформироваться сколько-нибудь значительный средний класс, являющийся везде заинтересованной и активно содействующей силой демократического прогресса.

Половинчатые демократические преобразования привели к тому, что к сохранившимся еще негативным чертам социализма прибавились худшие проявления дикого капитализма. Показательно, что за первоначальным скачком политизации масс, происшедшим в начальный период реформ, стала преобладать политическая пассивность и апатия, резко возросло количество граждан, игнорирующих выборы в различные органы власти. За всем этим кроется, безусловно, прежде всего, неудовлетворенность людей экономическим положением.

Модернизационные процессы имеют неоднозначные последствия в воздействии на общественное сознание, ведут к резким сдвигам ценностных ориентаций и идейных установок, ломке существующих традиционных парадигм и нравственных норм. Происходит высвобождение в равной степени положительной и отрицательной энергии в массах. Часто разруха происходит потому, что имеется разруха в голове.

Этот давно поставленный диагноз можно с полным основанием отнести и к сегодняшнему состоянию российского общества. Процесс демократизации и модернизационная волна открыли шлюз свободному волеизъявлению масс, возрастанию их социальной активности. Но он происходил с опережением роста политической культуры, формирования демократических институтов. На политическое сознание масс оказывают влияние не только осваиваемые демократические ценности, но и стереотипы прошлого, инерция не изжитого мировоззрения, упования на «доброе правителя», который за них все мудро рассудит и решит.

Для перестройки на новый курс общественного сознания необходимо, чтобы политическая и экономическая демократия встраивались в политическую культуру. Суть ее, как отмечал Ю.Хабермас, состоит в том, что «фундаментальные демократические убеждения проникают в умы и сердца людей, становятся их повседневной привычкой»³⁰⁷. К этому можно добавить, что политическая культура делает возможными институциональные демократические нормы, если они стали образом мышления и поведения людей. Следствием усиливающейся тяги к установлению сильной власти стал популярный тезис об «управляемой демократии». В нем выражена

идея об ограничении определенными рамками демократических свобод и потребности усиления государственного регулирования и контроля для предотвращения проявлений нестабильности и конфликтности, общей национальной устойчивости. Это требование подкрепляется ссылками на традиционную управленческую роль государства в России, которую оно всегда играло в силу специфических и чрезвычайных условий своего исторического бытия. Пытаясь дать ответ на вопрос, почему Россия на путях своих исторических трансформаций зависит от государства, некоторые историки связывают исключительно с типологическими чертами и личными свойствами российских правителей. Но, конечно, не этот субъективный фактор имел решающую роль. Геополитическая специфика и чрезвычайные обстоятельства внутреннего и внешнего свойства вынуждали их, дабы преодолеть отсталость страны и «прорубить окно» в более развитую мировую цивилизацию, прибегать к диктаторской политике и массовому насилию. Осуществлять очередной модернизационный прорыв и изживать варварство часто приходилось варварскими средствами, масштабность российской территории, многоликость населяющих ее народов, национальных культур и менталитетов, непокорность региональных вождей и непрекращающиеся сепаратистские движения, народные бунты – все это определяло политику и этику авторитарной организации общественной жизни как веками складывающейся парадигмы. Это обеспечивало безопасность и выживание государства, но одновременно сводило к минимуму возможность демократического развития, обеспечения всех гражданских прав и свобод.

Построение демократического общества, как показывает мировой опыт, невозможно без достаточного уровня культурного развития, без наличия постоянных духовно-нравственных сдвигов. От качества «человеческого материала» зависит наличие демократических законов и норм жизни. Но характер человека, его страсти и тревоги суть продукт культуры. Культура формирует типовые реакции человека, устанавливает границы личной свободы и выбора. Если свобода есть источник общественного прогресса, то ответственность индивида перед обществом есть предпосылка общественного порядка и стабильности. Без сочетания свободы личности с гражданской ответственностью общество приходит к вседозволенности и впадает в анархию. Свобода, способна превратиться

в разрушительную силу, вылиться в стихию низменных страстей толпы, если она не возвращена культурой. Культура открывает путь к свободе, но без накопленного культурного и нравственного багажа порождает смуты и разлад, оборачивается «истреблением бытия». Подчеркивая роль культуры как одного из регуляторов общественного бытия и сознания, Ю.Хабермас указывал на ее возрастающее влияние на возможность людей рационально управлять усложняющимися связями и отношениями. Чем более интегрированная сила общества черпает из этого резервуара, тем больше политика и управление должны ориентироваться на культурные сферы, тем сильнее они сами становятся зависимыми от того потенциала, который аккумулирован в культурном капитале³⁰⁸.

России сегодня нужна не «сильная рука», а прежде всего «сильная голова», политическая воля и профессиональное мудрое руководство, чтобы последовательно и решительно углублять курс на демократические реформы и модернизационные преобразования. Они могут быть успешно осуществлены только самими российскими гражданами. Нельзя при этом забывать слова В.О.Ключевского о том, что история не учительница, а надзирательница, которая строго наказывает за плохо выученные уроки. Российское общество сейчас как раз расплачивается за плохо выученные уроки своей истории и не должно больше наступать на одни и те же «грабли».

Рассматривая проблематику модернизации, следует обратить внимание на то значение, которое играют происходящие в обществе интеграционные и дезинтеграционные процессы. Очевидно, что для успешного осуществления модернизации в России надо учитывать наличие общего экономического, научно-культурного и информационного пространства для всех живущих здесь этносов.

История России указывает на нелинейный характер результатов ее модернизации. Многие модернизационные процессы были преждевременными, не учитывали естественные темпы развития общества, осуществлялись преимущественно сверху и подчас раньше, чем страна созревала для этих перемен. В XX в. на долю России выпало, наверное, больше революционных и других социальных катаклизмов, чем любой другой стране. Сегодняшняя Россия обладает всеми необходимыми предпосылками, чтобы, преодолев трудности модернизации, войти на равных в содружество цивилизованных наций.

Глава 12. Персональная модернизация и последствия современности

Модель современного человека. Социальная значимость персональной модернизации

В 60-е гг. XX в. в научных исследованиях обозначилась тенденция перехода от глобальных теоретических конструкций к анализу различных аспектов развития. Значительно меньше работ, в которых исследуют индивида, личность в процессе модернизации, связь человеческих качеств при их взаимодействии с социальными институтами.

Исследованию подобной проблематичности был посвящен Проект социальных и культурных аспектов экономического развития в Гарварде, продолженный учеными в Стэнфорде, о становлении современности и процессе персональной модернизации³⁰⁹. Особо был выделен проект, исследующий связи образования и персональной модернизации в развивающихся странах. Это была одна из первых попыток А.Айнкельса и Д.Смита создать теорию персональной модернизации на основе значительного объема эмпирических социологических и психологических исследований в шести странах: Аргентине, Чили, Индии, Израиле, Нигерии и Восточном Пакистане (Бангладеш). Основная цель исследования заключалась в том, чтобы изучить систему персональных качеств людей в зависимости от организационных свойств институтов и ролей с целью выбора эффективной политики национального развития. В результате исследования была построена модель *современного* человека, наиболее важные параметры которой выделяются на фоне характеристик традиционного человека. К качествам традиционного человека были отнесены: покорное восприятие собственной судьбы; отсутствие ощущения собственной значимости; страх перед техническими новшествами; недоверчивое отношение к новому; изоляция от внешнего мира и отсутствие интереса к происходящему там; зависимость от традиционных лидеров; бытование предрассудков в области семейной жизни; отождествление себя с небольшой группой, отстраненность и страх перед большими национальными образованиями; благодарность за то малое, что есть и желание малого; иерархическая система взаимоотношений с под-

чиненными и всеми, стоящими ниже по социальной лестнице; недооценка образования, обучения, исследования и других областей, не очевидных своей пользой для заработка на хлеб³¹⁰.

Характер современного человека в данном проекте представлен четырьмя основными качествами: это – хорошо информированный, принимающий участие в жизни общества гражданин; у него заметно выражено чувство собственной значимости; он независим и самостоятелен в отношении к традиционным источникам влияния, особенно при решении вопроса, как ему вести собственные дела; он открыт для нового опыта и идей, что означает, что он относительно непредвзят и достаточно гибок³¹¹. Качества современного человека не исчерпываются приведенным перечнем: в отличие от традиционного человека, он своеобразен также в подходе к времени, личностному и социальному планированию, к правам зависящих от него людей. Он отличается более инструментальными позициями и линией поведения. Модель современного человека была проверена социологическими опросами и оказалась подтвержденной эмпирически.

В результате такого масштабного проекта было выяснено следующее: превращение человека в современного происходит в течение всей жизни в результате контактов с современными социальными институтами. К ним относится, в первую очередь, образование, работа в промышленном производстве, средства массовой информации. Во всех исследуемых странах фактор образования неизменно возникал как наиболее влиятельная сила в формировании показателей современного характера. Опыт работы на промышленном предприятии и СМИ занимал второе место. Поскольку люди меняются под влиянием модернизирующихся институтов, они делают это, вбирая в себя нормы, присущие таким организациям и выражая их в своем поведении³¹².

Современным социальным институтам требуются соответствующие их целям и способам функционирования персональные качества людей. Даже в слаборазвитых странах работодатели на заводах отдавали предпочтение таким качествам, как персональная эффективность, открытость к нововведениям, позитивное отношение к науке и технологиям, планирование рабочего времени. Однако влияние модернизирующих институтов не является автоматическим, процесс персональной модернизации требует личных

усилий и выполнения личностных обязательств. Иначе все люди без исключения должны стать современными под влиянием современных институтов, но такого единообразия не существует. Не только в развивающихся, но и в развитых странах существуют различные пропорции между людьми традиционного, промежуточного и современного типа. Рассматриваемое исследование, например, выявило, что в Израиле и Аргентине больше людей современного типа, чем в четырех других исследуемых странах³¹³.

Современный человек во всех отношениях – более активный гражданин. Внедрение современных институтов, в том числе и политических, заимствованных извне, или навязанных элитой сверху, оказывается бесполезным до тех пор, пока не появятся активные, заинтересованные, информированные и образованные граждане, которые и заставят эти институты по–настоящему эффективно работать. Конечно же, существуют и объективные факторы, препятствующие модернизации: узкоклассовые интересы, внутренний монополизм, коррупция, религиозное и этическое давление, но вместе с тем неразвитость страны – это еще и состояние душ и умов. Итог проекта таков: новые институты нуждаются в людях, которые могут выполнять обязанности без строгого и постоянного контроля сверху, они достаточно гибко подходят к решению сложных производственных проблем, с пониманием относятся к своим подчиненным, готовы услышать их предложения по поводу эффективной работы. В развивающихся странах не так уже много людей, обладающих подобными свойствами. «Мы считаем, – резюмируют авторы проекта, – что ни стремительный экономический рост, ни сильное правительство не могут развиваться и иметь продолжительного действия без широкого распространения среди населения качеств, характерных для современного человека... Распространение среди населения качеств современного характера, присущих процессу социального развития, это сама суть государственного развития»³¹⁴.

Признаки современного человека (концепт «индивидуальной современности») в первую очередь относился к развивающимся и слабо развитым странам, ориентирующимся на классическую модель догоняющей модернизации, человеческое измерение которой составляет идеальный тип свободного, автономного и ответственного индивида. Свободного от пут традиций, ограничивающих

предприимчивость и открытость для инноваций, автономного по отношению сословно-статусной заданной идентичности, а также ответственного за свой жизненный выбор и результаты деятельности. Проблематизация связи институтов современности и находящихся под их влиянием индивидов носит контекстуальный характер: современность неоднородна по качественным характеристикам, обновлению социальных институтов, этапам социальных изменений, типам модернизаций и способам их изучения³¹⁵.

В ходе модернизации, перехода к современному обществу происходит формирование особенностей человека, отличных от традиционных. Это «ориентация на инновации и другие черты: преобладание инновации над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; *выделенную персональность* (курсив наш. – Авт.), преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, то есть способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий...; преобладание универсального над локальным»³¹⁶. В ходе становления современного общества начинает преобладать универсальное влияние над локальным, что трансформирует персональную модернизацию.

Персональная модернизация на пути от классических форм к условиям высокого модерна. Рефлексивность современности Э.Гидденса

Темп изменений, скорость которых наиболее очевидна в технологиях, проникает во все сферы социальной жизни. Отсюда проблема адаптации человека ко все возрастающей скорости социальных изменений. Возникает ряд проблем, которые современный человек должен решать в ходе персональной модернизации – поддерживать физическое и психическое здоровье, стрессоустойчивость, адекватную ритму жизни, осуществлять постоянное переобучение, повышение квалификации, профессионализма и компетенции. Изменяется не только темп, но и масштаб изме-

нений, особенно в контексте глобализации. Выделяются три основных источника динамизма современности, связанные друг с другом. *«Разделение времени и пространства...»* создает средства четкого временного и пространственного зонирования. *Развитие механизмов высвобождения.* Они “извлекают” социальную деятельность из локализованных контекстов, реорганизуя социальные отношения на больших пространственно–временных интервалах. *Рефлексивное усвоение знания.* Производство систематических знаний о социальной жизни становится неотделимым от системы воспроизводства, отделяя социальную жизнь от стабильных элементов традиции»³¹⁷.

К механизмам высвобождения, включенным в развитии современных социальных институтов Э.Гидденс относит два типа: *символические знаковые системы* и образование *экспертных систем*. «Под символическими знаковыми системами я подразумеваю, – пишет он, – средства обмена, которые могут “находиться в обороте”, независимо от специфических свойств индивидов или групп, использующих их в каждый данный момент». Типичный маркер таких систем – деньги, власть. «Под экспертными системами я подразумеваю системы технического исполнения или профессиональной экспертизы, организующие значительные фрагменты материального или социального окружения, в котором мы сегодня живем»³¹⁸. Экспертные системы оказывают постоянное влияние на повседневную жизнь и так же, как символические системы. Человек поставлен в такие условия существования, при которых персональная модернизация осуществляется на основе *доверия к абстрактным системам*, а «точками доступа» (Э.Гидденс) становится человек, обслуживающий эти абстрактные системы. Современный человек не может в полной мере контролировать повседневные жизненные обстоятельства с их рисками и непредсказуемым характером современности. Потеря контроля, которую люди чувствуют относительно многих обстоятельств жизни, реальна.

Можно вести речь не только о рефлексивности современности, но и о личном «Я» как рефлексивном проекте³¹⁹. Современная личность как «рефлексивный проект» основывается на самостоятельном выборе самоидентичности и жизненного стиля, который осуществляется из большого количества вариантов. Эти варианты предоставляют эксперты в медицине, диетологии, пси-

хотерапии, финансах, а глобальные СМИ информируют о моде, моделях поведения, телесных практиках, жизненных ориентациях. Самоидентичность приобретает характер рефлексивного проекта с помощью таких форм становления, как автобиографическое повествование, достижения аутентичности «Я», понятой как верность самому себе, придающей смысл жизненному пути. Тело также становится неотъемлемой частью самоидентичности как рефлексивного проекта³²⁰.

Персональная модернизация, помимо форм, реализующихся в повседневном существовании, тесно связана с развитием старых и возникновением новых институциональных измерений современности. К ним Э.Гидденс относит *капитализм* (накопление капитала в контексте свободной конкуренции на рынке труда и на рынках сбыта), *индустриализм* (трансформация природы: развитие «созданной среды»), *надзор* (контроль над информацией и социальный контроль), *военную мощь* (контроль над средствами осуществления насилия в контексте индустриализации войны). Каждый из этих институтов влияет на характер персональной модернизации, требует соответствующей трансформации индивидов. Капитализм невозможен без свободной рабочей силы в качестве товара, он как фактор производства человеческого капитала усиливает свою роль в современной экономике, ибо способен приносить все возрастающую прибыль. Содержание, качество и управление человеческим капиталом является наиболее значимым выражением содержания персональной модернизации в современных условиях³²¹. Существуют обоснованные позиции, что «при наличии человеческого капитала более высокого качества государства теоретически смогут найти способы быстрее нагнать конкурентов и с большей легкостью ликвидировать разрывы в показателях производительности»³²². Каждое из институциональных измерений современности связано с персональной модернизацией и требует специального содержательного рассмотрения.

Э.Гидденсом выделены условия динамизма современности, универсальных оснований модерна, влияющих на персональную модернизацию. Вместе с тем, данная теория современности оставляет в тени, по крайней мере, два существенных момента: 1) современность неоднородна, она имеет этапы социальных изменений; 2) современность многообразна в культурном отношении.

Теоретическая концептуализация Э.Гидденса была предложена в последней трети XX в. и с этого времени появились новые тенденции в исследованиях, связанные с моделями «национальных модернизаций» и типологией этапов современности.

Теоретическая концепция, обосновывающая качественную неоднородность современности и выделяющая ее типы, представлена рядом авторов – В.Г.Федотовой, В.А.Колпаковым, Н.Н.Федотовой³²³. Ими была глубоко проанализирована специфика каждого из этапов великих трансформаций и показана неоднородность современности, ее различные типы. Этим типам современности соответствуют определенные типы идентичности людей. «Трем типам современности – первой (либеральной), второй (организованной) и третьей (нового Нового времени для западных стран) соответствуют три типа идентичности, каждая из которых проходит свою эволюцию. Автономный, ответственный индивид – модульный человек – экономический человек Первой современности. Человек второй организованной современности – это массовый манипулируемый организациями и технотруктурами – добившийся распределения через социал-демократические установления – ставший потребителем в потребительском обществе и бунтарем в момент его кризиса. Третья современность еще не сформировалась. Она началась с 90-х гг. XX в. и человек здесь сначала попытался освоить черты Первой современности – быть экономическим, оставаясь массовым потребителем, но динамика этих свойств весьма тревожна³²⁴. Такая трансформация идентичности, соответствующая этапам современности, является одним из проявлений многомерного процесса персональной модернизации, содержание, формы, механизмы и движущие силы которой важно исследовать, в частности, основополагающую модель «экономического человека»³²⁵. В исследовательском поле персональной модернизации приобретают особое значение подходы, которые отходят от абстрактных и универсальных моделей и приходят к обоснованию множественности моделей национальных и региональных, в основе которых в качестве детерминирующего фактора лежит культура.

Культура как «конкурентное состояние ума»: на пути к национальным и региональным моделям персональной модернизации

Очевидным фактом является то, что некоторые страны оказываются более успешными в модернизации, чем другие. Как выяснилось, это во многом зависит от культурных ценностей и установок людей, так как под их влиянием складываются принципы организации экономической жизни как основы разнообразных социальных программ. Примером может служить влияние конфуцианства на модернизацию в Китае и Восточной Азии, оцениваемого как позитивный потенциал в модернизации данного региона. Ту Вэймин выделяет ряд ключевых моментов восточно-азиатской программы модернизации: государственное вмешательство в рыночную экономику; отказ от доктрины, что власть – неизбежное зло, а «невидимая рука» рынка поддерживает общественное равновесие; закон представляет собой минимальное условие поддержания стабильности, «органическая солидарность» необходима; цивилизованное поведение не достигается с помощью наказания; следование истинному учению требует добровольного участия; один лишь закон не способен вызвать чувство стыда, без которого цивилизованное поведение невозможно; люди приобщаются к высшей истине благодаря общественным ритуалам; семья выступает в роли главного звена, передающего ритуалы от поколения к поколению; взаимоотношения внутри семьи, дифференцированные в соответствии с возрастом, полом, авторитетом, статусом, создают естественное окружение, в котором можно приобрести навыки правильного поведения; принцип взаимности присущ всем разновидностям внутрисемейных отношений; возраст и пол, две наиболее глубокие разграничительные линии внутри человеческого сообщества, непрерывно преодолеваются в семье, благодаря заботе ее членов друг о друге. В подобной среде гражданское общество не играет первостепенной роли, поскольку оно находится выше семьи и за рамками государства. Взгляд, согласно которому семья есть микроскопическая модель государства, а само государство – большая семья, имеет важное политическое значение. Гражданское общество – посредник между семьей и государством. Динамика частного и публичного позволяет гражданскому обществу вносить свой вклад в

социальное процветание. Образование должно стать гражданской религией общества. Главная цель образования – воспитание характера. Работая над созданием всесторонней личности, школа обязана стимулировать не только когнитивные, но и этические навыки, аккумуляцию «социального капитала» через коммуникацию, расширение культурной компетенции и приобщаться к духовным ценностям. Поскольку самовоспитание является основой порядка в семье, государстве и мире, качество жизни в конкретном обществе зависит от уровня самовоспитания его членов. Социум, который настаивает на самовоспитании как на необходимом условии общественного прогресса, видит в политическом руководстве стремление к добродетели, во взаимопомощи – средство личной самореализации, в семейных ценностях – путь к подлинной человечности, в гражданственности – метод естественного вовлечения людей в дела общества, в образовании – созидание характера³²⁶.

Эти положения несомненно содержат характеристику персональной модернизации «по-восточному», на основе национальных культурных традиций и менталитета. Сам Ту Вэймин обращает внимание, что такие ценности Просвещения как инструментальная рациональность, права и свободы человека, верховенство закона, неприкосновенность частной жизни и индивидуализм в наше время приобрели универсальное значение. Но, как показывает пример Восточной Азии, конфуцианские ценности типа сострадания, уравнительной справедливости, чувства долга, приверженности ритуалам, ориентации на группу также стали общепризнанными. Повышенная склонность Запада к саморефлексии позволит понять роль жизненного опыта миллионов людей и способствовать диалогу цивилизаций. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии – Японии, четырех «мини-драконов» – материкового Китая, Вьетнама, Южной Кореи, свидетельствует, что не только экономические и политические факторы, но и культурная традиция оказывают заметное воздействие на процесс модернизации, а персональные качества людей находятся под ее воздействием.

В современном мире важны стратегии развития, в том числе связанные с воззрениями на возникновение богатства. По мнению С.Линдсея, в развивающихся странах господствует представление о решающем значении относительных преимуществ (защищенность рынков; сосредоточенность на микроэкономике;

ограниченный доступ к лидерам; приоритет, отдаваемый физическому и финансовому капиталу; иерархическая и жесткая структура; увлечение масштабными проектами; зависимость от иностранных партнеров; реактивный подход; правительство как главный стратег; перераспределение богатства; патернализм), в модернизирующихся – важна роль конкурентных преимуществ (глобализация и конкуренция; сосредоточенность на макроэкономике; повышение производительности на уровне отдельных фирм; приоритет, отдаваемый человеческому и информационному капиталу; меритократическая и гибкая структура; умение приспосабливаться к запросам дня; активная миграция капитала; проактивный подход; сотрудничество бизнеса и власти; создание богатства; новаторство)³²⁷:

Применительно к России обсуждение этих проблем было представлено на «Круглом столе» – «Региональное многообразие России: версии модернизации»³²⁸.

Подводя итог, можно отметить, что теория персональной модернизации является проблематизацией взаимодействия человека с обществом, его социальными структурами и институтами. Она показывает характер эволюции социально-гуманитарного знания, выявляя его процессуальность, контекстуальность и различные интерпретации. От выявления психологических и сущностных признаков современного человека она идет к анализу универсальных условий существования институтов современности и их последствий и углубляется в понимании неоднородности современности и возрастающего значения культурных и региональных особенностей, инициируя модели национальных модернизаций с учетом персональных качеств людей.

Глава 13. Проблемы модернизации в депрессивном регионе

Одним из главных препятствий модернизации такого многонационального, многоконфессионального и депрессивного региона, как Дагестан, на сегодняшнем этапе является религиозно-политический экстремизм. Это – острейшая практически-политическая проблема для многих стран мира. В 2010 г. 77 стран испытали на себе его влияние. Российская Федерация находилась в первой десятке этих стран, занимая седьмое место, наряду с Афганистаном, Ираком, Пакистаном, Индией, Сомали, Конго (Браззавиль), Конго (Киншаса), Таиландом, Колумбией.

Данная проблема исключительно актуальна для северокавказских республик Российской Федерации. Они находятся на острие противостояния радикальным религиозным течениям, этому особому виду войны, как выразился Д. Арас в своей книге «Четвертая мировая война». По его мнению, «терроризм – самостоятельная военно-политическая категория, особый вид войны, компонент политической культуры и направление идейного мировоззрения, включающий силовые и иные представляющие угрозу мотивированные действия, проявления и тенденции со стороны организованных структур, действующих вне формата государства»³²⁹.

Для характеристики этого явления используется множество терминов: «политический ислам», «исламский фундаментализм», «ваххабизм», «салафизм», «исламский экстремизм» и другие. Их часто употребляют как синонимы. Есть и противники такого подхода, перемешивающего многие значения. Использование слова «ислам» в сочетании с терроризмом, экстремизмом вызывает протесты, особенно у верующих людей, так как сама религия прямого отношения к экстремизму не имеет. Но нельзя не считаться и с тем, что многие религиозно-политические группировки сами себя позиционируют как исламские. Тем не менее, термины «исламский терроризм» и «исламский экстремизм» не очень правильны, когда речь идет о терроризме и экстремизме под прикрытием ислама, поскольку они бросают тень на религию, вызывают неприязнь к исламу. Террористические организации предпочтительнее называть ваххабитскими, особенно говоря о Северном Кавказе и в целом о Российской Федерации.

Ваххабиты не скрывают своих намерений. В подтверждение приведу показания обвиняемых в преступлениях террористической направленности в Дагестане, которые были обнародованы пресс-службой прокуратуры республики. Вот два из них. Обвиняемый Амиров, 1993 г. рождения: «...Шариат и Халифат казались мне единственно возможной справедливой формой правления в мире, а кто противодействовал установлению этой формы правления, я считал, что с ними надо разбираться. Я стал враждебно относиться к России и светскому строю, в котором мы живем. Я добровольно вступил в НВФ (незаконное вооруженное формирование. – М.А.). Я знал, что вступаю в него для того, чтобы убивать сотрудников правоохранительных органов. Мы собирались в лесу и обсуждали, как насильственно изменить существующий строй...»³³⁰. Вот слова другого обвиняемого – Махмудова: «...Собеседники говорили, что в Дагестане необходимо вести джихад, потому что мусульманами в Дагестане правят немусульмане, а земля Дагестана является исконно мусульманской, и это с точки зрения ислама не только разрешает вести вооруженные действия против неверных, но и обязывает каждого совершеннолетнего мусульманина выйти на джихад... В Дагестане в настоящее время власть не у мусульман и мусульмане должны вести войну с представителями правоохранительных органов, то есть с российской властью, и насильственно поменять существующую светскую власть, то есть установить Халифат...Необходимость убийств представителей российской власти, даже если это исконные дагестанцы, обосновывается тем, что они служат власти неверных, следовательно, являются «муртадами», то есть веротступниками, и их можно убивать»³³¹. Отторжение Дагестана, Северного Кавказа от России, создание исламского государства, Халифата становится целью террористов. Как видно из показаний обвиняемых, они в целях достижения этих целей делают ставку и на насилие.

Ваххабизм внесен на Северный Кавказ извне после развала СССР усилиями многочисленных международных радикальных исламских центров, культурно-просветительных и благотворительных организаций при их огромной финансовой и организационной поддержке. Но успех иностранных центров был бы невозможен, если бы не ошибочная политика федеральных властей

в регионе. Она привела в девяностые годы к разгону легитимных органов власти в Чечено-Ингушской республике, последующей войне в Чечне. Ведь изначально борьба за независимость Чечни носила светский характер и есть доля правды в известном высказывании Д.Дудаева о том, что Россия втолкнула их в ислам. Война в Чечне дестабилизировала и без того непростую ситуацию и в Дагестане, еще больше обострила социально-экономический кризис, вызвавший нищету, безработицу, имущественное расслоение людей, криминализацию жизни. Это сопровождалось образованием криминально-политических кланов, коррупцией, ростом преступности и другими негативными явлениями. Питательной почвой для ваххабизма стали и ослабление российского государства, деидеологизация жизни, духовный вакуум, процесс разрушения прежней системы ценностей, традиций, начавшийся кризис идентичности. Благоприятствовал религиозно-политическому экстремизму и процесс подъема религиозных настроений в мире, начавшийся в последние десятилетия XX в. и продолжающийся в начале нынешнего столетия, «реванш Бога», говоря словами французского религиоведа Жиля Кепеля³³².

Социально-экономических, политических, идеологических и других факторов, вызывающих экстремизм, много. Как правило, они действуют в комплексе. Но в каждом регионе есть и своя специфика. Так, в Чечне экстремизм вырос на сепаратизме и национализме, а в условиях Дагестана именно настроения социального протеста стали катализаторами религиозного экстремизма.

Ваххабизм был чужд социально-культурным традициям дагестанского общества. Но он нашел здесь благодатную почву, питательную среду. Сегодня это достаточно влиятельный сегмент общественно-политической активности. Как это могло произойти? Ведь даже в девяностые годы в республике не было в подавляющем большинстве народа антироссийских настроений. В.А.Тишков прав, утверждая, что «...со стороны может показаться парадоксальным, но это факт: Дагестан имеет больше всего мечетей и дает порой до 80 процентов всех паломников, выезжающих в Мекку, и в то же время здесь сильны установки в пользу российской государственности»³³³. В чем же тогда дело? Чем объяснить всплеск экстремистской исламизации и ваххабизации общества? Почему ваххабизм «все больше молодеет и крепнет интеллекту-

ально, демонстрирует способность к самоорганизации и самовоспроизводству»⁷³³⁴. Почему расширяется его география? Почему он все больше радикализируется?

В первую очередь из-за недовольства проводимой в стране социально-экономической политикой.

Ваххабизм – проявление социального протеста против формирующегося чиновничье-олигархического строя, периферийного капитализма, игнорирующего интересы большинства народа. Именно в недовольстве этой политикой и режимом, проводящим эту политику, заложены корни разрастающегося религиозно-политического экстремизма. Это недовольство приводит к росту сторонников ваххабизма, в котором озлобленные люди ищут образец «справедливого общественного порядка». Именно поэтому одними военно-полицейскими методами эти тенденции не остановить.

Ваххабитские активисты умело используют сложившуюся ситуацию, распространяют специфическую исламскую теологию на область актуальной общественной проблематики. Исламские понятия и ценности истолковываются так, чтобы они могли дать ответы на все злободневные вопросы жизни. В первую очередь война идет за сознание людей, особенно молодежи. Террористическая война с режимом – это уже следствие проигрываемой государством войны за души людей.

Многие в стране сводят ваххабизм к противостоянию двух теологических течений ислама – суфизма и салафизма. Между ними, действительно, имеются серьезные разногласия. Но сводить к этому основную причину – это сильное упрощение ситуации. На самом деле ваххабиты противостоят не суфизму, а государству. Вернемся к показаниям молодых людей, обвиненных в преступлениях террористической направленности, которые приводятся в начале статьи. Они подчеркивают, что вступили в незаконные вооруженные формирования для того, чтобы «насильственно изменить существующий строй», «убивать сотрудников правоохранительных органов как представителей российской власти». Еще один момент в показаниях: «необходимость убийств представителей российской власти, даже если это дагестанцы, обосновывается тем, что они служат власти неверных». В эту группу служащих власти неверных, наряду с работниками правоохранительных органов, государственными служащими, журналистами и другими, попадают

и представители традиционного ислама как люди, лояльные государственной власти и доказывающие ошибочность позиции салафитов о джихаде, вооруженной борьбе против государства. Это принципиально важно для понимания ситуации и профилактики религиозно-политического терроризма.

Что касается того, что в вышеприведенных показаниях экстремистов основной акцент сделан на неприемлемости светской власти, то надо подчеркнуть, что таких идейно убежденных среди них немного. Это подтверждают и социологические исследования, проводимые в республике. Большинство понимает утопичность идеи исламского государства. Поэтому оторвать большинство от радикальных идей, лишив тем самым ваххабитов социальной базы, можно и нужно. Для этого наше государство должно быть реально социальным в полном соответствии с Конституцией России. Политика государства должна быть направлена на общее благо, на защиту интересов большинства народа, а не олигархических кругов и высшей бюрократии. И подход к религиозно-политическому экстремизму должен быть как к многомерному духовно-политическому феномену, хотя и привнесенному извне, но попавшему на благодатную почву из-за роковых просчетов в ходе прошедших политических трансформаций, пренебрежения особенностями местной культуры, традиций, истории, мнением большинства народа, его участием и поддержкой.

Будучи Президентом республики Дагестан с 2006 по 2010 гг., я имел возможность проверить на практике достоверность такого подхода к рассматриваемой проблеме, провести своего рода социальный эксперимент. Как уже отмечалось, идеологическая составляющая играет в экстремистском движении определяющую роль. С учетом этого нами были сформулированы следующие направления информационно-пропагандистского противостояния ваххабизму. Первое направление – вскрытие природы и разоблачение экстремистского проекта религиозного и национального переустройства республики. Второе направление – демонстрация преимуществ нахождения Дагестана в составе Российской Федерации. Третье направление – разработка и реализация мер против расширения пособнической базы террористов, усиление индивидуально-профилактической работы среди населения, особенно молодежи. Была принята специальная республиканская Комплекс-

ная программа по профилактике экстремизма и терроризма. Такие программы были созданы и в большинстве муниципальных образований. Каждое муниципальное образование должно было помочь молодым людям, попавшим в «зону риска», тяжелую жизненную ситуацию, нуждающимся в помощи, в поддержке со стороны общества, властей. Четвертое направление – добиваться диалога с ваххабитами. Условием прямого диалога было одно – чтобы они отстаивали свои убеждения политическими, идеологическими средствами, без оружия и насильственных акций.

Главные причины религиозно-политического экстремизма в Дагестане были внутренние. Прежде всего, экономические: существенное отставание в уровне социально-экономического развития от других регионов Российской Федерации, массовая безработица, социальное расслоение общества, низкий уровень жизни людей. Не менее злободневны социально-политические причины: засилье кланов, коррупция, правовой нигилизм, социальная несправедливость. Росту религиозно-политического экстремизма способствовал и духовно-нравственный кризис, раскол между государством и обществом, властью и личностью. Люди видят, что тот реальный мир, в котором они живут, не соответствует тому, о чем говорят власти. Именно по этой причине значительная часть дагестанского общества не воспринимает борьбу с терроризмом как свою собственную. Они убеждены, что это борьба не для них и не за них, что это война террористов со своими обидчиками – чиновниками, правоохранительными органами. Мы же на федеральном и особенно на региональном уровне свели основную деятельность к борьбе с террористами, а не с терроризмом как с многомерным и массовым духовно-политическим явлением.

Ваххабизм паразитирует на пороках государственной политики и практики, издержках неэффективных социально-экономических реформ. Он придает недовольству людей идеологический (теологический) характер, канализирует протестные настроения в духовное течение, привлекая тем самым в свои ряды новых сторонников. Именно это доказывает, что подлинный конфликт с ваххабитами лежит, как уже говорилось, в плоскости отношений общества и государств, а не групп религиозных приверженцев того или иного направления. Смысл их существования и источник их силы в борьбе с властью, которую не любит весомая доля населе-

нии. Поэтому они не заинтересованы в каком-либо сотрудничестве с властью, в установлении цивилизованных отношений. Власть это должна знать и сделать все для перевода противостояния в политическую плоскость. Политика в отношении борьбы с экстремизмом должна быть открытой, ориентированной на поддержку населения, всех государственных, общественных, религиозных институтов, настроенных против этого зла, правоохранительных органов.

На этих подходах строилась и реализовывалась наша антитеррористическая стратегия. Она была озвучена в первом Послании Президента Народному Собранию³³⁵, а также в докладе на Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму»³³⁶.

Большинство дагестанского общества поддерживало этот курс, о чем можно судить по данным социологических опросов тех лет, текстам центральной и местной прессы. Противодействовали ему не только сами ваххабитские группы, что закономерно, но и кланово-корпоративные группы, которые в мутные девяностые годы фактически захватили как экономическую, так и политическую власть в республике. Кланов в Дагестане – это достаточно сложное общественно-политическое явление. Ядром каждого из них, разумеется, являются родственники, но ядро обростаёт активным окружением, не обязательно состоящими в кровнородственных отношениях. Это могут быть люди одной этнической группы, национальности, села, района, однокурсники, друзья и т. д. Их формирование было обусловлено общим институциональным крахом, социальной дезорганизацией, развалом правоохранительной системы. В 1990-е гг. их формированию попустительствовал и федеральный центр. Он слишком был занят Чечней. От Дагестана нужна была лишь лояльность Центру. Внутренние проблемы республики его мало беспокоили. К тому времени, о котором мы ведем речь (2006 г.), кланы уже стали силой, с которой нельзя не считаться. Но было совершенно очевидно, что они не союзники в противостоянии религиозно-политическому экстремизму и в модернизации республики, поскольку эта работа требовала укрепления правового и экономического порядка. А это противоречило их прямым интересам.

Как строить политику в отношении кланов? Это далеко не простой вопрос для тех, кто занят в практической политике. Выбор путей, как бы он ни был важен, был не богат. Идти с открытым

забралом против всех означало бы донкихотство и привело бы к резкому обострению общественно-политической ситуации. Никого не трогать, балансировать между кланами, или бороться с одними кланами, опираясь на других, значило бы продолжать старую политику, которая привела один раз к войне 1999 г. и дальнейшему ухудшению социально-экономической и общественно-политической ситуации в республике.

Я сформулировал себе следующую стратегию действий. Первое – не допускать преемственности властных полномочий по наследству, происхождению, роду. Второе – не иметь ни с одним из кланов «особых отношений», быть равноудаленным от всех. Третье – не закрывать вместе с тем доступ к органам власти представителям кланово-корпоративных групп только лишь на том основании, что они принадлежат к кланам. Они могут быть выдвинуты на общих со всеми основаниях, исключительно по своим деловым, профессиональным качествам. Считаю, что это была правильная стратегия действий. Все дагестанские кланы были вынуждены с этим согласиться, т. к. я не только провозгласил эти новые правила, но и неуклонно придерживался их. В результате ощутимые результаты были достигнуты уже через два года работы Президентом. Фактически от прямых клановых уз были очищены республиканские органы исполнительной власти и парламент. Но кланы продолжали сохранять свое присутствие и известное влияние на уровне отдельных крупных муниципальных образований, а также влияние на федеральном уровне. Были существенные сдвиги и в противостоянии религиозно-политическому экстремизму. В 2006 г. более чем в два раза сократилось число террористических актов (в 2005 г. совершено 47 терактов, а в 2006 г. – 16). Снизилось со 108 до 65 и число посягательств на работников правоохранительных органов. Если в 2005 г. погибло 72 сотрудника, то в 2006 – 35. Более чем вдвое сократилось число погибших и раненых среди гражданского населения. Положительная динамика продолжилась и в 2007 г. Был совершен лишь один теракт. На 42,9 % снизилось число преступлений террористической направленности. Религиозный экстремизм во многом был дискредитирован в глазах общественности. 45 боевиков за эти два года сложили оружие и явились с повинной. В этих целях использовались амнистии и другие механизмы регулирования конфликта, усилилась реинтеграция людей к мирной жизни.

Для продолжения и закрепления позитивных изменений, перемен нужна была преемственность в политике Центра, нужны были время и терпение, продолжение координированной, согласованной работы, как и в предыдущие два года (2006–2007) при президентстве В.В.Путина. К республике в эти годы со стороны федерального центра был, можно сказать, адресный подход как к субъекту, находящемуся в зоне геополитического риска со множеством острейших проблем, связанных с ее многоэтничностью, многоконфессиональностью, развитым экстремизмом, пограничными спорами, начавшимся переходом на унифицированные по всей стране правила формирования органов государственной власти. В последующие «медведевские» два года сложилась диаметрально противоположная ситуация. Адресный подход был заменен на контрпродуктивный подход как к «аномальному» региону, к зоне нестабильности и конфликтов, чуть ли не коренящихся в его социокультурной природе. На смену курса поддержки и помощи в работе, согласованных действий пришел курс жесткой риторики о клановости, коррумпированности. Усилилась кавказофобия. Отстаивание своей точки зрения, законных конституционных интересов республики, стали оцениваться как какие-то претензии руководителя региона на автономию от центра. К глубокому сожалению, эти настроения были подхвачены не только журналистами и публицистами, но и некоторыми учеными. Посмотрите, к примеру, Доклад Центра политических технологий, возглавляемого профессором Г.Ф.Туровским, под названием «Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и предпосылки модернизационных процессов»³³⁷. Материал по Дагестану здесь нередко преподносится на основании обывательских слухов, слегка прикрытых «экспертными оценками». Доклад построен на схеме противопоставления центра, озабоченного государственными интересами, северокавказским республикам, прежде всего его руководителям, нацеленным якобы в основном на максимальные автономии, финансовые вливания в свои регионы, благополучие кланов. Центральная пресса, интернет-сайты «московских кавказоведов» изобилуют такими мифологическими противопоставлениями Центра кавказским регионам. А.Епифанцев в статье под претензионным заголовком «Почему мы теряем Кавказ» пишет: «Можно припомнить выволочку, устроенную Президентом Даге-

стана Муху Алиевым центральной власти в феврале 2009 г., когда он грубо выгнал назначенного из Москвы руководителя налогового ведомства Дагестана Владимира Радченко. Причем, сделано это было в предельно оскорбительном и вызывающем тоне... Я очень сомневаюсь, чтобы подобным образом мог поступить кто-нибудь из руководителей некавказских регионов»³³⁸. Это все не имеет ничего общего с реальной действительностью. Это выдумки А.Епифанцева и подобных ему. О том, как на самом деле происходило все, я неоднократно говорил, еще работая Президентом республики. Посмотрите хотя бы интервью «Газете. Ру» и «Кавказском узле» 23 октября 2009 г. К сожалению, реальная кремлевская политика на Северном Кавказе «медведевского периода» и концепции епифанцевско-туровского типа осуществлялись согласованно, дополняли друг друга и были далеки от истинного положения дел. Все это было на руку нашим кланово-корпоративным группам, не могло не отразиться негативно на общественно-политической обстановке, в том числе и на активизации религиозно-политического экстремизма.

На осложнение обстановки в республике и регионе в целом сказала и пятидневная война с Грузией. Значительно усилилось информационное и идеологическое давление из-за рубежа на интересы России на Кавказе. Федеральный центр вместо того, чтобы объективно разобраться в этой новой складывающейся обстановке и внести коррективы в свою политику и помочь региону, действовать согласованно, избрал другой курс, о котором мы говорили выше в общих чертах. В 2008 г. выросло по отношению к предыдущему году количество преступлений террористической направленности, посягательств на сотрудников правоохранительных органов, число погибших и раненых, а в 2009 г. стало еще хуже. В начале 2010 г. истек срок моих полномочий. Москва меняет высшую власть в республике Дагестан, но не меняет свою политику в регионе. К чему это привело? 2010–2012 гг. оказались самыми кровопролитными в Дагестане за весь постсоветский период. За эти годы погибло и ранено примерно столько же сотрудников правоохранительных органов, сколько за предыдущие десять лет вместе взятых. За эти три года погибло и ранено гражданского населения больше, чем за предыдущие десять лет. Что же касается боевиков, их за эти три года уничтожено около 600 человек, что на-

много больше, чем за предыдущее десятилетие. Кремль досрочно прекращает полномочия Президента республики. За три последних года – третий Президент в республике.

Нужно серьезно переосмыслить не только вопросы эффективности функционирования региональных властей, но и федеральную политику в отношении северокавказского региона. Прежде всего, необходимо остановить вал кавказофобии, накрывающий всю страну. Пора понять, что враждебность к кавказцам как таковым тяжелее всех отражается на молодых людях, на тех, кто выбирает себе жизненный путь, стремится реализоваться как человек и гражданин. Кавказофобия травмирует его, порождает чувство ущербности, маргинализирует как личность, вызывает реакцию отторжения, способствует росту радикальных настроений. Конечно, клановость, коррумпированность в северокавказских республиках, о которых много пишут и говорят, имеет место. Но эти явления нельзя рассматривать вне общероссийского контекста, их нельзя представлять как исключительно «кавказские». Они лишь «слепок» общей ситуации в стране. Меры по их преодолению должны носить общегосударственный характер. Нельзя к республикам Северного Кавказа предъявлять нормы, стандарты, критерии поведения, которым не отвечает само российское государство в целом.

Надо прекратить фальсификацию истории народов Северного Кавказа, попытки принижать уровень развития его народов. Корни религиозно-политического экстремизма нужно искать не в исторических, антропологических, религиозных или в каких-то иных цивилизационных особенностях народов Северного Кавказа. Они не там, а в складывающихся в новейший период истории процессах, в проводимой в стране политике, которая дискредитирует идею социального государства и социальной справедливости. Корни в бедности и расслоении людей, отсутствии у них, особенно у молодежи, возможностей для вертикальной мобильности, профессионального роста, честного продвижения в соответствии с заслугами.

Новое поколение молодежи, выросшее за последние двадцать лет, существенно отличается от предшествующих поколений. Нынешнее поколение социализировалось в период радикальных трансформаций, под воздействием могущественных

СМИ, освободившихся от каких-либо идеологических или нравственных ограничений, в атмосфере чиновничьего произвола и безответственности власти по отношению к основной массе населения своей страны. Нынешняя молодежь не верит земным авторитетам, отсюда, с одной стороны, высокий уровень религиозности, а с другой – доверие и ориентация на непосредственно близких людей. Складывается новый, ранее не существовавший тип личности. Незаметно в течение этих двух десятилетий деструктивные процессы в стране в целом и в республике Дагестан, в частности, образовали этот кумулятивный эффект. Мы стоим перед лицом новой социальной реальности. Ваххабизация первого постсоветского поколения шла в основном под влиянием иностранных эмиссаров. Сегодня она осуществляется на основе внутренних факторов. И это очень опасно. Усиливается религиозно – националистическая составляющая личности, растут протестные настроения.

Выход – в честном осмыслении реальности и системной постановке и решении соответствующих задач преодоления общественного кризиса, в качественном улучшении жизни людей. В подтверждение сказанного сошлемся на один из последних экспертных опросов, проведенных в рамках проекта «Реакция российского общества на терроризм» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического региона в условиях роста напряженности»³³⁹. Опрос проходил в июне 2012 г. в трех регионах – в республиках Башкортостан, Дагестан и Татарстан. В целях определения факторов повышения эффективности антиэкстремистского, антитеррористического воздействия экспертам был предложен открытый вопрос: «Какие условия и меры могли бы, с Вашей точки зрения, в принципе способствовать функционированию и развитию эффективной системы антиэкстремистского, антитеррористического образования и воспитания в регионе?». Контент-анализ сходных ответов, представлен в следующей таблице.

Таблица 1

*Первоочередные условия и меры повышения
эффективности антиэкстремистского,
антитеррористического образования и воспитания
(в % от числа экспертов в каждом регионе и в целом)*

Факторы	Республика Башкортостан	Республика Дагестан	Республика Татар- стан	В целом
Общероссийская гражданская иден- тичность	29	16	22	22
Повышение общего уровня образования	23	13	17	18
Решение проблем трудоустройства, за- нятости молодежи	11	29	0	16
Усиление правовой ответственности за пропаганду экстре- мизма, пропаганда неукоснительного соблюдения законов	5	13	13	10
Повышение общего уровня культуры, воспитания	9	0	13	6
Социально-экономи- ческое и обществен- но-политическое развитие региона	3	5	0	3
Возрастание роли семьи	0	8	0	3
Пропаганда здорово- го образа жизни	2	0	4	2
Пропаганда толе- рантности, патрио- тизма	6	0	0	2

Повышение уровня педагогических кадров	0	3	4	2
Борьба с коррупцией	0	3	4	2
Антиэкстремистская пропаганда, жесткая борьба с нацизмом	0	0	9	2
Открытость власти, отказ от политики «замалчивания» и игнорирования проблем	0	0	9	2
Изучение истории народов (проживающих в регионе), воспитание уважения к ним	3	0	0	1
Больше доверять местным специалистам, у которых огромный опыт такой работы в многонациональном регионе	3	0	0	1
Вовлечение молодежи в положительную деятельность (экономику, политику, культуру), развитие системы социального творчества	0	3	0	1
Целенаправленная работа СМИ, открытость и объективность СМИ; четкое единое информационное обеспечение	3	0	0	1

Формирование установок на благополучное будущее, уверенность в завтрашнем дне	3	0	0	1
Активизация социальных лифтов для молодежи, обеспечение востребованности образования и таланта	0	3	0	1
Честная власть, которая избирается на честных выборах	0	0	4	1

Как видим, эксперты из Дагестана сделали основной упор на мерах социально-экономического характера – решение проблем трудоустройства и занятости молодежи, а также на повышении роли семьи в воспитании подрастающего поколения. Обращает на себя внимание и предложения, касающиеся формирования общероссийской гражданской идентичности, социально-экономического и общественно-политического развития региона, неукоснительного соблюдения законов, правовой ответственности за пропаганду экстремизма, а также вовлечения молодежи в положительную деятельность, активизацию социальных лифтов для нее.

Экономический потенциал Дагестана значительно ниже общероссийского уровня. В условиях экономического кризиса девяностых годов произошла деиндустриализация, ухудшилась социально-профессиональная структура населения, усугубились проблемы аграрного перенаселения. Отставание Дагестана от средних показателей по Российской Федерации на начало 2006 года было по ВРП (Валовой региональный продукт) на душу населения в 4,2 раза, по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в 16,4 раза, по инвестициям в основной капитал в 2,2 раза, по среднемесячным доходам населения – в 1,6 раза. Здесь была самая низкая в России заработная плата. В республике сложилась деформированная структура экономики. Удельный вес сельского хозяйства в ВРП в четыре раза превы-

шал показатели России, а промышленности были в 3,7 раза меньше. Половина школ республики была размещена в ветхих и аварийных зданиях (это более 800 школ). Лишь 10 процентов фельдшерско-акушерских пунктов от их общего количества размещалось в типовых зданиях. Одной из самых высоких в стране оставалась безработица. Перечень подобных проблем можно продолжить.

В короткие сроки изменить сложившуюся на протяжении десятилетий ситуацию невозможно без всесторонней модернизации региона. В Дагестане были необходимые предпосылки для модернизации. Прежде всего, это один из самых высоких в северокавказских республиках научно-образовательный потенциал, люди, склонные к предпринимательству, особенно среди молодежи, надежды людей, которые устали от происходящего, на перемены и, я бы даже сказал, их завышенные ожидания. Были, конечно, и существенные ограничения, препятствия. О части из них было сказано выше, в частности о кланово-корпоративных группах, деформированной структуре экономики, коррупции. К ним нужно добавить зачаточное состояние институтов гражданского общества, закрытость власти, авторитаризм, слабость муниципальных властей.

Эти и другие проблемы, хотя и тяжелые, но преодолимые. Не имея в рамках научной статьи возможности изложить сделанное подробно, отмечу хотя бы тезисно, основные позиции в плане политической модернизации, переустройства сложившегося порядка. За первые два года была демонтирована старая система государственного устройства девяностых годов, жестко привязанная к этническому своеобразию. Упразднен Госсовет как высший орган исполнительной власти, так называемый «коллегиальный президент». Были отменены выборы по квотам и национально-территориальным округам. Эти институты исчерпали себя, больше работали на консервацию архаических элементов социально-политических отношений. Были утверждены новые политические институты. Введена должность Президента Республики Дагестан. Выборы в парламент впервые были проведены по пропорциональной системе. Осуществлялись административная и муниципальные реформы, был создан координационный совет по формированию основ гражданского общества при Президенте. Начали функционировать Уполномоченный по правам человека в Республике Дагестан, Общественная палата Республики Дагестан.

Модернизационные процессы шли и по другим направлениям, прежде всего экономическим. Они были направлены на ликвидацию отставания республики от других регионов, создание среды, условий, способствующих реализации того потенциала, прежде всего человеческого, которым располагает республика, наших ресурсов, преимуществ, наших традиций, культуры. Были и ощутимые результаты. Темпы роста по подавляющему большинству показателей социально-экономического развития республики превышали средние данные по ЮФО, а по таким показателям, как денежные доходы населения, объемы инвестиций, строительства, розничной торговли, платных услуг и по некоторым другим наше отставание от средних показателей по ЮФО сократилось за два года на 7–10 %. Сбор налогов в консолидированный бюджет республики увеличился почти в два раза. Значительно выросли бюджетные расходы на образование, здравоохранение и культуру. За эти два года построено 29 новых школ. На Дагестан приходилось 21 % от всех вновь введенных ученических мест в ЮФО. Введено 16 объектов здравоохранения, в том числе республиканские кардиологический и физиотерапевтический центры, 374 км газопроводов, 54 км линий водоснабжения и водоотведения, 55 км автомобильных дорог, 18 мостов и других объектов.

Но и в последующие два года, несмотря на трудности объективного характера, связанные с финансово-экономическим кризисом в стране и субъективного плана, о которых говорилось выше, республика развивалась хорошими темпами. Они, как и в первые два года, были выше средних показателей по округу и стране. За четыре года ВРП в республике возрос более чем в 2,5 раза, инвестиции в основной капитал увеличились в 3 раза. По инвестициям на душу населения мы превзошли средние показатели ЮФО. В 2005 г. республика находилась по этому показателю на 76 месте в РФ. В 2009 г. мы поднялись на 51 место. Доходы консолидированного бюджета республики выросли в 3 раза. Среднедушевые денежные доходы населения за 4 года выросли в 2,5 раза. Они составили в 2009 г. 13 806 рублей. По этому показателю мы вышли на 32 место в РФ, а находились на 67. По обороту розничной торговли на душу населения с 47 на 20. По вводу в действие общей площади жилых домов на 1 000 человек населения с 41 на 31, по объемам производимой сельскохозяй-

ственной продукции с 22 на 18. На несколько пунктов улучшили свои позиции и по таким показателям, как ВРП на душу населения, основные фонды в экономике, поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему.

Серьезным препятствием модернизации региона было и остается отсутствие национальной модели модернизации, опирающейся на традиции, культуру, идентичность народа. Государство должно быть главным инициатором, субъектом модернизации в интересах большинства народа. Б.А.Кистяковский говорил: «Можно ли у современного русского человека предположить симпатию и любовь к государству? Рассуждая объективно, приходится ответить отрицательно на этот вопрос. В представлении большинства государство является каким-то безжалостным деспотом, который губит и давит людей. Государство – это чудовище, это зверь Левиафан, как его называл Гоббс, который поглощает людей целиком, без остатка. Для нас, русских, государство – это положение об усиленной чрезвычайной охране, это военное положение, это военно-полевые суды и смертные казни. Государство – это несправедливые войны, ведущие к подчинению и порабощению слабых и небольших национальностей великими и могучими нациями. Наконец, государство – это организация экономически сильных и имущих для подавления и эксплуатации слабых и неимущих. В чем же, однако, настоящие задачи и настоящие цели государства? Они заключаются в осуществлении солидарных интересов людей. При помощи государства осуществляется то, что нужно, дорого, ценно всем людям. Государство само по себе есть самая всеобъемлющая форма солидарности между людьми, и вместе с тем оно ведет к созданию и выработке наиболее полных всесторонних форм человеческой солидарности»³⁴⁰. Государство должно «захотеть» иметь такую модель модернизации, позволяющую реализовать «солидарные интересы людей», гарантирующую их более высокий уровень включенности в политические процессы.

Глава 14. Перспективы постиндустриальной модернизации

Сегодня много говорится о модернизации техники, технологии, производства, медицины, социальных учреждений и других сфер человеческой деятельности, имея в виду их совершенствование – *некоторое обновление, улучшение*. В таком понимании модернизация рассматривается как *эволюционный процесс трансформации разных сторон человеческой жизнедеятельности в пределах определенной мировоззренческой парадигмы* – принятой системы взглядов и представлений о месте и роли человека в природе и обществе.

Подобную модернизацию можно назвать *эволюционной модернизацией*. Совершенствование техники и технологии, производства и в целом бытия общества осуществляется здесь на основе имеющихся достижений науки или приобретенного опыта. Происходящие в обществе трансформации коренным образом не меняют способ воздействия человека на окружающий мир и формы его социальной жизнедеятельности, представления о месте и роли человека в природе и обществе.

Но есть и другой, принципиально иной тип модернизации, проявляющийся как коренное изменение способа воздействия человека на окружающий мир, а следовательно, и коренная модернизация производительных сил, включающая самого человека как главную производительную силу, коренное преобразование всей социальной жизнедеятельности, начиная с изменения экономических, политических и всех прочих социальных отношений и институтов, системы образования и воспитания и др., что приводит к формированию новой мировоззренческой парадигмы. Этот тип модернизации следует рассматривать как *революционную*.

Всякая эволюционная модернизация осуществляется только в контексте более общей – революционной модернизации. Начавшаяся примерно 200 лет назад Промышленная революция как процесс внедрения в производство механической машиной техники и технологии, приходящей на смену ручным инструментам ремесленников, стала по-настоящему революционной модернизацией, поскольку коренной технико-технологический переворот в материальном производстве сопровождался качественным изменением

всего бытия общества – становлением и развитием капиталистического способа производства, коренным изменением способа социальной жизнедеятельности людей и системы их мировоззрения. На протяжении всей истории индустриальной эпохи происходило постоянное совершенствование механических машин. Совершенствовались социальная структура и организация социума: количественно и качественно изменился классовый состав обществ, экономическое положение и благосостояние, политические организации и правовые отношения, система страхования, медицинское обслуживание, образование и пр. Однако все это происходило в рамках адекватного индустриальной эпохе способа производства общественной жизни, в рамках соответствующих мировоззренческих представлений и не меняло сложившийся теперь способ жизнедеятельности и господствующее мировоззрение людей. Они представляли себе мир как единую механическую систему и, как прежде, полагали, что даже используя высшие образцы механической машины техники и технологии отдельный человек не способен коренным образом изменить не только планетарный социоприродный Универсум, но даже незначительные по территории и значимые для общества природные комплексы. Люди считали, что из-за ограниченности своего воздействия на природу Земли можно пренебрегать опасностью негативного воздействия на природу, ибо мощность естественных геофизических процессов и биосферных круговоротов вещества и энергии превосходит масштабы человеческой деятельности, опирающейся на механическую машинную технику. И только отдельные ученые, такие, как В.И.Вернадский, П.Тейяр де Шарден, А.Швейцер могли в гипотетической форме сформулировать идеи о превращении человечества индустриальной эпохи в геологическую силу, о возможности ядерного омницида, превращения человечества в решающий фактор эволюции планетарного социоприродного Универсума. Эти идеи в широкой научной среде стали обсуждаться только тогда, когда они начали чувственно-зримо проявляться в практической деятельности людей.

Выход был найден в революционной – постиндустриальной модернизации – коренном изменении средств и способа воздействия человека на окружающий мир на основе новейших достижений науки и их использования в технологии производства. Эту

модернизацию в 60–80-е гг. прошлого столетия связывали с научно-технической революцией, которая давала возможность существенно увеличить производительность труда в материальном производстве, сократить рабочее время, использование традиционных ресурсов и энергии на единицу продукта, т. е. с перспективами преодоления технологических, социальных и экологических проблем, свойственных способу общественного производства эпохи индустриализма. Но революционная модернизация не ограничивается лишь сферой технико-технологической трансформации. Она обуславливает модернизацию всей жизнедеятельности людей.

В отличие от прежних революционных модернизаций: неолитической, промышленной революции, осуществлявшихся естественно-исторически, новая модернизация может быть успешной только как целенаправленный, контролируемый, осознанный процесс трансформации бытия общества, поскольку строится она на базе таких средств материального воздействия на окружающий мир, которые способны его качественно преобразовать в планетарном масштабе, коренным образом изменить место и роль человека в природе и обществе, сделать отдельного человека фактором эволюции планетарного социоприродного Универсума.

Последний тезис, несмотря на его определенную разработку в философской литературе³⁴¹, требует специального пояснения. Что представляет собой постиндустриальная революционная модернизация? В середине прошлого столетия эту коренную революцию часто не в состоянии были адекватно определить, и за сущность данного процесса выдавали ее отдельные проявления: автоматизацию, кибернетизацию, компьютеризацию, информатизацию производства и т. п. Введенный сейчас в научный обиход термин «нанотехнология» (не способная развиваться без автоматизации и пр.), представляет собой манипулирование объектами наноуровня, сделал понятным, что ближе к истине было сформированное в 1980-е гг. определение постиндустриальной революции как коренного переворота в средствах воздействия человека на окружающий мир, где в качестве орудий используются иницируемые им процессы молекулярного, атомного и субатомного уровней³⁴². Замена механически измененных по форме объектов природы, функционировавших в качестве орудия производства механических машин, процессами наноуровня ознаменовала на-

чало разворачивания всей цепи коренных преобразований общества, которые с неизбежностью порождает современная постиндустриальная революция.

В этом смысле она аналогична по своему социально-историческому статусу промышленной революцией, рассматриваемую К.Марксом как революцию «в применяемых средствах труда, которая преобразует способ производства, а потому и производственные отношения»³⁴³. В этой трактовке промышленная революция рассматривалась как более широкое явление, нежели просто технико-технологическая модернизация. Поскольку «вместе с происшедшей ...революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается также и революция в производственных отношениях»³⁴⁴, то промышленную революцию следует рассматривать вместе со всей совокупностью вызванных ей социальных трансформаций как определенный социальный процесс революционного преобразования бытия общества. В широком социальном контексте постиндустриальная революция есть коренная модернизация бытия общества, изменение адекватной индустриальному обществу мировоззренческой парадигмы.

Широкое использование иницилируемых человеком процессов наноуровня не только изменяет форму и объем вещества природы, подвергнувшегося воздействию человека, как это было прежде, а способна изменять структуру самой материи, т. е. преобразовывать естественные природные объекты на уровне их молекулярного, атомного и субатомного строения, проще говоря, создавать качественно новые, не встречающиеся в естественных условиях, образования, творить новый – неизвестный мир объектов и процессов. Человек с его нанотехнологиями уподобляется творцу, демиургу основ своего материального мира и среды обитания. Человек становится способным коренным образом менять тот мир в котором он сам и остальные живые существа приспособились обитать в течение всего процесса эволюции живого вещества на планете. Уже сейчас, когда использование нанотехнологий находится в начальной стадии и еще не вытеснило индустриальный технологический способ производства, заметно их влияние на изменение радиационного фона и мощности озонного экрана планеты, хиральной чистоты живого вещества биосферы, геном человека и других живых

организмов. Эти влияния уже сейчас оцениваются специалистами как наиболее существенные факторы изменения планетарных биогенных констант, разрушения экологической ниши биоты. Специфика нанотехнологий такова, что они позволяют отдельному человеку с помощью незначительных энергетических и материальных затрат инициировать разрушительные по своей мощи процессы как, например, взрывы ядерных и термоядерных устройств, распространения в окружающей среде токсичных химических веществ и биологических организмов, смертоносных заболеваний, излучений, генетических катастроф и пр., которые способны привести к изменению планетарных биогенных констант (экологическому кризису) и гибели всех высших форм жизни на Земле. Это возможно из-за разрыва между уровнем технологий и состоянием человека, который может не справиться с техникой в случае аварии, сознательно использовать ее во зло или оказаться психологически или профессионально не соответствующим ее возможным угрозам. Использование нанотехнологий чревато именно таким апокалипсическим сценарием. Коренная технологическая модернизация, следовательно, ставит вопрос о соответствии технологических возможностей, которыми она может обладать и социальной зрелости общества и человека.

Инфантилизация в эпоху коренной технико-технологической модернизации чревата неадекватным использованием ее достижений. Стратегия устойчивого развития – роста благосостояния, при сохранении экологического равновесия, теперь приводит к вопросу в том, насколько эти планы реалистичны.

Не разбирая конкретно процессы модернизации в разных отраслях товарного производства, достаточно обозначить общий характерный стимул и механизм технико-технологической модернизации и сопровождающей ее модернизаций других сторон общества: развитие человека и охрана природы осуществляются по остаточному принципу. Средства на заботу об экологических условиях существования людей формируются благодаря активности различных природозащитных организаций, организующих массовые акции за права человека на благоприятную экологическую среду обитания. Страны «золотого миллиарда» за счет перераспределения сверхприбыли, получаемой на дочерних предприятиях, расположенных в периферийных странах, несколько увеличивают

затраты на экологические нужды и выплаты своим работникам, на социальные пособия для безработных, стипендии студентов, пенсии пенсионеров и пр. Вместе с тем, коренная модернизация средств производства и связанная с ней цепь модернизационных изменений во всех других сферах жизнедеятельности людей в более отдаленной перспективе создает все больше проблем экономического, экологического и в целом социального характера. На чем основывается такой вывод?

Сегодня, как уже отмечено выше, благодаря развитию науки и техники отдельный конкретный человек с незначительной затратой сил и энергии может инициировать процессы наноуровня с глобальными разрушительными последствиями для человечества и его природной среды. Человечество чем дальше, тем больше становится заложником психического состояния, нравственного воспитания, профессиональной компетенции, идеологических убеждений, физического самочувствия и даже произвола, а в целом социальной зрелости отдельного конкретного человека, распоряжающегося современными техническими средствами. Однако состояние огромного множества людей, ставших фактором изменения эволюции бытия человечества в целом, не соответствует потребностям развития постиндустриального общества. Это люди «позапрошлого века», никак не соответствующие эпохе постиндустриализма. Но они так или иначе приобщены к пользованию современными техническими средствами и другими достижениями современной науки и техники, хотя и не готовы распоряжаться адекватно их мощи и характеру воздействия на окружающую природу, человека, социальные отношения и мир в целом.

Теперь, имея в виду глубинный контекст революционной модернизации бытия общества, можно определить стратегию и тактику современной модернизации конкретных социальных организмов и, прежде всего, России.

Согласно весьма убедительной концепции И.Валлерстайна о современной капиталистической «мир-системе», те страны и народы, которые входят в эту мир-систему или стремятся войти в нее, принимая социальную модель и принципы бытия капиталистического общества, разделяются на две, неравные по количеству стран, населения и месту в этой системе, части: наиболее развитые страны, составляющие, так называемый, «золотой

миллиард» и остальные – относящиеся к периферии. Периферия обречена оставаться аутсайдером капиталистической гонки³⁴⁵. За счет сверхэксплуатации населения фактически была построена социальная система, которую Маркс еще в ранних произведениях называл «вульгарным социализмом»³⁴⁶, С.Н.Булгаков – «капитализмом навыворот»³⁴⁷.

Россия, по причине своего географического положения, самая холодная и самая большая по площади страна в мире. Из-за этого ее продукция, аналогичная тем товарам, которые произведены в странах с более благоприятными климатическими условиями, оказывается неконкурентоспособной из-за высокой себестоимости. Конкурентоспособность ее продукции, следовательно, может обеспечивать только производство оригинальных товаров – продуктов революционной, а не догоняющей модернизации. Для осуществления подобного сценария развития России надо обеспечить достаточно высокий уровень научно-технического развития, позволяющий создать принципиально новые постиндустриальные технологии и средства производства, что, в свою очередь, можно осуществить, качественно изменив систему образования и подготовки кадров³⁴⁸. Это потребует колоссальных средств в осуществлении программ развития человека и новых производств, которые на протяжении длительного времени будут исключительно затратными. Современные предприниматели и обслуживающее их интересы государство не готовы на это.

Значит, единственная надежда изменить бытие России и осуществить постиндустриальную модернизацию, которая вывела бы ее на гармонический путь развития – коренная социальная модернизация. Но и она весьма проблематична, поскольку такая модернизация возможна, при наличии зрелого субъекта реформ – критической массы социально-зрелых людей, людей, представляющих цели, задачи и средства модернизации и способных возглавить и довести до реального воплощения эти планы. Такой субъект коренной модернизации в современной России пока не виден.

В постиндустриальном мире внедрение в производство принципиально новых средств производства – нанотехнологий – влечет за собой потребность производства соответствующей рабочей силы – зрелого человека – субъекта коренной постиндустриальной модернизации. С помощью нанотехнологий, в принципе, возмож-

но качественно иное – более всестороннее удовлетворение большинства потребностей всего населения планеты. Объективная потребность состоит в увеличении контингента зрелых людей, способных создавать, эксплуатировать и контролировать современные средства производства и воспроизводства, экологические условия существования всего человечества. Постиндустриальный мир требует интеллектуально и социально зрелого человека, осознающего себя субъектом коэволюции планетарного социо-природного Универсума. Критическая масса зрелых людей, необходимая для таких преобразований может быть создана только в условиях начавшейся постиндустриальной технико-технологической модернизации и коренного изменения всей мировоззренческой парадигмы. Такой человек должен ясно представлять себе, что бытие планетарного целого зависит от психической, нравственной, интеллектуальной и социальной зрелости каждого конкретного человека, что масштаб и интенсивность природообразовательной деятельности имеет пределы, а, следовательно, общество не может дальше развиваться стихийно, что свойственно капиталистической стадии бытия человечества³⁴⁹.

Примечания

- ¹ *Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г.* Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997; Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2001; Модернизация и глобализация: Образы России в XXI в. / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2002; *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005; Новые идеи в социальной философии / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2006; Человек в экономике и других социальных средах / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2008; Меняющаяся социальность: Новые формы модернизации и прогресса / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2010; Меняющаяся социальность: Контуры будущего / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2012.
- ² *Выщеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. N.Y., 1982. С. 15.
- ³ *Wagner P.* A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline. L.–N.Y., 1994.
- ⁴ *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // *Вопр. философии.* 1992. № 4. С. 40–52.
- ⁵ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.–СПб., 1998.
- ⁶ См.: *Федотова В.Г.* Модернизация: Переосмысливая теорию и практику // *Социол. ежегодник.* М., 2010. С. 63–80.
- ⁷ *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 319–374.
- ⁸ *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 17.
- ⁹ Там же. С. 39–41.
- ¹⁰ Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2002. С. 146–151.
- ¹¹ *Бауман З.* Текучая современность. М.–СПб. и др., 2008. С. 9.
- ¹² *Bauman Z.* 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge (UK), 2010.
- ¹³ *Ibid.* P. 3–4.
- ¹⁴ *Bauman Z.* Intimations of Postmodernity. L.–N.Y., 1992; *Bauman Z.* Postmodern Ethics. Cambridge, 1993; *Bauman Z.* Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality. Cambridge, 1995; *Bauman N.* Postmodernity and its Discontents. N.Y., 1997.
- ¹⁵ *Bauman Z.* Does Ethic Have Chance in a World of Consumerism. Cambridge (Mas)–L., 2008.

Глава 1

- ¹⁶ *Струве П.Б.* На разные темы (1893–1901 гг.). Сб. ст. СПб., 1902. С. 303.
- ¹⁷ Не случайно во всех энциклопедических изданиях П.Б.Струве характеризуется, как политик, публицист, издатель, историк, *экономист* и философ.
- ¹⁸ Исключением является исследование: *Гнатюк О.Л.* П.Б.Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998.

- 19 «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» есть в формате ПДФ, они появились в 2011 г. на сайте электронной библиотеки «Университетская библиотека», а так же на сайте: www.knigafund.ru/books/. Что касается оригинала книги (СПб., 1894), как и сборника «На разные темы» (СПб., 1902) с включённой в него статьёй «Моим критикам» (ответ на замечания по поводу «Критических заметок к вопросу об экономическом развитии России»), то они отнесены к антикварному изданию. И вообще о первом исследовании Струве, благодаря которому он стал широко известным, мы сегодня по-прежнему больше знаем по критике его В.И. Лениным и Г.В. Плехановым.
- 20 См.: *Струве П.Б.* Избр. тр. М., 2010. Сам Струве успел подготовить к печати лишь первую часть труда, вторая часть была обнаружена в черновом варианте в его архиве. В конце 40-х гг. его сыновья начали подготовку её к печати, и в доработанном виде она вошла в названное издание.
- 21 См.: *Пустарнаков В.Ф.* «Капитал» К.Маркса и философская мысль в России (конец XIX–начало XX в.). М., 1974.
- 22 Позже эти статьи в переработанном виде были переизданы в 1895 г. под общим названием «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях».
- 23 Струве писал, вспоминая это время: «Мы (я и Скворцов, мой “легальный марксизм”) <...> восприняли идею, когда-то применённую Марксом к Германии, а именно – что мы страдаем не от развития капитализма, а от недостаточного его развития» (Русская идея. В кругу писателей русского зарубежья. Т. 1. М., 1994. С. 392).
- 24 *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. Сб. ст. (1896–1903). СПб., 1904. С. VII.
- 25 Своёобразным манифестом коллективного преодоления марксизма стал сборник статей под редакцией П.И.Новгородцева «Проблемы идеализма» (1902), положивший начало новому движению – от марксизма к идеализму. См. об этом: *Смирнов И.П.* От марксизма к идеализму (М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев). М., 1995.
- 26 Первый удар по народничеству Струве нанёс годом раньше серией рецензий на книгу Н.Ф.Даниельсона «Очерки нашего пореформенного хозяйства» (1893) и работы В.П.Воронцова «Судьбы капитализма в России» (1882) и «Наши направления» (1893). Эти статьи можно считать подготовительным материалом к «Критическим заметкам к вопросу об экономическом развитии России». Уже в них Струве высказал мысль, что капитализму в России принадлежит большое будущее.
- 27 Можно вспомнить, что именно Струве в 1898 году написал текст «Манифеста российской социал-демократической партии», выдержав в нём «ортодоксальную концепцию», а в 1900 году он и Туган-Барановский на совещании в Пскове поддержали издание газеты «Искра».
- 28 *Струве П.Б.* На разные темы (1893–1901 гг.). Сб. ст. С. 301.
- 29 Там же.
- 30 *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произведения. Т. 2. М., 1956. С. 630.
- 31 *Пайнс Р.* Теория капиталистического развития П.Б.Струве // *Струве П.Б.* Избр. произведения. С. 287.

- 32 Струве П.Б. На разные темы (1893–1901). Сб. ст. С. 301.
- 33 Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С. 114.
- 34 Там же. С. 133.
- 35 Струве П.Б. Моим критикам // Струве П.Б. На разные темы (1893–1901 гг.). Сб. ст. С. 53.
- 36 Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С. 130.
- 37 Там же. С. 160.
- 38 Там же. С. 283.
- 39 Обосновывая этот тезис в статье «Интеллигенция и народное хозяйство» Струве позже скажет: «Я повторяю то, на чём настаивал 15 лет тому назад в своих «Критических заметках». См.: Струве П.Б. ПАТРИОТИКА. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 204.
- 40 Струве П.Б. На разные темы (1893–1901). Сб. ст. С. 301.
- 41 Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С. 284.
- 42 Там же. С. 260–261.
- 43 Там же. С. 224.
- 44 Там же. С. 282.
- 45 Там же. С. 281.
- 46 Там же. С. 239.
- 47 Там же. С. 300.
- 48 Там же.
- 49 Струве П.Б. Моим критикам // Струве П.Б. На разные темы (1893–1901 гг.). С. 15.
- 50 Там же. С. 16.
- 51 Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С. 160.
- 52 Там же. С. 288.
- 53 Там же. С. 283.
- 54 Струве П.Б. Марксовская теория социального развития // Образ будущего в социально-экономической мысли конца XIX–начала XX в. // Струве П.Б. Избр. произведения. М., 1999. С. 148.
- 55 Там же. С. 141.

Глава 2

- 56 Wood E.M. Modernity, Postmodernity or Capitalism? // Review of International Political Economy. 1997. Vol. 4. № 3. P. 540–541; Wagner P. Modernity, Capitalism and Critique // Thesis Eleven. August 2001. № 66. P. 2–4.
- 57 Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-филос. анализ взаимоотношения экономики и о-ва. С. 72–115.
- 58 Макаренко Б.И. Возможна ли в России модернизация? // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 5–6. С. 36–38.

- 59 *Сото Э. де.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2004. С. 73.
- 60 См.: *Frank A.G.* The Development of Underdevelopment, N.Y.–L., 1966.
- 61 *Валлерстайн И.* Буржуа(зия) как концепция и реальность // *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 171–172.
- 62 См.: *Арризи Дж.* Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI в.? М., 2009. С. 51–81.
- 63 *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII. Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 453.
- 64 Там же. С. 16, 456.
- 65 Там же. С. 455.
- 66 *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 517.
- 67 Там же. С. 530.
- 68 Там же. С. 517.

Глава 3

- 69 *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. Т. 2: Игры обмена. М., 2006. С. XIII.
- 70 Там же. С. 217.
- 71 Там же. С. 212.
- 72 *Косырева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997; *Хиршман А.О.* Страсти и интересы. Политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012. С. 192.
- 73 *Хиршман А.О.* Указ. соч.
- 74 *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. М., 2006. С. 522.
- 75 Там же. С. 233.
- 76 Там же. С. 238.
- 77 Там же. С. 628.
- 78 Там же. С. 409.
- 79 Там же. С. 568.
- 80 Там же. С. 567.
- 81 *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. С. 439–440.
- 82 *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика. Курс лекций. М., 2004. С.
- 83 Неформальная экономика. Россия и мир / Ред. Т.Шанин. М., 1999. С. 14.
- 84 «Экономика для человека» – новая экономическая стратегия России // Мир перемен. Международн. научно-обществ. журн. М., 2013. № 1. С. 9–23.
- 85 *Фридмен Дж., Краус В.* Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования. М., 2012; *Андерсон Р.* Просто не стой на пути: Как государство может помочь бизнесу в бедных странах. М., 2012.
- 86 *Шанин Т.* Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / Ред. Т.Шанин. М., 1999. С. 17.

- 87 *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007. В этой работе показано, каким образом либеральные, рыночные идеи овладели при помощи государства обществом.
- 88 Это может показаться странным, однако в теоретическом плане экономический анализ «неформальной экономики» и «неформального сектора экономики» относится лишь к 1973 г., начало которому положили работы К.Харта, посвященные исследованию городской рабочей силы в Гане. Конечно, Россия не Гана, но отрицать наличие неформальной экономики, а главное ее роли в современной России сегодня теоретически не верно.
- 89 *Шанин Т.* Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России. С. 18.
- 90 *Барсукова С. Ю.* Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ. М., 2004. С. 42–43.
- 91 См.: *Сысоева Э.С., Эргашева Н.М.* Роль теневых доходов в современной экономике России (<http://www.rae.ru/forum2012/238/670>). В статье этих авторов утверждается, что по оценкам федеральной службы государственной статистики, в 2011 году теневая экономика в России составляла 16% от ВВП, и занято там было примерно 13 млн человек, а доход от незадекларированной деятельности превосходил 7 трлн рублей. в 2010 г. Росстат, используя иную методику учета видов деятельности и поэтому приводил другие цифры, оценивая теневую экономику уже в 20–25% от ВВП. наконец, самый радикальный прогноз в отношении неформальной экономики в России дает всемирный банк. по его данным до 50% доходов от ВВП генерируются в теневом и неформальном секторах.
- 92 *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ. С. 42–43.
- 93 Там же. С. 46.
- 94 *Буравой М.* К теории экономической инволюции: исследование российской эксплоярной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир. С. 67.
- 95 Там же. С. 63.
- 96 Там же. С. 64.
- 97 Там же.
- 98 Там же. С. 65.
- 99 Там же. С. 68.

Глава 4

- 100 См.: *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990.
- 101 *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. М., 1968–1969. С. 100–101.
- 102 *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990. С. 61–273.
- 103 Эта сторона веберовского анализа всесторонне рассмотрена Ю.А.Левадой в монографии «Социальная природа религии», изданной на основе прочитанного им в МГУ (1965) курса лекций по эмпирической социологии. См.: *Левада Ю.А.* Соч. М., 2011.

- ¹⁰⁴ Это различие проводится не по географическому признаку, а по устоявшемуся в науке историко-культурному принципу.
- ¹⁰⁵ Здесь указан лишь один из корней протестантизма. Обсуждать другие не входит в нашу задачу.
- ¹⁰⁶ В связи с этим разочаровывают попытки некоторых наших теоретиков и практиков свести необходимые России модернизационные преобразования исключительно к компьютеризации образования и чиновничьей бюрократии.
- ¹⁰⁷ См.: *Власова В.Б.* Традиция в мире духовных ценностей. М., 1983.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 55–94.
- ¹⁰⁹ Очевидно М.Вебер не отреагировал на революцию Мэйдзи в Японии в 1868–1889 гг., в которой традиция начала рационально преобразовываться. Зато сегодня мы имеем в третьем модерне опыт стран Востока, связанный с учетом традиции в ходе модернизации с одновременной рационализации традиции.
- ¹¹⁰ См.: *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч.. С. 277–318, 424–450.
- ¹¹¹ См.: *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // *Вопр. философии.* 1992. № 4; *Он же.* Философский дискурс о модерне. М., 2003.

Глава 5

- ¹¹² *Портер М.* Установки, ценности, убеждения и микро-экономика процветания // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу.* М., 2002. С. 61.
- ¹¹³ В значении «Который?», то есть, какой из продуктов выбрать.
- ¹¹⁴ *Hillton M.* Consumerism in Twentieth-Century Britain. The Search for a Historical Movement. Cambridge, 2003. P. 194
- ¹¹⁵ *Ibid.* P. 269.
- ¹¹⁶ *Ibidem.*
- ¹¹⁷ *Horovitz D.* The Anxieties of Affluence. Critiques of American Consumer Culture 1939–1979. Amherst and Boston, 2004. P. 164.
- ¹¹⁸ *Roche D.* A History of Everyday Things: the Birth of Consumption in France, 1600–1800. Cambridge, 2000. P. 16.
- ¹¹⁹ *Вебер М.* Протестантская этика. Ч. 1. М., 1972. С. 94.
- ¹²⁰ *Воссок R.* Consumption. N.Y., 2006. P. 11.
- ¹²¹ *Ibid.* P. 39.
- ¹²² *Ясперс К.* Великие философы. Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Нагарджуна. М., 2007. С. 117.
- ¹²³ *Канаева Н.А.* Индийская философия древности и средневековья. М., 2008. С. 96.
- ¹²⁴ *Stearns P.* Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire. Wiltshire, 2006. P. 5–6.
- ¹²⁵ *Фролова Е.А.* История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность. М., 2006. С. 12.
- ¹²⁶ *Ibid.* P. 145.

- ¹²⁷ *Shamir O., Ben-Porat G.*. Boycotting Sabbath: Religious Consumerism as a Political Strategy // Contemporary Politics. March 2007. Vol. 13. № 1. P. 75.
- ¹²⁸ *Hillton M.* Op. cit. P. 270.
- ¹²⁹ *Peterson M.B.* The Regulated Consumer. Los Angeles, 1971. P. 27.
- ¹³⁰ *Ibid.* P. 36.
- ¹³¹ *Linden E.* Affluence and Discontent. The Anatomy of Consumer Society. N.Y., 1979. P. 41.
- ¹³² Коренные малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в первой четверти XXI в.: проблемы и перспективы. Якутск, 2001. С. 10.
- ¹³³ *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч. С. 556.

Глава 6

- ¹³⁴ См.: *Федотова В.Г.* Модернизация и культура // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 139–147.
- ¹³⁵ О различии натурализма и культурцентризма см.: Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2001. С. 54–89.
- ¹³⁶ См., напр.: *Дегтярева М.И.* Жозеф де Местр и его русские собеседники (опыт философской биографии и интеллектуальные связи в России). Пермь, 2007.
- ¹³⁷ См.: *Луков Вал. А.* Органицизм и биосоциология: их связь в свете тезаурусного подхода // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. научн. тр. Вып. 22 / Под общ. ред. Вл. А.Лукова. М., 2011. С. 22–37; *Олейников Ю.В.* Зрелое общество: проблемы, реальность, перспективы. М., 2010; *Хруцкий К.С.* О Биокосмологии, аристотелизме и перспективах становления универсальной науки и философии // Биокосмология – неoarистотелизм. 2010. Т. 1. № 1 (<http://www.biocosmology.ru/elektronnyj-zurnal-biokosmologia-biocosmology-neoaristotelism/postupivsie-stati/vol-1-no-1-winter> (дата обращения: 26.04.13)).
- ¹³⁸ См.: *Бурно М.Е.* О «Характерологической креатологии» и «психотерапии здоровых» // Психотерапия. 2011. № 10. Спец. вып. С. 54–62. Так же см. материалы сайта «Естественнонаучные исследования творческого процесса».
- ¹³⁹ Сам по себе натурализм как исследовательская программа крайне неоднороден, и вместе с натурализмом (материализмом) Дарвина, Павлова, Кречмера и др. сюда попадает также и психоанализ Фрейда, другие концепции, не являющиеся естественнонаучными в узком, специальном смысле этого слова (как изучение, идущее от природы, а не от символического толкования, концепции) см.: *Бурно М.Е.* Клинический театр сообщество в психиатрии (руководство для психотерапевтов, психиатров, клинических психологов и социальных работников). М., 2009. С. 13–158.
- ¹⁴⁰ Цит. по: *Луков Вал.А., Луков Вл.А.* Новый Энциклопедизм: преодолевая ин-формационный взрыв // Новый энциклопедизм / Отв. ред. Вл. А.Луков, Ч.К.Ламажаа. М., 2013. С. 16–17.
- ¹⁴¹ О различии природных мироощущений (материалистического, идеалистического, эклектического) см.: *Бурно М.Е.* О характерах людей (психотерапевтическая книга). М., 2008. С. 10.

- 142 Бурно М.Е. О самом главном в клинической классической психотерапии // Психотерапия. 2011. № 1. С. 17.
- 143 Там же. С. 17–18.
- 144 См.: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М., 2005. С. 174–175; см.: Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., 2011. С. 18–21.
- 145 См.: Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация (ч. III и IV, а также Приложение).
- 146 Об этих и других типах характеров см.: Бурно М.Е. О характерах людей (психотерапевтическая книга). М., 2008; Волков П.В. Разнообразие человеческих миров (Руководство по профилактике душевных расстройств). М., 2000.
- 147 См., напр.: Мижгерова К.М. Характерологическая креатология, психотерапия и экономические учения // Психотерапия. 2008. № 6. С. 39–42.
- 148 Федотова В.Г. Модернизация и культура // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139.
- 149 Николаева И.Ю., Карначук Н.В. История западноевропейской средневековой культуры. Введение (<http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/nikolaeva-karnachuk-istoriya-kultury/index.htm> (дата обращения: 26.04.13)).
- 150 Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии (<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tacit.htm> (дата обращения: 26.04.13)).
- 151 Там же.
- 152 См.: Николаева И.Ю., Карначук Н.В. История западноевропейской средневековой культуры. Введение (Указ. электрон. ресурс).
- 153 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. Ивано-Франковск, 2002. С. 31–36; 153–166.
- 154 Кришталева Л.Г. Тема богатства: у Платона, Макса Вебера и в наши дни // Филос. науки. 2011. № 10. С. 45.
- 155 Керов В.Л. Современное звучание теории Макса Вебера и А.И.Неусыхина о протестантизме // Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. Ивано-Франковск, 2002. С. 266.
- 156 См.: Бурно М.Е. Профессионализм и клиническая психотерапия // Психотерапия. 2008. № 2. С. 16–17. (Ср.: Супоницкая И.М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010. С. 278.)
- 157 Спенсер Г. Американцы // Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ.; под ред. Н.А.Рубакина. М., 1999. С. 1385.
- 158 Там же.
- 159 Там же. С. 1386.
- 160 Там же. С. 1393–1394.
- 161 Ср. с сегодняшней концепцией биосоциологии, развиваемой Вал. А.Луковым, в частности, в отношении влияния поколенческих и возрастных особенностей на становление институтов гражданского общества (см.: Луков Вал.А. Органицизм и биосоциология: их связь в свете тезаурусного подхода. С. 22–37; Луков Вал.А. Биосоциология молодежи и будущее гражданского общества // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 13–18.)

- ¹⁶² Следует отметить, что и авторы, исследующие процессы развития на основе теоретической концепции, отмечают немалое значение национальных особенностей, в том числе, ментальных (см.: *Федотова В.Г.* Прогресс в контексте реальных глобальных трансформаций // *Новые идеи в социальной философии* / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2006. С. 117–122.)
- ¹⁶³ *Буров В.Г.* Человеческий фактор в политике государства (Россия и Китай: сравнительный анализ) // *Антропологическое измерение российского государства* / Отв. ред. В.Н.Шевченко. М., 2009. С. 186.
- ¹⁶⁴ Думается, что в области психологии народов И.А.Сикорский совершил открытие, аналогичное тому, которое сделал великий немецкий психиатр, основоположник классической естественнонаучной характерологии, Э.Кречмер (1888–1964) в отношении психологии индивидуальной, – впервые начав описывать характеры людей на основе их телесной конституции (см.: *Авдеев В.Б.* Антропологическая психология И.А.Сикорского (<http://www.xpomo.com/ruskolan/gasa/sikorsky.htm>) (дата обращения: 26.04.13)).
- ¹⁶⁵ Так, Сикорский судит о психологических особенностях разных рас на основании их «мимического портрета».
- ¹⁶⁶ Речь идет о представлениях расовой теории конца XIX – начала XX вв., основные положения которой разделял и Сикорский (см.: *Сикорский И.А.* Всеобщая психология с физиогномикой. Киев, 1904. С. 54, 79–80 и др.). О Сикорском, его жизни, научных взглядах, общественной позиции см.: *Менжулин В.М.* Другой Сикорский. Неудобные страницы истории психиатрии. Киев, 2004.
- ¹⁶⁷ См., напр.: *Спешинев Н.А.* Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб., 2012. С. 96–113.
- ¹⁶⁸ См.: *Сикорский И.А.* Указ. соч. С. 78–79.
- ¹⁶⁹ См., напр., у М.Е.Бурно: «Украинец, чернявый, немного похожий по складу тела и души на вечно юного, доброжелательного китайца» (воспоминания о главном враче психиатрической больницы в д. Ахлебинино Калужской обл. В.И.Панасенко. – *Авт.*) (*Бурно М.Е.* Целебные крохи воспоминаний. К живой истории московской психиатрии и психотерапии и о многом другом. Пособие по психотерапии. М., 2013. С. 221.)
- ¹⁷⁰ *Сикорский И.А.* Указ. соч. С. 75.
- ¹⁷¹ Там же. С. 76.
- ¹⁷² См., напр.: *Федотова В.Г.* Модернизация и культура // *Знание. Понимание. Умение.* 2012. № 4. С. 145–146; *Гаджиев К.С.* Совместима ли демократия с незападными культурами // *Введение в геополитику. Учебник для вузов.* М., 1998. С. 236–248.
- ¹⁷³ Кафедра психотерапии Российской медицинской академии последипломного образования (РМАПО).
- ¹⁷⁴ Радикал – ядро, стержень определенного природного характера. Замкнуто-углубленный (аутистический) характер описывается М.Е.Бурно следующим образом: «существо склада – в аутистическом стиле мыслей, чувств, воли, движений. Аутистичность (самособойность; *autos* – сам, *греч.*) есть определенная природная самостоятельность, независимость «Я» от внешних воздействий, событий» (*Бурно М.Е.* О характерах людей (психотерапевтическая книга). М., 2008. С. 45).

- 175 См.: *Бурно М.Е.* Экология, Дзен и Терапия творческим самовыражением // *Бурно М.Е.* Терапия творческим самовыражением (отечественный клинический психотерапевтический метод). М., 2012. С. 304–307.
- 176 Определенная ювенильность у народов Восточной Азии и отсутствие таковой у европейских народов.
- 177 *Ту Вэймин.* Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // ПОЛИС. 2012. № 1. С. 11.
- 178 Там же. С. 12.
- 179 См., напр.: *Канарш Г.Ю.* Характерологическая креатология в социальных науках (на примере анализа капитализма) // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 43–50.
- 180 Анализ этих проблем см.: *Канарш Г.Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., 2011.
- 181 См.: *Бызов Л.Г.* Социокультурные и социально-политические аспекты формирования современной российской нации // ПОЛИС. 2012. № 4. С. 41–55.
- 182 См.: *Бурно М.Е.* О «Характерологической креатологии» и «психотерапии здоровых» // Психотерапия. 2011. № 10. Спец. вып. С. 54–62, и в других работах (прежде всего, книгах) проф. Бурно.
- 183 См., напр.: *Бурно М.Е.* Россия выздоровеет // Лесной орех. 2011. № 4. С. 114–124.
- 184 Интересные и неожиданные размышления на эту тему можно найти в одном из интервью академика А.А.Гусейнова, в котором он высказывает мысль, что «холодная война» была проиграна СССР именно по причине нашей нерасчетливости и слабой национальной способности методично и систематически трудиться (см.: Русские являются какой-то необычной нацией // *Гусейнов А.А.* Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб., 2012. С. 468).
- 185 См., напр.: *Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма (http://www.modernlib.ru/books/zinovev_aleksandr_aleksandrovich/zapad_fenomen_zapadnizma/read_1/ (дата обращения: 26.04.13)).
- 186 См.: *Шестопал Е.Б.* Тандему пора определиться // Независимая газета. Приложение «НГ-Политика». 07.12.2010. С. 9, 11; О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналит. докл. М., 2012 (http://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html (дата обращения: 26.04.13)).

Глава 7

- 187 *Wagner P.* A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. Routledge, 1994.
- 188 См.: *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч. М., 2008.
- 189 *Wagner P.* A Sociology of Modernity: Liberty And Discipline. P. 3–4.
- 190 **О.Конт писал по этому поводу: «Бесконечный социальный кризис, развившийся за последние полвека во всей Западной Европе и, в особенности, во Франции» вынуждает использовать «единственный возможный интеллектуальный выход», заключающийся в «положительном согласовании порядка и прогресса».**(*Конт О.* Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. М., 2011. С. 40).

- ¹⁹¹ Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 127.
- ¹⁹² Porter T.M. Genres and Objects of Social Inquiry, From The Enlightenment to 1890 // The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences / Ed. by T.M.Porter and D.Ross. Cambridge, 2003. P. 37.
- ¹⁹³ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Электрон. ресурс]. СПб., 2001 (<http://lib.rus.ec/b/369666/read>).
- ¹⁹⁴ См. подробнее о социальном инспектировании: Yeo E.J. Social Surveys in The Eighteenth and Nineteenth Centuries // The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences / Ed. by T.M.Porter and D.Ross. Cambridge, 2003. P. 83–99.
- ¹⁹⁵ Кон И.С. Кризис эволюционизма и антипозитивистские течения в социологии конца XIX – начала XX в. // История социологии в Западной Европе и США. Отв. ред. Г.В.Осипов. М., 2001. С. 80.
- ¹⁹⁶ Wagner P. Social Science and Social Planning During The Twentieth Century // The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences / Ed. by T.M.Porter and D.Ross. Cambridge, 2003. P. 592.
- ¹⁹⁷ В XX в. с 1930-х гг. вплоть до 1960-х гг. концепции этих исследователей имели вес в философии и гуманитарных дисциплинах (истории, философской антропологии и др.).
- ¹⁹⁸ Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines // The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences / Ed. by T.M.Porter and D.Ross. Cambridge, 2003. P. 220.
- ¹⁹⁹ Поппер К. Нищета историцизма. [Электрон. ресурс]. М., 1993 (<http://evolkov.net/PopperK/Poverty.of.Historicism/index.html>).
- ²⁰⁰ Ross D. Op. cit. P. 227.
- ²⁰¹ Ibid.
- ²⁰² Ibid. P. 228.
- ²⁰³ Wagner P. Social Science and Social Planning During The Twentieth Century 597.
- ²⁰⁴ Ibid.
- ²⁰⁵ Ibid. P. 598.
- ²⁰⁶ Ibid.
- ²⁰⁷ Ibid. P. 598–599.
- ²⁰⁸ Колчинский Э.И. Предисловие редактора // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Отв. ред. Э.И.Колчинский. СПб., 2003. С. 10.
- ²⁰⁹ Мангейм К. Очерки социологии знания (теория познания – мировоззрение – историзм). М., 1998. С. 195.
- ²¹⁰ Wagner P. Social Science and Social Planning During The Twentieth Century. P. 600.
- ²¹¹ Ibid.
- ²¹² Критика современной буржуазной теоретической социологии / Отв. ред. Г.В.Осипов. М., 2003. С. 256.
- ²¹³ Ross D. Op. cit. P. 233.
- ²¹⁴ Ibid.
- ²¹⁵ Wagner P. Social Science and Social Planning During The Twentieth Century. P. 606.
- ²¹⁶ Ibid.

- 217 Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Указ. соч. С. 261.
- 218 Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопр. психологии. 1997. № 5. С. 7.
- 219 Ross D. Op. cit. P. 233.
- 220 Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Указ. соч. С. 270.
- 221 Федотова В.Г. Понимание в системе методологических средств современной науки // Объяснение и понимание в научном познании. М., 1983. С. 87–118.

Глава 8

- 222 Обама Б.Х. Обращение к ежегодному собранию Национальной академии наук // Оборонный заказ. 2009. № 23. С. 4–8.
- 223 См.: Крылова И.А. Кризис образования и науки в России // Социология образования. 2009. № 6. С. 51–62.
- 224 Малинецкий Г.Г. Будущее: вызовы и проекты. Междисциплинарн. контекст // Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона / Под ред. Г.Г.Малинецкого. М., 2013. С. 14.
- 225 Осипов В.Г., Кара-Мурза С.Г. Общество знания. История модернизации на Западе и в СССР. М., 2013. С. 7–8.
- 226 Грачев И.Д., Некрасов С.А. Управление инновационным развитием экономики России: новый подход // Вестн. РАН. 2011. Т. 81. № 5. С. 429.
- 227 Саркисов А.А. Российская Академия наук: какой ей быть? // Вестн. РАН. 2012. Т. 82. № 12. С. 1108.
- 228 См.: Сиземская И.Н. Охлократия как глобальная тенденция современного общественного развития. Круглый стол «Меняющаяся социальность: контуры будущего» // Полис. 2012. № 1. С. 114–116.
- 229 Малинецкий Г.Г. Чем должна заниматься Академия? // Там же. С. 158.
- 230 Саркисов А.А. Указ. соч. С. 1109.
- 231 Там же. С. 1008–1009.
- 232 Rogov С.М. Россия должна стать научной сверхдержавой // Вестн. РАН. 2010. Т. 80. № 7. С. 580.
- 233 Там же. С. 582.
- 234 Саркисов А.А. Указ. соч. С. 1109.
- 235 Rogov С.М. Указ соч. С. 582.
- 236 Там же.
- 237 Малинецкий Г.Г. Чем должна заниматься Академия? С. 157.
- 238 Там же. С. 167.
- 239 См.: Родкин М.В. Реформа Академии наук – во здравие или за упокой? // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 6. С. 526–537.
- 240 Rogov С.М. Указ. соч. С. 581.
- 241 Индекс цитирования – инструмент, а не цель (<http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0587895-686c-42af-9e4e-334071d0be06>. С. 5).
- 242 Там же.
- 243 Малинецкий Г.Г. Будущее: вызовы и проекты. Междисциплинарн. контекст. С. 14.

- 244 *Морозов М.* Время говорить о кадрах // *Трибуна*. 2009. № 21. С. 3.
- 245 *Луков В.А.* Мировая университетская культура // *Знание. Понимание. Умение*. 2005. № 3. С. 37.
- 246 *Малинецкий Г.Г.* Будущее: вызовы и проекты. Междисциплинарн. контекст. С. 14.
- 247 *Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э., Нетесова М.С.* Роль образования как фактора современного экономического развития (часть вторая) // *Социология образования*. 2009. № 6. С. 14.
- 248 Там же.
- 249 *Руткевич Н.Н.* Воспроизводство населения: социально-демографическая ситуация в России // *Социс*. 2008. № 7. С. 24.
- 250 *Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э., Нетесова М.С.* Указ. соч. С. 20.
- 251 *Капица С.П.* Демографическая революция и Россия // *Век глобализации. Исследование современных глобальных проблем*. 2009. № 1. С. 142.
- 252 *Рогов С.М.* Указ. соч. С. 587.
- 253 Там же. С. 588.
- 254 *Косов Ю., Фокина В.* Политическая регионалистика. СПб., 2009. С. 138.
- 255 *Арсеньев И.* Рынок интеллектуальной собственности и его оптимизация // *Наука. Культура. Общество*. 2005. № 1. С. 187.
- 256 *Россия, мир, глобальная экономика. Интервью с Р.Гринбергом // Мир и политика*. 2009. № 10. С. 11.
- 257 *Симонян Р.* О некоторых социокультурных итогах российских экономических реформ 90-х годов // *Мир перемен*. 2010. № 3. С. 109–110.
- 258 *Рогов С.М.* Указ. соч. С. 589.
- 259 *Саркисов А.А.* Указ. соч. С. 1111.
- 260 *Рогов С.М.* Указ. соч. С. 589.
- 261 *Велихов Е.Н., Бетелин В.Б.* Промышленность, инновации, образование и наука в Российской Федерации // *Вестн. РАН*. 2008. Т. 78. № 6. С. 508.

Глава 9

- 262 Все-таки обратим внимание читателя на два весьма значимых определения повседневности, принадлежащих соответственно, Н.Н.Козловой и Л.Г.Ионину: Современная западная философия: Словарь / Сост. и отв. ред. В.С.Малахов, В.П.Филатов. 2-е изд. М., 1998. С. 318; *Культурология. XX в.: Энцикл. / Гл. ред., сост. и авт. проекта С.Я.Левит. СПб., 1998. Т. 2: М–Я / Отв. ред. Л.Т.Мильская. С. 204.*
- 263 *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // *СОЦИО-ЛОГОС*. Вып. 1: Общество и сферы смысла. М., 1991. С. 40.
- 264 *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М., 2004.
- 265 *Розенберг Н.В.* Аналитика культуры повседневности Поволжья: философский аспект: Дис... д-ра филос. наук. Тамбов, 2010.
- 266 «*Вся погребальная символика – от обряда причащения, положения во гроб, до зарывания могилы – это полная и емкая, осязаемая и оптическая рефлексия того, что не замечаемо (не осязаемо и не видимо) в повседневной жизни,*

- но присутствует в ней с момента рождения: самоисчезновение» (Тесля С.Н. Кладбище как образ жизни (Опыт атеистски-структуралистской интерпретации) // Фигуры Танатоса. Филос. альманах. Вып. 6: Кладбище. СПб., 2001.
- 267 См. прежде всего: *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996; *Тесля С.Н.* Опыт аналитики повседневности. М., 2001; *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002; *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М., 2004; *Махлина С.Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб., 2009; *Смирнова Н.М.* Социальная феноменология в изучении современного общества. М., 2009; *Гудков Л.Д.* Абортивная модернизация. М., 2011, а также ряд публикаций, посвященных более частным аспектам и срезам повседневности.
- 268 *Королев С.А.* Власть и повседневность в постсоветской России // Новые идеи в социальной философии / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2006; *Королев С.А.* Повседневность и власть: в поисках социально-философской методологии // Философия и культура. 2008. № 3; *Королев С.А.* Власть и повседневность: социально-философский взгляд // Россия и современный мир. 2008. № 3.
- 269 *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005. С. 383.
- 270 В другой транскрипции – *оповседневливание*.
- 271 TNS Россия: Около 60% россиян старше 12 лет хотя бы раз в месяц заходят в интернет // Ведомости. 2013. 5 марта; ФОМ: 50 млн россиян пользуются интернетом каждый день // Ведомости. 2013. 16 марта.
- 272 *Королев С.А.* Параллельная жизнь: человек в интернете // Филос. науки. 2010. № 9.
- 273 История сотовой связи в России (<http://ria.ru/infografika/20110909/433050639.html>).
- 274 70 % россиян никогда не бывали за границей (<http://www.levada.ru/05-04-2012/70-rossiyan-nikogda-ne-byvali-za-granitsei>)
- 275 *Элиас Н.* О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.–СПб., 2001.
- 276 *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. С. 40–41.
- 277 См.: *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре.
- 278 *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности. С. 45.
- 279 *Гудков Л.Д.* Абортивная модернизация. С. 478.
- 280 *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. С. 253.
- 281 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
- 282 «Дело иеромонаха Илии», 2012–2013 гг. (<http://www.newsru.com/russia/13mar2013/ilia.html>).
- 283 *Королев С.А.* Дисциплинарные технологии в современной России // Индекс/Досье на цензуру. 30/2009.
- 284 *Ионин Л.Г.* Социология культуры. С. 165.
- 285 *Королев С.А.* От «Апостола» до «Архипелага»: социокультурные трансформации в России // Философия и культура. 2010. № 1.

- 286 *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1998. Т. 2: Теория и методология. Словарь. С. 340.
- 287 В связи с усилением этого нового – и, несомненно, негативного – тренда в российском социуме весьма полезно перечитать то, что писали Питер Бергер и Томас Лукман о сегрегации как об инструменте отделения индивида от «обитателей» иных миров, прежде всего от «сожителей» по только что оставленному им миру (*Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. С. 198–199, 256–257).
- 288 *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. С. 48–49.
- 289 См., в частности, написанный автором раздел «Противоречия модернизации: механизмы социальных трансформаций в России» в кн.: *Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса* / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2010.

Глава 10

- 290 *Крадин Н.Н.* Проблемы периодизации исторических макропроцессов // *История и Математика: Модели и теории* / Отв. ред. Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев, С.Ю.Малков. М., 2008. С. 166–200.
- 291 *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 170–185.
- 292 Там же. С. 181–185.
- 293 *Федотова В.Г.* Модернизация «другой Европы». М., 1997. С. 32–50.
- 294 *Ядов В.А.* Россия как трансформирующееся общество (Резюме многолетней дискуссии социологов) // *Общество и экономика*. 1999. № 10–11. С. 65–72.
- 295 См.: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997; *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России / Под ред. В.В.Ильина. М., 1996 и др.
- 296 *Ахиезер А.С.* Труды. М., 2006. С. 48–60.
- 297 *Федотова В.Г.* Российская история в зеркале модернизации // *Вопр. философии*. 2009. № 12. С. 3–19.
- 298 *Хачатурян В.М.* «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009. С. 189–214.
- 299 Там же. С. 203.
- 300 *Костина А.В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2011. С. 19.
- 301 Там же. С. 18.
- 302 Там же. С. 179.
- 303 Там же. С. 177–186.
- 304 *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1: От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С. 358–359.

Глава 11

- 305 *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997. С. 255.
- 306 *New York Times*. 16 May. 1998.

- 307 *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992. С. 100.
308 Там же. С. 214.

Глава 12

- 309 *Inkeles A., Smith D. H.* Becoming Modern. Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge. Massachusetts: Harward University Press, 1974; Exploring Individual Modernity / Ed. by A. Inkeles. N.Y.: 1983.
310 Ibid. P. 350.
311 Ibid. P. 291.
312 См.: Exploring Individual Modernity.
313 Ibid. P. 18.
314 *Inkeles A., Smith D.H.* Op. cit. P. 302.
315 См.: *Федотова В.Г.* Типология модернизаций и способы их изучения // Вопр. философии. 2000. № 4. С. 3–23.
316 Там же. С. 11.
317 *Гидденс Э.* Последствия современности. М., 2011. С. 174.
318 Там же. С. 136.
319 *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Stanford (California), 1991.
320 Ibid. P. 98.
321 См.: *Веряскина В.П.* Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика // Филос. науки. 2012. № 6. С. 7–21.
322 Экономика развития. Сквозь десятилетия. Критический взгляд на 30 лет подготовки Докладов о мировом развитии. М., 2012. С. 77–78.
323 *Федотова В.Г., Колтаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч.
324 *Федотова Н.Н.* Изучение идентичности и контексты ее формирования. М., 2012. С. 134.
325 См.: Человек в экономике и других социальных средах / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2008; *Веряскина В.П.* Блеск и нищета **homo economicus**: теоретическая модель и ее онтологический статус // Философские науки. 2009. № 2. С. 9–27.
326 *Ту Вэймин.* Множественность модернизаций и последствия этого явления в Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002. С. 237–251.
327 *Линдсей С.* Культура, ментальные модели и национальное процветание // Культура имеет значение. С. 279.
328 Региональное многообразие России: версии модернизации // Полис. 2013. № 2, 3.

Глава 13

- 329 *Арас Д.* Четвертая мировая война. М., 2003. С. 10.
330 Чего хотят боевики? Информация прокуратуры Дагестана // Новое дело. 23.03.2012.
331 Там же.

- ³³² *Ланский В.* Крестовый поход в третье тысячелетие // Российская газета. 19.01.01.
- ³³³ Предисловие к сборнику «Народы Дагестана». М., 2002. С. 6.
- ³³⁴ *Добаев И.П.* Исламистское движение в северокавказском регионе в контексте национальной безопасности России // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Махачкала, 2007. С. 69.
- ³³⁵ Послание Президента Республики Дагестан Народному Собранию Республики Дагестан. Махачкала, 2006.
- ³³⁶ Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому противостоянию. Махачкала, 2007.
- ³³⁷ Unfo@cpt.ru.
- ³³⁸ www.apn.ru/publications/print/22987.htm.
- ³³⁹ Руководители – д.с.н., проф. В.В.Маркин и д.с.н., проф. М.М.Шульга. Опрос проходил в июне 2012 г.
- ³⁴⁰ *Кистяковский Б.А.* Государство и личность // *Исупов К., Савкин И.* Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). СПб., 1993. С. 250–251.

Глава 14

- ³⁴¹ *Олейников Ю.В.* Зрелое общество: проблема, реальность, перспективы. М., 2010. С. 6–23.
- ³⁴² *Олейников Ю.В., Борзова Т.В.* Экологическое взаимодействие общества с природой (философский анализ). М., 2008. С. 153–180.
- ³⁴³ *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861–1863 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 47. М., 1973. С. 403.
- ³⁴⁴ Там же. С. 461.
- ³⁴⁵ См.: *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI в. М., 2004.
- ³⁴⁶ *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. М., 1974. С. 114–116.
- ³⁴⁷ *Булгаков С.Н.* Христианский социализм: Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 223.
- ³⁴⁸ См.: *Олейников Ю.В.* Природный фактор бытия российского социума. М., 2003.
- ³⁴⁹ См.: *Олейников Ю.В.* Зрелое общество: проблема, реальность, перспективы.

Содержание

Введение. Оказался ли «проект модерна» незавершенным? 3

РАЗДЕЛ I

КАПИТАЛИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Глава 1. П.Б.Струве: первая модель капитализации России 16

Глава 2. Капитализм без модернизации:
Россия как сама по себе мир-экономика 33

Глава 3. Какая модернизация и какой капитализм нужны России? 41

Глава 4. Значение концепций К.Маркса и М.Вебера для понимания
модернизации сегодня 57

Глава 5. Консьюмеризм и антиконсьюмеризм:
проблема различий Запада и не-Запада 69

РАЗДЕЛ II

МОДЕРНИЗАЦИЯ И НАУКА

Глава 6. Национально-психологические предпосылки модернизации 80

Глава 7. Модернизация и социально-гуманитарные науки 94

Глава 8. Невостребованность науки и проблема модернизации в России 109

РАЗДЕЛ III

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Глава 9. Модернизация и повседневность: тренды постсоветской эпохи 124

Глава 10. Модернизация, социальные трансформации
и процесс архаизации общества 153

РАЗДЕЛ IV

СРЕДА МОДЕРНИЗАЦИИ

Глава 11. Модернизационный процесс. Взаимосвязь целей и средств 161

Глава 12. Персональная модернизация и последствия современности 168

Глава 13. Проблемы модернизации в депрессивном регионе 178

Глава 14. Перспективы постиндустриальной модернизации 196

Примечания 204

Научное издание

Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректурa авторов

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 01.08.13.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 11,53. Тираж 500 экз. Заказ № 023.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор авторов

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

Вышли в свет

1. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *Ф.Г. Майленова*. – М.: ИФРАН, 2012. – 239 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0219-5.
2. *Визгин, В.П.* Очерки истории французской мысли [Текст] / В.П. Визгин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2013. – 133 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0239-3.
3. *Гаджикурбанова П.А.* Этика Ранней Стои: учение о должном [Текст] / П.А. Гаджикурбанова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2012. – 219 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 211–218. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0222-5.
4. Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *В.Н. Шевченко*. – М.: ИФРАН, 2013. – 233 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0237-9.
5. Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *И.И. Блауберг*. – М. : ИФРАН, 2012. – 211 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0231-7.
6. История философии. № 18 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *Л.Б. Карелова*. – М. : ИФРАН, 2013. – 315 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.
7. *Карпов, К.В.* Учение Григория из Римини о преопределении и свободе воли [Текст] / К.В. Карпов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2012. – 128 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 113–122. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0226-3.
8. *Лазарев В.В.* Идея целостности в русской религиозной философии (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / В.В. Лазарев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2012. – 222 с.; 20 см. – Библиогр.: с. 202–204. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0213-3.
9. Меняющаяся социальность: контуры будущего [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *В.Г. Федотова*. – М. : ИФРАН, 2012. – 267 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0218-8.
10. Метаисселенная, пространство, время [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *В.В. Казютинский*. – М. : ИФРАН, 2013. – 141 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0238-6.
11. Ориентиры... Вып. 8 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *Т.Б. Любимова*. – М.: ИФРАН, 2013. – 159 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISSN 2222-4351.
12. Политико-философский ежегодник. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *И.К. Пантин*. – М. : ИФРАН, 2012. – 200 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0214-0.
13. Рациональность и её границы: Материалы междунар. научн. конф. «Рациональность и её границы» в рамках заседания Междунар. ин-та философии в Москве (15–18 сент. 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: *А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский*. – М.: ИФРАН, 2012. – 233 с.; 20 см. –500 экз. – ISBN 978-5-9540-0221-8.
14. Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. *В.А. Лекторский*. – М.: ИФРАН, 2012. – 181 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0232-4.

15. Спектр антропологических учений. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *П.С. Гуревич*. – М. : ИФРАН, 2013. – 167 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0235-5.
16. *Субботин А.Л.* Бернард Мандевилль [Текст] / А.Л. Субботин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2013. – 111 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 85–86. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0236-2.
17. Философия науки. – Вып. 18: Философия науки в мире сложности [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: *В.И. Аршинов, Я.И. Свирский*. – М.: ИФ РАН, 2013. – 308 с.; 20 см. – 500 экз. – ISSN 2225-9783.
18. Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *М.С. Киселева*. – М. : ИФРАН, 2012. – 181 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0223-2.
19. Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. *Е.Н. Князева*. – М.: ИФ РАН, 2012. – 236 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0227-0.
20. Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: *В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская*. – М. : ИФ РАН, 2012. – 184 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0225-6.
21. Этическая мысль. Выпуск 13 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *А.А. Гусейнов*. – М. : ИФРАН, 2013. – 270 с. ; 20 см. – 1 000 экз. – ISSN 2074-4870.